

Мелинда Салисбери

Спящий
принц

vk.com/kurotranslations

Когда брат Эррин ушел, ее жизнь из плохой стала ужасной. Теперь ей нужно было не только ухаживать за больной матерью, но и продавать незаконные лекарства, чтобы получить деньги за жилище. Но это не сравнить с угрозой в виде Спящего принца, пробудившегося от зачарованного сна. Ее деревню эвакуируют из-за войны против Спящего принца, и Эррин остается без дома. Она может обратиться только к загадочному Сайласу, юноше, покупающему смертельные яды у Эррин, но не говорящему, зачем они ему. Сайлас обещает помочь им, но, когда он исчезает, Эррин приходится самой отправиться в путешествие по королевству, чтобы найти другой способ спасти себя и свою маму. Но то, что она узнает, разрушит все, во что она верила. Спящий принц подступает все ближе, и Эррин придется сделать душераздирающий выбор, который может повлиять на все королевство.

Мелинда Салисбери «Спящий принц» («Дочь Пожирательницы грехов» — 2) Перевод: Kuromiya Ren

*Джеймсу Филду. За, помимо всего остального,
билеты на «Проклятое дитя».*

Пролог:

Ночной страж Восточных врат потянулся, чтобы проверить внезапное покалывание горла. Ноги отказали под ним, и он рухнул, увидел, что его пальцы в крови, черной в тусклом свете лампы у врат. Он умер до того, как коснулся земли.

Голем перешагнул через его тело.

Второй страж обернулся, раскрыл рот, чтобы закричать или выругаться, или чтобы взмолиться, его меч полетел к существу, но слишком поздно. Серебряная вспышка, и страж упал, его кровь смешивалась с кровью его коллег.

Пустая часть с выпуклостями, где должно быть лицо голема, была поднята к небу, словно он принюхивался или слушал. Он прошел врата, бесформенная голова ударилась о лампу, она раскачивалась от этого, отбрасывая жуткие тени на каменную стену. Масло пролилось, поднялся дым, занялся огонь, а голем шел, оставляя кровавые следы, направляясь в спящий королевский город Лортуна, таща дубинку в одной руке, а большой двойной топор в другой.

Вскоре за ним прошел второй голем, сжимая свои дубинку и топор в узловатых руках. Оружие использовалось не в первый раз.

Существа шли вперед медленно, но верно, покачиваясь, движение их напоминало корабли в океане, а не ходьбу по суше.

Спящий принц следовал за ними.

В отличие от чудовищных големов, принц был прекрасен. Его серебристо-белые волосы отражали лунный свет, стекали водопадом по его спине. Его глаза, когда в них отразился свет лампы, были золотыми, как монеты, как мед. Он был высоким и тонким, он двигался изящно, каждый шаг казался началом танца. В руках он нес по изогнутому мечу, золотые рукояти украшали символы давно умершего мира, но он не собирался использовать их и пачкать себя кровью этой ночью.

Если все пройдет, как он задумал, ему не придется использовать их. Мечи в этот раз были для эффекта, чтобы те, кто еще не спят — старушка, которой мешают боли, мальчик, проснувшийся от кошмара, — увидят из окна его величие, пока он идет по их городу. Он хотел, чтобы его видели, но пока что не все, а некоторые. Он хотел, чтобы слухи разошлись о том, как он шел свободно по городу, захватывая его. Как только два голема, которых он выпустил в Лорту и замок, никого не убили, кроме тех, что пытались защитить Лорту. Он хотел, чтобы люди шептались, прикрываясь руками, о том, как величественно он выглядел, пока шел мимо их домов. Он хотел, чтобы они помнили, что он мог убить их всех во сне, но не стал. Он пощадил их. Свой народ.

Он хотел, чтобы его новый народ думал о нем хорошо. Пока что. Его отец говорил, что есть два способа править: страхом или любовью. Он не ожидал, что лормерианцы сразу полюбят его, но он мог заставить их бояться себя. Легко.

Он следовал за големами по тихим улицам, критически глядя на грязные дороги, пятна от нечистот, что отлетали с дорог на стены, здания в тени замка были кривыми и грязными, выглядели как пристройки, а не роскошные дома торговцев в столице.

Он недовольно скривил губы, заглядывая в окна некоторых домов, что они проходили, видел скромную мебель и серый вид. Он посмотрел на замок Лормеры, квадратную крепость, окруженную четырьмя башнями, темную, пока его обитатели спали. Уродливый, как и все в городе. Но лучше, чем быть без замка вообще...

* * *

Големы проделали свою работу и у Водных врат, этот вход на земли замка Лормеры был защищен хуже всего, хоть новый король и добавил туда стражи. В этот раз восемь тел — четверо вооруженных дозорных у врат, и четверо, что были на стене — упали и затихли навеки. Спящий принц в этот раз присоединился, чтобы покончить со всем быстро, разбираясь с людьми у ворот, пока его монстры резали лучников в двадцати футах над ними на стенах. Стрелы отлетали от глиняных тел големов, если он и понимали, что в них попали, то не подавали виду, изводили людей, пока те не упали, а потом они растоптали их черепа.

На золотой тунике Спящего принца была кровь, он вытер ее, размазав по бархату. Он помрачнел, и в ответ на его настроение големы взмахнули дубинками, топчась тревожно. Он прошел мимо них к дороге, что вела к пристройкам, пошел по садам к замку, что возвышался над ним.

Удивительно, но тишину ночи разрезал рожок. Он повернулся к Водным вратам и побежал, големы шатались и спешили за ним. На земле страж с белым лицом, не умерший, безумно вдыхал в рожок, его глаза выпучивались от каждого выдоха. Спящий принц вонзил один из мечей в грудь мужчины, удар остановил его сердце и рожок.

Но было слишком поздно. Он повернулся к замку и увидел, как загорается свет в окнах, что были до этого темными. Он услышал новые рожки, крики людей, и вздохнул. Он залез в карман и вытащил стопку пергамента и пишущую палочку. Задумчиво хмурясь, он написал несколько слов, разорвал листок надвое. Он махнул големам, они протянули руки, позволяя вложить в их ладони клочки бумаги. На миг листки задержались на поверхности. А потом глиняная плоть стала жидкой и поглотила их, став твердой, когда бумага исчезла. Крики стали громче, ближе, и свист стрел пронзал воздух.

Спящий принц вздохнул. Он и его големы пошли беззвучно в сторону шума. Спящий принц взмахнул мечом и улыбнулся.

* * *

В главном зале замка Лормеры король стоял в бледных брюках и свободной белой рубашке, шнурки его сапог были криво завязаны, он насторожено смотрел на Спящего принца. Спящий принц смотрел на противника, его голова была с любопытством склонена, его одежда была изорванной и испачканной в красный, на красивых волосах засохла кровь. Его глаза пылали на лице, испачканном кровью, он смотрел на короля. За ним лежали груды тел: солдаты, стражи, слуги, что глупо попытались защитить короля, валялись на каменном полу как сломанные игрушки. Он оставил след тел, отмечая ужасный путь от Водных врат, вьющийся по садам и коридорам, ведущий сюда, где намечалась развязка.

На другой стороне зала, у двери, ведущей в королевские покои, лежал неподвижно один из големов. Его руку оторвал везучий страж, ослабив алхимию, управлявшую им, дав второму стражу шанс убрать ему голову. Но, по иронии судьбы, голем успел раздавить разрушителя, упав на него. Второй голем стоял в дверях в главный зал, ожидая других стражей.

Никто не шел.

Король что-то держал в руках: металлический диск на цепочке, который показывал Спящему принцу, словно дар. Спящий принц снисходительно улыбнулся.

— Если можем поговорить... — торопливо сказал король, его лицо было бледным, а волосы обрамляли его темными завитками.

— Никаких разговоров, Мерек Лормерский, — сказал Спящий принц, его ровный спокойный голос не сочетался с маниакальной улыбкой. — Все твои люди мертвы. Твой замок и королевство мои. И я буду слушать от тебя только мольбы о пощаде.

Темные глаза Мерека вспыхнули.

— Не услышишь, — сказал он. — Я не умру, унижаясь, — и он бросился вперед.

Спящий принц шагнул в сторону и поднял один из мечей, провел им по воздуху, пока он не вошел в незащищенную грудь нового короля Лормеры.

Король Мерек издал тихий удивленный звук, посмотрел на Спящего принца, его недоверие казалось детским. А потом эти глаза закрылись, и он рухнул на землю. Спящий принц смотрел на него с нечитаемым выражением лица.

Он перешагнул тело короля и пересек зал, взобрался на возвышенность. За длинным деревянным столом висел знак Дома Белмис, щит с тремя золотыми солнцами и тремя серебряными лунами на кроваво-красном фоне. Фыркнув с отвращением, он сорвал его и перешагнул, двигаясь к высокому резному креслу в центре стола. Опустившись в него, он провел пальцем по резьбе. И снова скривился. Дешевая работа. Он заслуживал лучшего.

И теперь, когда Лормера была его, он получит это.

Часть первая

Глава 1:

Я смотрела на дверь впереди, приближаясь к ней, не глядя на солдат по бокам, старалась казаться им скучающей, немного рассеянной. Ничего особенного, не на что обращать внимания. Просто еще один житель деревни пришел. К моему большому облегчению, они даже не взглянули на меня, и я ушла от морозящего дождика в Дом правосудия, медленно выдохнула, пройдя их, и напряжение ослабло.

Внутри было не теплее, и я плотнее укуталась в плащ, пока шла к комнате, где Чэнс Анвин, самозванный судья Алмвика, расскажет нам о совете Трегеллана. Капли дождя падали

с моих волос, носа, пока я разглядывала ряды деревянных лавок и стульев, стоявших перед подиумом, мест было слишком много для оставшихся жителей. Хоть нас было мало, комната воняла, и я скривилась: невымытые тела, влажная шерсть, кожа, металл и страх становились неприятным запахом. Так пахло отчаяние.

Те, кто еще цеплялся за жизнь, были мокрыми и дрожащими. Холодный воздух и осенний дождь проникали через нашу тонкую одежду в кожу, где, казалось, оставались на всю зиму. Солдаты стояли у стен, сухие и в теплых зеленых туниках из шерсти и в штанах из плотной кожи, они следили за происходящим в комнате.

За мной раздалось шарканье, я обернулась, а солдаты остановили мужчину и прижали к стене, обыскали, осмотрели плащ и капюшон, а потом отпустили. Жар прилил к моему лицу, я отвернулась и притворилась, что не смотрела.

Пригнув голову, я прошла задний ряд и села на скамейку в шести футах от соседки. Там хмыкнула что-то в приветствие, хотя больше звучало как предупреждение, ее рука коснулась амулета на кожаном шнурке, свисающего с шеи. Я взглянула краем глаза и увидела золотой диск между ее кривых пальцев, а потом она спрятала его за одежду. Я знала, что это, но сомневалась, что это золото. Если это было золото, то кто-то уже сорвал бы амулет с ее шеи. Я сама бы это сделала. Золото хоть чего-то бы стоило.

Мой друг Сайлас рассмеялся, когда я рассказала ему, что жители деревни носят амулеты, чтобы защититься от Спящего принца, я смеялась с ним, но в тайне думала, что не так и странно верить в магию в такой ситуации. Полумесяцы из соли и хлеба висели почти над каждой дверью и окном в деревне, медальоны с тремя золотыми звездами прятались под одеждой. Спящий принц был волшебным, существом из мифа. И я понимала, почему люди пытались бороться магией. Но знала, что дешевые кулоны не помешают ему прийти, если он захочет. Как не поможет и соль, священные ягоды и ветки дуба над окнами и дверями, если он решит захватить Трегеллан. Если его не остановил замок, полный стражи, то металл и ветки не спасут.

Пока он не пришел, никто в Трегеллане не верил в такое, это было не по-трегеллиански. Порой некоторые верили в Дуб и Падуб, раскрашивали лицо и зад красным ягодным соком, но так жили редкие из нас. Мы не были лормерианцами с их храмами и живыми богинями, с их жуткой королевской семьей. Мы были людьми науки и разума. Были, как я думала. Было сложно оставаться на стороне разума, когда пятисотлетняя сказка ожила и захватила замок и народ в соседней стране.

Девочкам в Тремейне рассказывали, что нужно вести себя хорошо, или придет Вестник, а потом Спящий принц съест твое сердце. Он был чудовищем из сказки, чтобы мы слушались, простая сказка. Мы не думали, что он проснется. Мы забыли, что он был на самом деле.

Я отвернулась от женщины и начала отмечать, кто остался в Алмвике, случайно поймала взгляд одного из солдат, и он кивнул мне, грудь сдавило напряжение. Я кивнула в ответ и отвела взгляд, стараясь сохранять спокойствие, борясь с желанием похлопать по карману и проверить, на месте ли флакон.

Я не годилась для переноски зелий. Я проверила флакон уже шесть раз по пути сюда, хотя не видела никого, как и не дала бы никому подобраться близко к моему карману. Но в Алмвике стоило оставаться настороже.

Алмвик не был деревней, где с соседями дружат. Здесь просьба о помощи или проявление слабости могло, в лучшем случае, привести к осмеянию. А в худшем можно было

получить удар ножом, если попросить не у того человека не в то время. Пока не пришли солдаты, людей могли повесить в лесу, и мы делали вид, что не замечаем этого. Здесь быстро учились не обращать внимания на что-то.

Бесхозные дома сделали Алмвик домом для отчаявшихся и брошенных, для тех, кто потерял свои дома и жил в других частях Трегеллана за преступления, в которых никогда не признаются. Люди всегда говорили, что в тяжелые времена, в войну и болезни, общество объединялось, все друг друга поддерживали. Но не в Алмвике. Война приближалась, дома оставляли, а оставшиеся врывались туда и забирали все, что могли. Я подозревала, что вскоре им для этого не нужно будет повода, ведь инстинкт хватать все, что может помочь выжить, становился сильнее вежливости. Даже сейчас я озиралась, отмечая из оставшихся, кто мог быть угрозой.

Порой мне нравилось так играть, пытаться угадать, кто из преступников тут остался. Худшие преступники — убийцы и похожие — ушли, стоило появиться солдатам, остались должники, наркоманы, игроки и лжецы. Бедняки и невезучие. Те, кто не мог уйти, потому что идти было некуда.

Сюда люди приходили не жить, а сгнивать.

Я сжала кулаки под изорванным плащом и смотрела, как мое дыхание задерживается в холодном воздухе, когда я выдыхала, а потом оно смешивалось с другими, добавляло влажности комнате. Окна с толстыми стеклами были покрыты влагой, и мне не нравилось думать, что я дышу тем, что выдыхали другие, не нравилось думать, что даже воздух был краденым. Я едва могла так дышать.

Когда показалось, что все пришли, все уселись в комнате, напоминая последние изюминки в пудинге. Чэнс Анвин — самый странный судья королевства — прошел в комнату, выпятив грудь, разглядывая лица. Когда он посмотрел на меня, то слабо улыбнулся, и мне стало не по себе, когда его улыбка сменилась хмурым видом, пародией на него. Он выглядел так мило, что я удивлялась, что хмурость не соскальзывает с его лица.

Его сопровождали два мрачных солдата в зеленых плащах, они придержали ему дверь, потом к ним присоединился, что странно, их капитан с красной лентой на груди. Когда еще шестеро солдат прошли за ними и встали по краям, атмосфера в комнате стала напряженной.

Я тут же села прямо, насторожившись, как заяц, все вокруг меня сделали так же, даже женщина, что ворчала на меня, выпрямила сторбленную спину, глядя на Анвина. Моя рука скользнула по поясу, проверив нож, руки других двигались к сапогам и поясам, все хотели знать, что мы вооружены.

Какой бы ни была причина собрания, Анвин ожидал, что новости воспримут плохо, и мне становилось не по себе, ведь он мог сказать только одно, чтобы получить такую реакцию от нас. И едкий воздух, казалось, застревал в моем горле.

Чэнс Анвин скользнул взглядом по комнате, посмотрел на всех, а потом сложил ладони вместе.

— У меня есть вести от совета в Трессалине, — сказал он, его голос был самодовольным. — Ничего хорошего. Три ночи назад големы Спящего принца напали на город Хага в Лормере. Они разрушили там два храма, выживших нет. Они убили всех, кто отказался поклониться перед ним, около четырехсот душ. После этого не повезло и храмам в Монкхэме и Лортуне, его армия теперь в пятидесяти метрах от границы между нами и Лормерой. Судя по всему, совет решил, что дальше он пойдет в Шаргат.

Все принялись переглядываться, вскинув брови, ссоры и споры были забыты, все начали шептаться. Я ни на кого не смотрела. Вместо этого я сжала рукоять ножа и глубоко вдохнула. Шаргат был за лесом, был напротив Алмвика, но в Лормере. Големы будут в нескольких часах от нас, по другую сторону леса.

Анвин кашлянул, все притихли.

— Совет решил, что попытки переговоров со Спящим принцем провалились. Он отказался подписать договор о мире с Трегелланом, он не отрицает планов захватить нас, — он посмотрел на капитана, а тот фыркнул и взглянул на одного из солдат, а я задалась вопросом, сколько из того, что Анвин докладывает, он понимает, или ему просто нужно было передать новость. — Исходя из этого, — продолжил Анвин, — совет срочно собрался и решил, что у нас нет выбора, кроме как ввести военное положение в Трегеллане.

Он сделал драматичную паузу, словно ожидал возмущений. Но мы молчали и ничего не делали, оставались каменными, берегли реакции для момента, когда он поведает самое важное, впечатлит нас, даст право напасть пятнадцати новым солдатам Трегеллана, что едва превышали в количестве нас.

Поняв это, он продолжил:

— Прошлой ночью армия Трегеллана закрыла границу от реки Аурмеры до утесов Трессамеры. Включая Восточный лес, — он замолчал, а мир сузился до этой комнаты, этих слов. Не говори. Я сосредоточилась изо всех сил. Не говори. — Вся торговля и перемещение между нами и Лормерой запрещены. Граница закрыта. Все, кто попробуют ее пересечь, будут убиты на месте.

Мы вдохнули, забрав из комнаты весь воздух.

— Из-за стратегического расположения деревню попросили переделать под бараки и места для гарнизона, охраняющего границу. Алмвик будет эвакуирован. Срочно.

Нет. Через миг новости впитались в головы всех в комнате.

И начался ад.

Глава 2:

Я узнала о собрании, когда Чэнс Анвин постучал в дверь до рассвета. Я уснула за пару часов до этого, и мне снова снился мужчина. В этот раз мы стояли на мосту над рекой недалеко от моего старого дома в Тремейне. Было лето, серебряные рыбки плавали в воде под нами. Солнце согревало кожу. Я была в старой форме ученицы. Платье было синим и чистым, множество карманов в фартуке были полны флакончиков, трав и порошков. Я чувствовала их запах, сильный аромат розмарина, коры ивы и сосны, эти запахи были связаны с домом, знаниями, работой и счастьем. Я сунула пальцы в один из карманов и послушала, как шуршат листья.

Он был высоким, худым и в плаще с капюшоном, несмотря на тепло, и он сутулился, пока говорил, склонялся ко мне, не давая никому вмешаться, пока он рассказывал мне что-то, грациозно двигая руками в воздухе. Слова тут же затерялись, как бывало во снах, но чувства, что они пробудили, остались, и я знала, что он подбирал слова, чтобы я искренне рассмеялась, чтобы смеялась до боли в животе. Он улыбался, и от этого становилось еще приятнее.

Когда я перестала смеяться, я повернулась к нему и смотрела, как он роется внутри плаща. Он вытащил маленькую куклу и толкнул мне по каменному бортику моста. Я

поймала ее, задев его пальцы. Я услышала его тихий вдох, и от этого мой живот начал болеть уже по другой причине.

— Что это? — спросила я, глядя на куклу.

— Это ты, — ответил он. — Мне нравится носить тебя с собой. Держать рядом. Приглядывать, — он забрал куклу из моей ладони и спрятал бережно в складках плаща. Я следила за ним, сердце билось вдвое быстрее. Хотя я не видела его лицо, я чувствовала, что он смотрит на меня, и я покраснела, из-за чего он улыбнулся и облизнул губы.

Сердце заколотилось еще громче, когда он приблизился, и вдруг шум превратился в настойчивый стук в дверь, и я покинула летний сон и услышала шелест дождя за деревянными ставнями. И боль в животе была не от смеха, а от голода, а сон ускользнул, как разорванная паутина. Я была и расстроена, и рада. Было горько сидеть зимой в Алмвике и думать о солнце в Тремейне.

Я потянулась и встала с постели на полу, укуталась в одно одеяло, как в плащ, ударилась при этом коленом о ножку стола с треском, от которого стало не по себе. Я воспользовалась шансом выругаться, ведь была одна, а стук в дверь продолжался и был ритмичным, как пульс.

Я открыла дверь, и на пороге стоял Чэнс Анвин, бледные толстые губы растянулись в улыбке при виде меня.

Мою кожу покалывало, пока он разглядывал мое тело, укутанное в одеяло.

— Эррин, доброе утро. Я тебя разбудил?

— Конечно, нет, господин Анвин, — я ответила широкой улыбкой.

Его улыбка стала шире.

— Хорошо. Я бы не хотел тебе помешать. Я могу поговорить с твоей матушкой?

— Боюсь, ее здесь нет.

Он заглянул за меня, словно думал, что она там прячется.

— Нет? — спросил он, кивая на солнце, что выглядывало из-за деревьев Восточного леса. — Но комендантский час только закончился. Я бы увидел, если бы она ушла.

— Не знаю, как вы разминулись, — сказала я. — Она ушла недавно. Я думала, что это она вернулась, потому что что-то забыла.

— Складный ответ с раздетом виде, — он оскалился, разглядывая меня.

Я плотнее укуталась в одеяло. Я слышала сплетни у колодца и знала, что Анвин был в Алмвике двадцать лет. И хотя внешне он пытался блистать, по слухам, он был тут по той же причине, что и все мы — его нигде больше не принимали. Говорили, он создал Алмвик из развалин старой деревни охотников, сделал сначала здесь черный рынок, а потом и деревню, чтобы ему была выгода. А когда пришла проверка, он сделал вид, что раскаивается, и предложил укрытие всем, кому оно было необходимо. Само милосердие.

— Удивлен, что ты открыла дверь. Прийти мог кто угодно. Отчаянные время, и людям нечего терять... солдаты далеко от домов и девушек. И жители могут захотеть что-то украсть.

Я молчала. Не могла ничего сказать. Но лицо мое могло высказать все, что я опасалась произносить вслух.

— Ты можешь сочувствовать им, но когда им станет холодно, голодно, и когда наступит ночь... — Анвин склонился, — тебя ничто не защитит, — он оглядел пустую комнату, вытащил пригоршню ягод и золотой диск из кармана и протянул мне. — От смертных и Спящего принца.

Я не думала, что Анвин верит в амулеты, я сама в них не верила, но все же сказала:

— Вы очень добры, но я не хотела бы, чтобы вы остались без защиты.

— Я буду рад войти и подождать возвращения твоей матушки. Так мы оба будем под защитой.

Было сложно оставаться вежливой, когда я ответила:

— Благодарю за такое щедрое предложение, но я не хочу тратить ваше время, и у меня есть дела утром. Мне уже пора ими заниматься. До свидания, — я начала закрывать дверь, но он вставил ногу в щель.

Он прищурился, его глаза стали щелками над румяными щеками. Он убрал амулет.

— Все хорошо? — медленно спросил он. — Ты ничего не слышала о брате, так ведь? Ты можешь мне доверять. Я друг для тебя. И твоей матери. Я буду рад помочь, если ты попросишь.

— Все хорошо, господин Анвин. Все хорошо. Просто у матушки дела.

— Видимо, так. Я не видел ее уже несколько недель. Даже месяцев. Хотя уверен, сегодня на собрание она придет.

Мне стало не по себе.

— На собрание?

Он наигранно хлопнул себя ладонью по лбу.

— Я еще не сказал? Ты отвлекла меня! У меня вести из Трессалина. Совет прислал гонца с важным объявлением. Я спешу созвать всех в Дом правосудия.

— Тогда не смею вас задерживать.

Он раздраженно скривился, и я знала, что зашла слишком далеко, я никогда не умела держать язык за зубами. Но он взял себя в руки. Веня на его щеках пульсировали, когда он растянул губы в улыбке.

— Ты слишком добрая. Слишком усердная, а это необычно для девушки. Может, это нравится не всем. А я восхищен. И твоя прямота впечатляет. Уверен, ты ценишь это и в остальных, так что не буду оскорблять тебя обманом. Я здесь и для ренты. Ты задолжала мне два флорина с прошлого месяца. Я думал, что помогу тебе и заберу их сам, пока буду доставлять послание.

— Конечно, — ответила я. — Я не забыла. Но потому мама и ушла так рано. Похоже, ваши цели пересеклись.

— Боюсь, что так, — мрачно сказал он. — Я надеюсь увидеть вас обеих на собрании, где ты мне и отдашь четыре флорина.

— Четыре? Было два.

— Ох, Эррин. К несчастью, мне пришлось одолжить денег, чтобы покрыть твою плату. У меня тоже есть обязательства, знаешь ли. Так что в этот раз мне нужно чуть больше. Уверен, ты поймешь. Редкие землевладельцы позволили бы жить без платы. Но, как я и говорил, я твой друг, — его улыбка была полна триумфа. — Я хочу лишь помочь тебе.

Я злилась. Он врал, пользовался преимуществом, а яму я выкопала себе сама. Он знал, что я едва могла позволить два флорина, которые задолжала.

— Это ведь не будет проблемой? Если это проблема — скажи. Мы договоримся, — он облизнул губы, и я обрадовалась, что у меня пустой желудок.

Улыбка Анвина увяла, лицо приобрело уродливое выражение.

— Собрание ровно в три. Увидимся, — он обхватил мою руку и поднес к губам, кланяясь мне. Еще раз оглядев мое тело, он отвернулся, и я закрыла дверь, прижалась к ней и

слушала, как он уходит. Я с трудом сдерживала дрожь.

Четыре флорина. Один все еще был в горшке. Последнее, что у нас есть, кроме припасов на крайний случай. И я напредила себе, что это благодаря Сайласу. Нужно найти его до собрания. Может, у него будет работа для меня и плата наперед.

Но временная радость оборвалась при звуке стука. В этот раз в другую дверь. В ту, что вела в спальню.

Я открыла дверь, и меня чуть не ударил по голове предмет, вылетевший из темной комнаты. Я пригнулась, но не очень быстро. Эмалевый горшок ударил меня по плечу, и моча вылилась на одеяло, в которое я все еще куталась, промокла и моя туника. Мама корчилась на кровати, скалила зубы, ее глаза пугали, в них была кровь, и она готовилась прыгнуть на меня.

— Мама? — тихо сказала я.

Я едва успела закрыть дверь. В миг, когда закрылся засов, она врезалась в дверь. Я прижалась к двери, а она стучала в нее. На дрожащих ногах я пошла на кухню.

Слишком близко.

* * *

Я ждала, пока солнце взойдет, а потом вернулась к маме. Я обнаружила ее между кроватью и стеной, она сжалась и смотрела безмолвно мимо меня.

— Мама? — тихо сказала я, медленно приближаясь, оставляя себе открытым путь к двери на случай, если она все еще бушует. Она меня уже обманывала.

Я осторожно подняла ее на ноги, стараясь не кривиться от того, какой хрупкой она казалась в моих руках. Солома на полу шуршала, когда она шаркала по ней ногами, и я отметила, что нужно будет заменить испорченную новой. Нужно было менять все, на самом деле, но денег было ужасно мало. Я прислонила ее к битому креслу-качалке и принесла свежую воду и одежду.

Сколько бы раз я ни делала это, все равно мыть ее было странно. Ее кожа была как бумага, шуршала, когда по ней скользила одежда, была хрупкой, как крыло мотылька. Царапины на ее руках зажили, оставив светлые шрамы, заметные в свете свечи. Я осторожно мыла ее кожу там, стараясь не смотреть.

Когда я подняла ее руки, чтобы переодеть в чистую ночную рубашку, она послушно держала их, позволяя двигать ее, как куклу.

Мне больше нравилось, когда она бушевала.

* * *

Когда-то жила-была юная ученица аптекаря в доме из красного кирпича с крышей из золотой соломы, окруженном зелеными полями. У нее был папа, что звал ее умницей, что позволил ей завести свой сад трав, и мама, что была доброй. А еще был брат, который умел улыбаться и смеяться.

Но однажды у отца случился приступ, и, хоть она старалась спасти его, он умер. И погибли ее надежды и мечты. Ферма, где поколениями жила их семья, была продана. Каштановые волосы мамы поседели, а дух угас, и в Алмвик она ушла как призрак без чувств и возражений. А ее вспыльчивый и веселый брат стал холодным, его глаза со злостью смотрели на восток.

Если бы кто-то сказал мне полгода назад, до того, как моя жизнь утекла сквозь пальцы, как вода, что моя мама будет проклята, что я сама буду давать ей лекарства, я бы рассмеялась ему в лицо. Потом ударила бы за оскорбление и рассмеялась снова. Я скорее

поверила бы, что сказки ожили. Конечно, теперь все мы верили в сказки. Алый оборотень теперь жил со мной в этом доме. Спящий принц пробудился и захватил Лормеру, армия големов, сделанных алхимией, шли за ним и убивали всех в стране. Сказки уже не были простыми рассказами, персонажи их появлялись в эти дни. Я ждала, что в окно постучит Безрукий Малли, прося согреть его. Тогда я увижу все.

Хотя ждала я не этого.

Нового короля — Мерека из дома Белмис — убили еще до того, как он водрузил себе на голову корону, как погибли и остальные, что отказались быть верными Спящему принцу, что хотели помешать ему добраться до трона.

Я видела короля Мерека во плоти чуть меньше года назад, когда он еще был принцем. Он проезжал мимо моего старого дома в Тремейне вместе с сверкающими и гордыми юношами. Мы с Лириис восхищенно переглянулись тогда, наши щеки пылали так ярко, что брат ругал нас, а потом принца на белом коне. Принц Мерек был красивым, может, даже слишком, его темные волосы обрамляли завитками лицо, они подпрыгивали, когда он кивал, признавая цветы и монеты, что бросали под ноги его коню. В Трегеллане уже не было королей, но мы были рады приветствовать будущего короля Лормеры. Он выглядел как подобает принцу.

До того, как пришли солдаты, я часто разговаривала с беглецами, что спешили в Тирвитт. И они рассказали, что голова короля теперь увенчана необработанным деревом и висит на центральном пике врат в город Лортуна. Я знала, что не стоит расстраиваться, но было ужасно думать, что теперь это красивое лицо мертво и смотрит на королевство, которым он не будет править, окруженный головами тех, кто был верен ему до последнего. Я не знала, была ли там голова Лифа.

Я спрашивала у каждого беглеца с пустыми глазами, с кем удавалось заговорить, слышали ли они что-то о трегеллианце, убитом Спящим принцем, о голове с волосами и скулами, похожими на мои, над вратами. Они слышали, что трегеллианца схватили и держат. Или он где-то прячется. Я часами ходила вдоль леса, ожидая, что он придет, улыбнется задиристо, ни капли не жалея, что я переживала.

Я не верила, что брат мертв. Лиф сделал бы все, лишь бы выжить, он был не их тех, кто будет искать гибели. Если бы Спящий принц приказал ему встать на колени и преклонить голову, он бы сделал так. Он склонился бы и выждал момента, когда сможет уйти. Он был умным, он оставался умным. Он мог где-то задержаться из-за болезни или раны, или он ждал безопасного момента для возвращения.

Папа всегда говорил, что семья важнее всего. Он напоминал нам, как его бабушка вывела сыновей из старого замка в ночь, когда люди восстали против правителей и убили их. Наша прапрабабушка была фрейлиной королевы и женой главы армии. Когда она услышала о людях у ворот, она бросила свою работу, схватила детей и убежала. Убежала от старой жизни, чтобы начать новую в безопасности. Остальные приходили и уходили, но семья всегда оставалась.

Лиф поступил так же. Он перевез нас, чтобы мы остались в живых. Ему пришлось уйти в Лормеру, потому что у нас ничего не было. Мы продали все, чтобы покрыть долги, когда покидали Тремейн. Эта кривая, грязная, продуваемая маленькая хижина и безразличие соседей защищали нас с мамой, пока мы ждали возвращения Лифа. Теперь у нас заберут и это. И нам будет негде прятаться.

Нам нужно было где-то спрятаться, потому что когда луна начинала округляться и

толстеть, моя когда-то нежная и любящая мама становилась монстром с красными глазами и скрюченными пальцами, и она шептала за закрытой дверью обо всех способах, какими могла навредить мне.

Но когда она была зверем, она могла меня видеть. Она слышала меня. Когда она была мамой, я была для нее призраком. Как отец и мой брат, вот только я еще была живой. И я была здесь.

Глава 3:

Семнадцать разъяренных жителей деревни стояли, кричали и трясли кулаками, некоторые сжимали амулеты, некоторые размахивали ими, слов было не разобрать, лишь ругательства. Комната, что казалась огромной, когда я только вошла, теперь была опасной и тесной, и я вжалась в свое место, рука тянулась к флакону в кармане. Солдаты кричали приказы, пытались усадить людей. Анвин стучал кулаком по трибуне, требуя тишины, но я уже все поняла. Я ничего не слышала из-за шума своей крови, пальцы впивались в край скамейки.

Я не могла оставить Алмвик. У меня не было денег, мне было некуда идти. Мне нужно было дожидаться брата, он не найдет нас, если мы уйдем. Но еще я не могла уйти из-за мамы. Я не могла вывести ее из дома, чтобы ее не заметили. А ее нельзя было не заметить. А все из-за ее состояния.

Солдаты вернули порядок, но атмосфера была напряженной, гул шепота в комнате напоминал гром. Анвин смотрел на нас свысока с фальшивой жалостью в глазах.

— Понимаю, вы расстроены, что придется оставить дома, — спокойно говорил он. — Совет сказал, что вас примут в новом лагере беженцев у Тирвитта, если вам некуда идти. Ничего не требуется. Только возьмете бумаги с моей печатью, чтобы они знали, что вы — трегеллианцы, а не из Лормеры.

— Лагеря нас не защитят, — раздался голос из центра комнаты. Старик Сэмм, неутомный игрок, но неплохой человек. — Нам не пережить зиму в палатках, еще и зиму с нападением Спящего принца.

— Вы можете идти, куда пожелаете, — оскалился Анвин. — Лагеря — выход для тех, кому некуда идти, для тех, кто не хочет за решетку за бродяжничество. Или что-то еще.

И снова атмосфера накалялась. Он знал, что мы не жили бы здесь, если бы нам было куда идти.

— Значит, вот так? — продолжал старый Сэмм. — Бросите нас без защиты?

— Это война, — с придыханием сказал Анвин, глядя на солдат. Мне нравилось, что они оставались непоколебимыми и не поддерживали его. — Это война, — повторил Анвин. — Легких путей теперь не будет. Все мы жертвуем. Алмвик станет местом, откуда весь Трегеллан будут защищать лучшие солдаты.

— Как они защитят нас от големов? — спросил старик Сэмм. Анвин снова посмотрел на солдат, но было поздно. Упоминание големов взволновало всех, и люди снова вскочили на ноги. — Как они защитят нас от монстров, которых не убить? Они ростом в десять футов, сделаны из камня. Мальчишки их не остановят, — к его словам присоединялись другие голоса, все звучало испуганно.

— Я слышала, Спящий принц может превращать человека в камень, посмотрев на него. Это правда? Так он создал армию? Это очарованные люди? Амулеты нас защитят?

— У нас нет храмов. Может, он нас не тронет?

— Я слышала, что он требует заплатить ему девушками, чтобы он съел их сердца, — женский голос стал пронзительным от страха.

— Не тебе бояться, тебе уже больше тридцати лет, — сказал ей кто-то.

— Поможет ли это? — кричал другой голос. — Нужно ли ягодам быть свежими? Если во мне есть соки, не привлекут ли они его?

— Мы не можем что-то ему предложить? Он ведь что-то хочет?

Снова стало шумно, люди выкрикивали вопросы, просили ответить, возмущались, и солдаты выступили вперед, держась за рукояти мечей. Но жители не боялись. Их голоса становились все громче, они вставали, я уже не могла это терпеть. Я перелезла через скамью, прошла к стене и выбралась из комнаты.

Я замерла у колонны вне Дома правосудия, сердце билось так быстро, что меня тошнило, кожа пылала жаром, а потом похолодела. Надо мной солнце двигалось к горизонту, во мне пробуждался страх. Скоро стемнеет. Нужно дать маме успокоительное. Нужно найти Сайласа и получить деньги для Анвина.

Нужно, чтобы здесь были отец и брат.

Нет. Я отогнала эту мысль, сердце болело. Не сейчас. У меня есть дела.

Но тело не слушалось, и страх сжал корсетом мои ребра, пока я слепо шла домой, не обращая внимания на взгляды двух проходящих мимо солдат, идущих в лес. Я не могла дышать.

Когда солдаты прошли, я остановилась, прижала ладони к глазам, стараясь успокоиться. Мысли крутились в голове так быстро, что я едва поспевала за ними. Можно ли заставить ее проспать всю дорогу? Куда мы уйдем? Нам некуда идти, не к кому. Я могла притворяться, что она больна, и дальше? Мы были на войне. Сколько еще мы сможем оставаться здесь? Он был меньше, чем в пятидесяти милях. Нам некуда идти. Нужно уходить, но мы не можем. Как Лиф найдет нас? Мы не могли его оставить.

Четыреста душ убили в Хаге, еще триста в Монкхэме. Мы не знали, сколько людей умерло в Лортуне и других деревнях и городах Лормеры. Когда Лиф ушел туда, казалось, что он ушел на другой конец мира, но теперь расстояния не было. Восточный лес был хрупким барьером против армии големов.

Я представляла головы знакомых мне людей на копьях у Западного леса. Анвин. Шумный старик Сэм. Хмурая Пэгвин с ее мрачными взглядами и шепотом.

Сайлас.

Я зажала руками рот, а потом увидела его, словно мысль призвала его. Он был в тени моей хижины, не был замечен солдатам, был в привычной черной накидке. Сайлас Колби. Как всегда, его лицо скрывал капюшон, что висел так низко, что видно было только его рот. Такой странной была жизнь в Алмвике — моим единственным другом был парень, чье лицо я никогда не видела, и для меня это казалось нормальным.

Его рост позволял мне узнать его, он был на восемь дюймов выше меня, а я была довольной высокой девушкой. Его ноги были скрещены, он прислонялся к стене с беспечным видом. Он поднял голову на звук моих шагов, и у меня вдруг пересохло горло.

— Я тебя ждал, — сказал он тихим и рваным голосом. Все в нем было рваным: его накидка в заплатках, перчатки, где ткань просвечивала на кончиках пальцев, потертые сапоги. Его слова всегда цепляли что-то во мне, словно гусь щипал траву или сломанный ноготь скользил по шелку. Его голос вонзался. — Как собрание?

Повезло, что ответить я смогла ровным голосом, хотя сердце все еще трепетало, как крылья птицы, попавшей в клетку.

— Ты бы знал, если бы пришел.

— У меня были другие дела. Прятаться. Хитрить. Избегать раскрытия и ареста. Как обычно.

— Откуда тогда ты знаешь, что было собрание?

— Прятался. Хитрил. Я же сказал, будь внимательнее, — я вскинула брови и поджала губы, а он улыбнулся и продолжил. — Я подслушал возмущения солдат. Их там было так много?

Я старалась не улыбаться в ответ, но не смогла, часть тревоги испарилась.

— Почти по одному на каждого.

— Все так плохо?

— Все плохо, — сказала я, улыбка угасла, узел в сердце вернулся и затянулся сильнее. — Големы напали на Хагу прошлой ночью и разрушили там храмы. Убили четыреста людей.

Его рот открылся, но он ничего не сказал, ждал, когда я продолжу.

— Совет думает, что дальше он пойдет в Шаргат. Он не далеко отсюда. Около пятидесяти миль. Это признано войной, — я глубоко вдохнула. — Они закрыли границу.

Сайлас кивнул, задумчиво пожевал губу и сказал:

— Рано или поздно это случилось бы.

— Уже скоро, видимо.

Его губы превратились в линию, он осторожно спросил:

— А что насчет Лифа?

Я покачала головой, невольно посмотрев в сторону леса. Я не верила, что Лиф мертв. Я знала, что это не так. Но я не хотела говорить об этом с Сайласом. Он знал, что Лиф был в Лормере, что он не вернулся. Он говорил о нем осторожно, значит, был настроен не так оптимистично, как я. Нам не нужно было говорить об этом.

Я огляделась и вытащила из плаща флакон вытяжки из болиголова.

— Вот. Я хотела занести тебе домой, но тебя там не было, — сказала я.

— Это уже не моя хижина. Мне снова пришлось переехать, — сказал он. — Теперь я в той, что у старого хлева. Боги знают, надолго ли.

Он протянул руку в перчатке, и я бросила флакон на его ладонь, глядя, как его пальцы сжимаются, пряча склянку. Флакон исчез в складках его накидки, вместо него появились золотые монеты. Я протянула руку, и он высыпал монеты. Мы не касались. Мы с Сайласом не касались даже так, когда передавали монеты и флакон.

— Спасибо, — он кивнул и огляделся.

Он опустил капюшон еще ниже и собрался уходить, а я выпалила:

— Что-нибудь еще нужно?

Он покачал головой, поджав губы.

— Нет, спасибо. С закрытием границы ситуация должна измениться.

Сайлас несколько раз озвучивал мне заказы за последние несколько месяцев, и просьбы варьировались от невинных лекарств до убийственных ядов. Я записывала каждый заказ в журнал аптекаря: что это было, сколько, цену. Он платил три золотых флорина за незаконные, четыре серебряных цента за остальное. Я не знала, что он с ними делает, он мне не рассказывал, как и о том, откуда он берет деньги, чтобы платить за них. Он, честно

говоря, ничего не рассказывал мне. Я задавала вопросы, пыталась обхитрить его. Он всегда качал головой, поджимал губы, улыбался и просил не спрашивать, чтобы не слушать ложь.

Я делала вид, что меня это не расстраивает.

— Тебе стоит уходить, — напомнила я ему. — Собрание почти закончилось. Было опасно сюда приходить.

— У меня не было выбора, Эррин. Я тебе говорил, мне нужно перемещаться, и ты не узнала бы, где я, если бы я не пришел, — он улыбнулся. — Не бойся, я осторожен, как и всегда. И мне нужно узнать, о чем было собрание.

— А если бы я не ушла раньше?

Его улыбка пропала.

— Пришлось бы как-то объясняться.

Его тон звучал равнодушно, но тело выдавало его. Он был напряжен, словно змея перед броском, перед побегом. Он нервничал, ведь был тут, был открыт, несмотря на его слова, и я ощущала опасный трепет от того, что могла так его читать. Три месяца я рассказывала ему понемногу о себе: о смерти отца, о желании Лифа поддержать нас, о его исчезновении, о своей работе аптекарем, обо всем, кроме состояния матери. Я надеялась, что и он начнет отвечать. Я думала, что секрет заставит его выдать секрет, история — историю. Но он слушал меня, кивал, словно я это была исповедь, уголки его рта то приподнимались, то опускались, зависело от рассказа. Он не комментировал, не судил, лишь слушал и впитывал, не выдавая мне ничего о себе в ответ.

Но я поняла, что многое можно узнать без слов. Но и это было сложно. Он был мне другом, и, насколько я знала, меня он тоже считал другом, но я не знала, как он выглядит под капюшоном. Это звучало странно. Конечно, как можно кого-то звать другом, звать так долго, но не видеть? А я не видела его лица. Я не знала, какого цвета его глаза или волосы. Я знала его губы, его подбородок, его зубы. Как-то раз я видела кончик его носа, когда он откинул голову, смеясь. И все. С нашей первой встречи до этого дня он был всегда в капюшоне, перчатках и накидке, никогда не снимал их, даже не сдвигал, даже если был внутри здания. Когда я спросила у него причину, он сказал, что так безопаснее. Для нас обоих. И попросил не задавать таких вопросов.

Загадочные парни в реальности не так приятны, как в сказках.

Очевидной причиной было то, что он уродлив, как-то искажен. Но то, как он нес себя, заставляло меня думать, что это не так. Я представляла его темноволосым и темноглазым, волосы доставали до его плеч, но все могло оказаться не так. Я несколько раз старалась заглянуть под его капюшон, я успела заметить блеск глаз, а потом он поправил капюшон и скрыл все лицо.

Но я все же понимала, когда он беспокоен, когда злится или радуется. Я научилась читать по его губам, плечам и рукам, по его позе. Он склонялся вперед, когда расслаблялся, склонял голову влево. Он стучал пальцами по любой поверхности, когда была взволнован: по деревьям, ногам, рукам, если они были скрещены. Когда он веселился, две ямочки появлялись слева от его губ, но ни одной справа. Он проводил языком по верхним зубам, когда думал. Я видела то, что он не говорил, ведь они были написаны на нем.

— Я должен знать что-то еще? — Сайлас скрестил руки, прервав мои мысли и вернув меня в реальность. — С собрания?

Паника вернулась волной, желудок сжался от воспоминания о словах Анвина.

— Нас эвакуируют. Быстро. Все должны уйти.

— Куда? — спросил он.

— В лагерь беженцев у Тирвитта, если больше некуда, — сказала я, хотя знала, что мы не можем туда идти.

Я чувствовала на себе его взгляд, пальцы левой руки стучали по его руке, нижняя губы оказалась между зубов, так он размышлял.

— И тебе придется? — сказал он.

— Деревню превратят в казармы, — слова приходилось выдавливать из сжавшегося горла. — И здесь будет армия. Генералы, лучники, копейщики, всадники. Никому из нас не удастся остаться, — я отвела взгляд, глубоко вдохнула, стараясь держать себя в руках, ведь ужас душил меня. Я вдруг ощутила жар. Кружилась голова.

Я представила, как мама бушует в лагере, бьет детей, хватает стариков и женщин, погружает в них зубы. Я представила кровь. Крики и ужас. Топоры и мечи, пытающиеся остановить ее. Распространение проклятия, если они и убьют ее. И я осиротелая или мертвая рядом с ней. Огонь...

— Эррин? — тихо сказал Сайлас, и я заставила себя посмотреть на него, чуть распахнула плащ, чтобы холодный воздух пробрался под него. Прохлада успокоила меня, погасила жар на коже, и я глубоко вдохнула. Сайлас тихо ждал, кусая губу.

— Прости, — сказала я через миг, когда страх отступил. — Что будешь делать?

— Ничего, — сказал он.

— Но ты не можешь остаться. Они придут отовсюду. Все хижины займут.

— Я должен остаться.

Я открыла рот, чтобы в сотый раз спросить причину, но закрыла, услышав шаги, приближающиеся к нам, хлюпанье грязи под сапогами. Не мешкая, я открыла дверь и схватила Сайласа за плащ. Он издал искаженный звук, руки потянулись к капюшону, пока я втащила его в комнату и закрыла за нами дверь так тихо, как только могла. А потом я выглянула в трещину.

Я выдохнула с облегчением. Мимо прошли те же солдаты, которых я видела раньше, они и не взглянули на домик, их лица были мрачными, а тихие голоса не было слышно.

— Тебе не стоит быть здесь, — сказала я, повернувшись и покраснев, когда увидела, как Сайлас озирается в комнате.

Я никогда еще не впускала его из-за мамы, никто не должен был знать, кто она. В книгах оборотней, варулов, сжигали, привязав к шесту, как и дома, где жили их семьи. И семьи при этом были заперты внутри, чтобы остановить заражение. Четыре месяца назад я посчитала бы это невозможной выдумкой. Но теперь... теперь люди носили амулеты и прибивали к дверям хлеб. А такие люди, как я, воровали его, если могли. Хлеб оставался хлебом.

Я проследила за его взглядом на полки с их жалким содержимым, мои выцветшие рабочие халаты с разными пуговицами, одеяла, что висели на веревке в надежде, что они высохнут до следующей проделки мамы, на тонкий матрас и одеяла на пыльном полу, на потрепанный стол, что служил балдахин. Я видела камин с одинокой старой мисочкой, пустой, висящей на решетке над грудой пепла. Никакой мелочи. Никаких сверкающих сковород или наваристого бульона на огне. Место казалось давно заброшенным, выглядело хуже некоторых хижин, в которых он спал.

Я не выдержала, когда он повернулся ко мне. Мое лицо пылало от стыда. Я не знала, что он видел, глядя на меня. Каштановые волосы потемнели от жира, они были заплетены в косы

вокруг моей головы, чтобы не дать маме вырвать их. Под ногтями были полумесяцы грязи, губы потрескались. Конечно, он... Я пресекла эту мысль.

Мне не нужно было видеть его лицо, чтобы понять, что от него исходит сочувствие, это злило меня, оскорбляло, распаляло.

— Тебе нужно уходить, — грубо сказала я и открыла дверь.

За ней стоял Чэнс Анвин с поднятым для стука кулаком.

Он посмотрел на Сайласа и меня, его глаза расширились. Я повернулась к Сайласу, ужас впился в меня когтями, ведь нижняя часть лица Сайласа побелела.

Глава 4:

Выражение лица Анвина рассмешило бы меня, если бы я не была так напугана. Его глаза выкатились, пока он смотрел на Сайласа. Я видела, как он отмечает поношенную обувь, нити, свисавшие с плаща, протертые перчатки. Он окинул его взглядом три раза, пока не остановился на скрытом лице Сайласа.

— Ты рано ушла с собрания, — сказал Анвин, повернувшись ко мне, его голос был опасным. — Я видел, как ты ушла. Я думал, мы договаривались встретиться после собрания.

— Простите, — сказала я. — Я боялась, что будет беда, и не хотела оставаться.

— Все было под контролем. Я здесь храню справедливость, — сказал он и посмотрел на Сайласа. — И кто же вы, сэр? — последнее слово он произнес как ругательство. — Откуда вы? Я не припоминаю вас здесь.

Сайлас опустил голову, чтобы видно было только его подбородок.

— Я уже уходил, — пробормотал он. Его пальцы быстро постукивали по руке, он был напряжен.

— Как раз пора, — я провела Сайласа мимо Анвина, вышла из дома и оказалась между ними. Анвин помрачнел и глубоко вдохнул. Сайлас поспешил исчезнуть за углом домика. Анвин, кривясь, провожал его взглядом.

— План эвакуации, — вдруг заявил Анвин, повернувшись ко мне. — Ты его пропустила. С первыми лучами деревню покинет караван и отправится в лагерь у Тирвитта. Ты едешь с ними.

Меня охватил ужас.

— Не могу.

— Почему?

— Мама больна. Очень больна. Я не могу ее трогать, — ложь слетела с губ раньше, чем я обдумала ее.

— Забавно, утром твоя мама ходила по делам, ты сама говорила. А теперь она при смерти:

— Ходила. И она должна была вернуться раньше... ей не стоило выходить, это было глупо, — я лепетала, но не могла остановиться. — Теперь она отдыхает, но ее нельзя двигать. Я не знаю, что это, но... я не хочу, чтобы рядом с ней кто-то был, — я понизила голос. — Это может быть заразно. И в караване, а потом в лагере... заболеть могут все. И я не смогу там ее выходить.

Было слишком поздно, я завела себя в ловушку, и я поняла это, когда увидела в его улыбке нечто схожее с торжеством.

— Как хорошо это сошлось с моим предложением.

— Предложением? — повторила я.

Он оглянулся через плечо и понизил голос. Его тон был льстивым, неприятно интимным.

— Если хочешь остаться здесь, я могу обеспечить комнату в доме пастора. Для вас обеих, — он широко улыбнулся.

— Что?

— Я видел твое лицо, когда я сказал об эвакуации. Знаю, тебе некуда идти. Твой отец и брат мертвы.

— Лиф не мертв. Он вернется.

Анвин смотрел на меня с жалостью.

— У тебя ничего нет, моя девочка. И я останусь здесь, буду работать с армией. Не могу углубляться в подробности, но я приглашаю вас остаться. За цену, конечно.

— Какую? — пот выступил на моих плечах, остужая меня.

— Думаю, мы придем к соглашению. Между нами. И это будет устраивать обе стороны.

Его зрачки расширились, он говорил тихо и с придыханием, и я поняла, что он имел в виду, чего хотел. Он думал, что получит это от меня, потому что у нас не было выбора.

Я старалась сохранять внешнее спокойствие, не ударить его.

— Вы очень добры, но мы вынуждены отказаться.

— Отказаться? — он моргнул. — Отказаться? Как можно отказаться?

— Нам есть куда идти. У нас есть родня на севере. Нас ждут. Маме станет лучше, и мы уйдем. Это меня и тревожило, что мама болеет и задерживает нас. А не то, что мы одни.

Его брови поднимались все выше с каждым моим словом, а потом он оскалился.

— Ты никуда не уйдешь, потому что еще не вернула долг. Шесть флоринов.

— Я... — начала я, но Анвин прервал меня, и теперь он говорил жестоко и со злобой:

— Я... — передразнил Анвин высоким голосом. — Что, Эррин? Еще отговорка? Еще находчивое возражение?

— Я... — меня оставили слова из-за страха, я впервые его боялась, и язык не слушался.

— О, говори уже, — он склонился, слюна брызгала мне на лицо. — Утром ты так складно говорила. Где теперь умные слова? А? Уже не парируешь? Не возражаешь? Где мои деньги, Эррин?

— Вот, — вдруг вернулся Сайлас из-за угла и протянул руку к Анвину, что повернулся к нему. Я раскрыла рот. Он вернулся. Вернулся. — Сколько нужно?

— Я здесь из-за ее долга, а не твоего, кем бы ты ни был, — оскалился Анвин, я смотрела на Сайласа. Я не успела прийти в себя, а худой Сайлас встал между мной и Анвином, словно хотел оградить меня.

— Шесть флоринов, как я слышал? Конечно, — и он улыбнулся Анвину так широко и ярко, что я бы никогда не подумала, что он так может. А он сунул горсть монет Анвину, и тот удивленно принял деньги. — Вот. Все оплачено.

Мы стояли в потрясенном молчании, никто, казалось, не верил в произошедшее.

— Сними капюшон, — вдруг рявкнул Анвин. — Кто ты? Покажись.

— Если позволите, я бы оставил капюшон, — спокойно сказал Сайлас. — Я получил сильные ожоги в пожаре пару лет назад. И не все они зажили. Страшное зрелище.

Анвин ему явно не поверил.

— Уверен, я видел и хуже, — он попытался сорвать капюшон, Сайлас отпрянул, а я судорожно вдохнула.

— Не думаю, — вдруг голос Сайласа зазвучал опасно, угроза стерла все спокойствие.

— Где твои документы? — прорычал Анвин. — Откуда ты? Ты и звучишь не как трегеллианец. Что ты здесь делаешь? Как связан с ней?

— Он друг семьи, — сказала я, и Сайлас в этот миг сказал:

— Кузен.

Моя кожа снова пылала, но это было не сравнить с лиловыми пятнами, что появились на щеках Анвина, а потом растеклись по его лицу.

— Хотя я всегда думала о нем, как о кузене, — сказала я быстро. — Мы росли вместе. Это к его семье на севере мы уйдем. Он поможет нам собраться. И проводит, когда маме станет лучше. Так ведь? — я просила его каждой клеточкой подыграть мне.

— Верно, — улыбнулся мне Сайлас широко и лениво, и все мое тело зажглось, и я была удивлена, как я не вспыхнула. Он взял меня за руку, и мое сердце затрепетало и замерло. Он коснулся меня. Сам. — Я пришел помочь кухне. Мы близки, — слышала я его, но будто издалека. В ушах гудело, а во рту пересохло.

Глаза Анвина превратились в щелки, и я не знала, что он так видит. Он смотрел то на Сайласа, то на меня.

— Ясно, — медленно сказал он. — Ясно.

— Если это все... мистер Анвин, да? — сказал Сайлас, и я слышала торжество в его словах. — Нам пора. Много дел, — сказал он, потащил меня к двери домика, втолкнул нас внутрь и закрыл дверь перед лицом Анвина.

Мое сердце колотилось так быстро, словно вибрировало, но в доме он отпустил мою руку. Скорость этого поступка ранила, и я ушла к окну, чтобы скрыть обиду, посмотрела в щель между ставен на Анвина, а он смотрел на дверь с яростью. Я повернулась к Сайласу, а он смотрел, наверное, на руку, но дурацкий капюшон мешал понять. Казалось, он напряженно застыл, губы были недовольно поджаты, и мне стало не по себе.

— Это было умно, — рявкнула я. — Скажи, как твоя шея выдерживает вес такой глупости?

Сайлас вскинул голову.

— Прости? — в его голосе поднималось недовольство.

— Ты. Почему ты не вонзил нож ему в живот? Это было бы не так опасно.

Он глубоко вдохнул.

— Я пытался помочь.

— Выведа его из себя?

— Я не люблю, когда угрожают. И мне не понравилось, как он говорил с тобой. И как смотрел на тебя. Я не смог стоять в стороне, Эррин. Не смог.

Я сдалась, сердце екнуло в груди раньше, чем я пришла в себя.

— Стоило уйти, пока был шанс, — сказала я, но жало было опущено.

— Знаю, — тихо и хрипло прошептал он. — Но я не собирался стоять и слушать, как он так с тобой говорит.

Мне не нравилось, как на это реагировало все внутри меня.

— Я справлюсь, — сказала я.

— Почему ты не рассказывала, что должна ему денег?

— Потому что... это с тобой не связано. Все было под контролем, — он тихо фыркнул, и я мрачно посмотрела на него. Он пожал плечами и повернул голову, пока не оказался напротив комнаты, где была мама. Я и забыла о ней. А ночь была близко...

Я подошла к нему и встала между ним и дверью.

— Не хочу показаться грубой, но у меня есть дела. Вот... — я подошла к камину, вытащила из горшка флорин, добавила к трем, что он заплатил мне за белену. Я подошла к нему слишком близко, и он отпрянул, чтобы расстояние сохранилось. — Остальное отдам позже.

Он покачал головой.

— Не переживай. Слушай, если хочешь, я могу остаться, вдруг он...

— Нет! — прервала я его, молясь, чтобы мой голос не разбудил маму. — Сайлас, я не врала Анвину про болезнь мамы. Она отдыхает, и я не хочу мешать ей, так что... — я протянула руку с монетами, но он игнорировал ее.

— Не нужно врать и мне, Эррин.

— О чем ты? — я застыла.

Он заговорил медленно, словно с ребенком:

— Посмотри на это место. Вещи здесь висят твои, я их узнаю. Голубой халат, в котором ты была в нашу первую встречу. Зеленое платье было на тебе, когда...

Он замолчал, а я в смущении сжимала кулаки. Он продолжил спешно:

— Здесь одна чашка, одна миска и ложка. Один матрас у камина. Всего по одному. Может, твоя мама там, — он кивнул на закрытую дверь, — вдали от огня, и все вещи при ней, как и предметы, или я бы сказал, что ты живешь здесь одна.

— Я не...

— Хватит, — он начал расхаживать, топая слишком громко, и мои плечи покалывала тревога.

— Это не...

— Что за мать пустила бы дочь одну в лес? — он не слушал меня. — Что за мать позволила бы дочери варить яды в доме? И продавать их, чтобы сохранить крышу над головой? Я стоял здесь с тобой, Эррин, когда пришел он и попросил плату. Ни ты, ни Анвин не говорили о твоей матери, пока тебе не потребовался предлог, чтобы прогнать его. Ты не упоминала мать. Ты рассказывала мне только об отце и брате. Я и не видел, чтобы сюда приходил кто-то кроме тебя с момента моего прибытия. Я знаю, что ты одна. И всегда знал. Я не прошу рассказывать что-то еще, но перестать врать про это. Бессмысленно. Ты знаешь, что я пользоваться ситуацией не буду.

Он произнес последнюю часть тихо, и я отвела взгляд, скрывая боль. Да, я знала, что он ничего делать не станет. Он был единственным мужчиной в королевстве, который не воспользовался бы шансом, когда расстроенная девушка рядом, даже если она бросится на него.

А потом я поняла его слова: он не видел, как сюда заходит кто-то кроме меня. Мне стало не по себе. Он следил за мной. Зачем? Когда? Точно не весь месяц и не пристально, иначе он знал, что здесь кто-то еще есть. Что-то еще есть.

Я хотела возразить по привычке, но сдержалась. Хоть я доверяла ему больше всех нынче, я понимала с болью, что он уже достаточно обо мне знает. Несмотря на его уверения, что он не воспользуется шансом, он знал обо мне много, а я о нем — ничего. У него уже было слишком много преимуществ надо мной.

— Никому не говори, — попросила я, сменив тактику. — Если кто-то узнает...

Его голова дрогнула, словно от удивления.

— Мамой клянусь, — сказал он и криво улыбнулся своей шутке.

— Слушай, — я обошла его и с печальной улыбкой встала у двери. — Я благодарна за твою... помощь, Сайлас, но у меня много дел. Если я хочу уйти отсюда, то... — я замолкла, пожав плечами.

Я чувствовала его взгляд, но думала лишь о том, что сказать, а он молчал. Момент стал осязаемым, он давил на меня. Я все еще держала его деньги и протянула их снова, но он не двинулся, и я опустила их на камин.

Он пожал плечами, прошел мимо меня к двери, не обратив внимания на монеты.

— Скоро увидимся, Эррин, — сказал он, открыв дверь, за которой небо было лилово-красным.

— Береги себя, — попросила я его, вызвав улыбку.

Он едва начал закрывать дверь, когда из комнаты матери раздался громкий грохот.

* * *

Он тут же вернулся на порог, склонил голову и будто смотрел на меня из-под капюшона. А потом он закрыл дверь и пересек комнату. Я бросилась к двери в спальню, пока он потянулся к ключу в замке.

— Не смей, — сказала я, понимая, почему она стучит. Я не приготовила ей чай.

Он посмотрел на меня, и я с болью осознала, как мы близко. Я не могла смотреть на него.

— Прощу, не надо. Уходи, — взмолилась я.

Сайлас покачал головой и осторожно взял меня за плечи, отодвинул с пути. Я закрыла глаза, когда он открыл дверь.

Она сидела на кровати, ее чашка была на полу рядом с дверью, содержимое вылилось. Ее волосы были растрепаны, она смотрела на Сайласа как на добычу, и мое сердце дрогнуло.

Сайлас, казалось, не замечал. Он тихо подошел к ней и опустился рядом.

— Привет, — тихо сказал он, а потом чуть отодвинул капюшон, к моему удивлению, показывая ей лицо. Я уловила высокую скулу, бледные ресницы. — Я Сайлас, друг Эррин. А вы, значит, ее мама.

Я дрожала и думала, что она бросится на него. Но вместо этого ее рот превратился в О. Я ждала ее броска, но она отклонилась на подушку, все еще разглядывая его лицо, и я вбежала в комнату, чтобы ее осмотреть.

Ее глаза оставались красными, хищными. Ничего не изменилось.

Она посмотрела на меня и прищурилась, я отпрянула.

— Я заварю чай, мама.

— Я пока пригляжу за ней, — сказал Сайлас. Он снова опустил капюшон, и видно было только его рот, губы ничего не выдавали. Я взглянула на маму, а она снова смотрела на него, следила, но не как за добычей. — Она поела? — спросил он.

— Да. Перед тем, как я ушла на собрание, я дала ей немного хлеба и тушеного мяса. Она захочет есть завтра. Как всегда.

Он кивнул, а я смотрела на их безмолвные фигуры, они не замечали меня. Было очень глупо оставлять его с ней, но я сделала так, пошла в комнату и растопила камин, наполнила чайник водой, добавила валериану и ромашку к листьям крапивы, влила остатки меда и не забыла о хорошей дозе мака. Я оглянулась, а он все еще был у кровати, а она смотрела на него, и лицо ее было человеческим. Было что-то в этом зловещее: фигура в капюшоне возле лежащей женщины, и на миг я забыла, кто из них опасен. Я поспешила все приготовить, помешала варево. Я вспомнила учителя, он бы ворчал на меня, и я виновато улыбнулась, а

потом вспомнила, что Сайлас с мамой в другой комнате, и поспешила к ним.

Я чуть не уронила чашку, когда увидела, что он держит ее за руку, ее хрупкие пальцы не двигались в его пальцах в перчатке. Он указал мне передать ему чашку, и я смотрела, как он осторожно дует и подносит чашку к губам моей матери. Она послушно пила, и он улыбался, подбадривая. Я попятилась к порогу, глядя, как он поднимает чашку к ней, и ее пальцы обхватывают чашку поверх его. Боль пронзила грудь, и я поняла, что завидую тому, как легко он ведет себя с ней. Мои чувства к Сайласу всегда были сложными, но эта зависть к матери была новой, а ведь он просто держал ее за руку.

И она позволяла ему. Я завидовала, потому что казалось, что она ненавидела только меня. Для Сайласа она могла быть спокойной, хоть солнце и село, и в ней проснулся зверь. Она должна была расцарапать его лицо, а не смотреть, как птенец на небо, ожидая маму. Может, она хотела боли мне. Может, дело было не в проклятии, и она ненавидела меня за то, что застряла со мной. Мы остались одни, но она бы с радостью разорвала мне горло, если бы могла.

Я вспомнила жизнь дома, мы вчетвером сидели за столом год назад, Лиф и папа оживленно обсуждали, как лучше сводить корову с быком, а мы с мамой закатывали глаза.

Я на кухне в тринадцатый день рождения разворачиваю подарки: настоящий фартук аптекаря с множеством карманов, стеклянные флаконы, блокнот для записи экспериментов. Лиф дал мне семена, завернутые в бумагу. Отец вывел наружу, закрывая руками мои глаза, и показал участок земли, что он вскопал и удобрил для меня.

Мы с Лифом лежали на свежескошенном поле и смотрели на звезды после майских праздников в год, когда мне исполнилось двенадцать. Низко проносились летучие мыши, хватали насекомых, моя челюсть слабо болела из-за их криков, которые я не слышала, но ощущала. Мама с папой пришли с горячим какао и пирогом. И мы лежали на покрывалах, смотрели на небо, провожали взглядами летящую по небу сову. Рука папы или Лифа придерживала меня за плечи, пока мы шли домой, и я была уставшей, но счастливой.

Я проснулась ночью и увидела десятилетнего брата у моей кровати с лопаткой в руке, он почти уснул, стоя.

— Что ты делаешь? — спросила я тогда.

— Спи, — пробормотал он. — Ты в порядке. Я здесь.

Но теперь его тут не было. Не было.

Волна горечи ударила болью, грозила сбить меня с ног. Я прижалась к косяку, смотрела, как Сайлас забирает у нее чашку. Он накрыл ее одеялом, подоткнул края, и я скрестила руки из-за боли внутри.

Еще вспышка: мама читает нам с Лифом, а потом он уходит в свою комнату, а папа слушает на пороге со стаканом бренди, смотрит на маму, и она чуть краснеет от его взгляда, ее губы изгибаются от радости.

Мы с Лифом отвели ее в кровать в день, когда отец умер. Мы смотрели друг на друга поверх ее дрожащего тела, а потом безмолвно легли по обе стороны от нее. Она обняла меня, а Лиф нас обеих. Подушка пахла папой. Но к утру запах пропал, его заменила соль наших слез.

Я ушла и ждала, пока Сайлас оставит ее, запрет за собой дверь. Я повернулась к нему, а его руки были скрещены, и пальцы быстро стучали.

— Что с ней?

Я глубоко вдохнула.

— После... того, как Спящий принц пришел в Лормеру, она... думаю, она ушла за Лифом. Она пыталась попасть в Лормеру и найти его. Она странно вела себя после того, как он ушел, была тихой и отстраненной, но я связывала это со смертью папы, переездом. Я уговаривала ее поехать, но ей было лучше, чем сейчас. Она сама мылась и одевалась. А потом мы узнали, что Спящий принц захватил замок и... Тогда она прекратила. Все. И однажды я пошла за водой к колодцу, а когда вернулась, ее не было. Я нашла ее в лесу. И тех пор она такая.

— А шрамы на ее руке? Это она сделала сама? Потому ты даешь ей травяной чай?

Я покачала головой.

— Нет. Раны были, когда я ее нашла. Животное, наверное? — я старалась говорить ровно, складно. — Шипы? Кто знает? Она не сказала. Я промыла раны, заражения не было, хотя остались, как ты видел, шрамы.

Долгое молчание, и мое сердце билось слишком быстро и громко.

— И ты не можешь... Разве ей не могут помочь в месте, что для таких?

Я чуть не рассмеялась. Места были. Если были деньги, то любимых можно было отослать в санаторий у моря. Если денег не было, то их ссылали в приют или тюрьму для бездомных.

И она не была безумной. Она была зверем. Для нее там места нет.

— Нет. Такого места нет. Не для нас.

Мы молчали, я впивалась пальцами в платье, он смотрел на дверь. А потом он заговорил:

— Что было в чае, что ты ей дала?

— Ромашка и валериана. Мак. Чтобы она отдохнула, — спешно добавила я. — Не думаю, что она спит. И вряд ли она отвлечется от горя. Чай хотя бы даст ей пару часов отдыха.

— А ты?

Я повернулась к нему.

— Что я?

Он, казалось, смотрел на меня. Пожевав губу, он сказал:

— Ты... как ты?

— Нормально.

Его голос был до боли добрым, когда он заговорил:

— Это не нормально, Эррин. Совсем не нормально. Ты не видишь?

Я вдруг захотела, чтобы он ушел с глаз моих долой. Я не хотела думать о том, что это ненормально, конечно, я это понимала. Я не глупая. После потери отца все стало плохо, и лучше уже не будет.

Я не хотела думать о папе, и я точно не хотела думать о Лифе, о нем в Лормере, в тюрьме или в бою с големами, не хотела думать, что его могут убивать в этот миг. Нет. Он жив. Во мне начинало что-то бурлить, словно крик или гейзер, но я не могла себе позволить... Я боролась с чувством, прогоняла картинки Лифа с пустыми глазами, ранами в груди, голове... Голова... Нет, Эррин. Хватит.

Это не спасло горло и глаза от жжения, и я в три шага оказалась у двери. Я распахнула ее, открыто намекая, чтобы он ушел, и Сайлас вздохнул. Его капюшон нависал на лицо, и я возненавидела его и захотела сорвать. Что он прятал? Кто он?

— Уходи, — процедила я. — Уходи, Сайлас, прошу. И не приходи сюда.

Он, казалось, долго смотрел на меня, жевал губу, а потом кивнул и прошел мимо. Он замер на пороге и обернулся.

— Думаю, я могу тебе помочь, — тихо сказал он.

Я хотела верить ему. Но вместо этого закрыла дверь, хоть он и стоял там, и села у камина, дрожа, но не от холода. Меня охватывало чувство потери, ломало, все внутри было пустым, глаза слезились, и я протерла их кулаками.

Хватит. На это нет времени, жалость к себе — непозволительная роскошь.

Как хлеб. Или гордость.

Хватит, Эррин. Есть работа. Вставай.

Я начала подниматься, но прислонилась к столу, не было сил выпрямиться, невидимый груз давил на меня, боль в груди натянулась среди ребер, что показались вдруг такими хрупкими. Они не могли удержать меня целой. Глаза наполнились слезами, и комната передо мной расплылась.

Я была одна. Совсем одна. Никого не осталось.

Нет. Хочешь закончить как мама? Хочешь обезуметь и убежать в лес? Хватит. Перестать немедленно. Лифф вернется. Вернется. Должен. И все будет хорошо.

Но было сложно дышать, и я задыхалась, пальцы сжались, как когти, сердце билось так быстро, что могло взорваться. Меня бросало в жар и холод, я потела и дрожала, пыталась дышать, на меня накатывали волны ужаса. Я съехала на пол, прижалась лбом к земле. Хватит. Я повторяла это снова и снова. Пожалуйста.

Понемногу оковы на груди раскрылись, сердце замедлилось, и я смогла видеть и слышать. Я не поднималась, дышала, не думая о запахе земли. Мне хватало того, что я могла дышать снова.

Я выжила.

И я надеялась, что у меня хватит сил пережить это снова.

Глава 5:

Как-то я смогла встать и приняться за дела, отчасти злясь на себя, что я зря потратила время, тело казалось старым. Огоньки дешевых свечей трепетали, пока я двигалась по комнате, стараясь работой заглушить страх, чувствуя при этом, что я не здесь, не в своем теле.

Я встряхнула туники и одеяла, что висели и сохли, они вечно там висели, но никогда не высыхали. Я втерла в них сухую лаванду и придвинула к огню. Солому на полу я перебрала, гнилую выбросила. Я закрыла окна, забила щели в ставнях старой соломой, а потом сварила котелок супа.

Я сидела на скамейке с миской на коленях, разглядывала комнату. Вид был такой же жалкий, даже хуже, ведь теперь были пустые места без соломы. Здесь не было нашей мебели: стол, скамейка, койки и даже сломанное кресло-качалка были здесь, когда мы пришли. Все, что принадлежало нам, было в старом сундуке в нише у огня, а еще был наш помятый чайник.

Я подумала о том, что можно было сделать зелья и настойки, которые можно было использовать в дороге или продать. Но я впервые не хотела делать это, взвешивать и отмерять, затеряться в ремесле. Я ничего не хотела. Я смотрела на водянистый суп и чувствовала комок в горле. О, ради богов...

И хотя был ранний вечер, я растопила камин и легла на матрас, укутавшись одеялом до ушей. Я спала, пока могла. Это вторая ночь. Этой ночью она начнет говорить со мной.

* * *

Три месяца он был почти во всех моих снах. Высокий, как Сайлас, и худой, как он. И, как и с Сайласом, я никогда не видела его лица. Порой я успевала заметить блеск глаза, видела улыбку, но все было фрагментами, как бывает во снах, когда ты знаешь что-то, не осознавая этого. Если подумать, то не было совпадения, что человек из сна появился в моей жизни вскоре после Сайласа. Но это не имело значения, ведь, кем бы он ни был, его присутствие успокаивало. Он говорил, но слова исчезали, оставалось лишь ощущение, что все будет хорошо. Я его знала. Он был моим другом.

Он порой брал меня за руку, потирал, поддерживая, мое плечо. Как-то раз он стоял за мной, пока я работала за столом в старой аптеке, обнимал меня длинными руками, пальцы впивались в мою талию с властью, что пугала меня. Я проснулась тогда с колотящимся странным, запретным образом сердцем.

В этот раз мне снился дом. Я снова была в аптеке, смешивала лекарство. Эти сны я любила и ненавидела больше всего: любила, потому что возвращалась к себе, делала то, что любила, ненавидела, потому что это были лишь сны, потерянные, как и отец. Этой ночью тот человек стоял рядом, кивал, улыбался, а я добавляла в лекарство щепотку то того, то этого. Он называл рецепт, и я слушалась, делала, как он велит, ощущала его радость. Я была в любимой синей тунике, карманы фартука были тяжелыми от ингредиентов, я была сосредоточена. Я знала, что эта смесь — самая важная из всего, что я делала. Это спасет мою маму, это вернет мне брата. Это зелье могло изменить все. И я могла это сделать. Только я могла.

Мужчина сказал что-то, и я успела заметить вспышку белого, и он отвернулся. Я посмотрела на зелье, а оно выкипало, испорченное, и мужчина качал головой, его недовольство было понятным, я могла ощутить его на вкус. Начался стук, Совет был у двери, называл меня ведьмой, предательницей, кричал, что они знают, что я делаю зелье, что они повесят меня. Сожгут за такое. Я видела свет факелов в окнах, стекло таяло от жара огня. Сотни кулаков стучали в дверь аптеки, звали меня на смерть, а мужчина молчал, стоял спиной ко мне, опустил разочарованно плечи.

Конечно, когда я проснулась, стучала не толпа, а мама. Огонь спокойно горел. Я спала пару часов, и я села, едва дыша, все еще помня кошмар, тени играли в комнате, словно танцевали дети. Мои руки дрожали, пальцы были сжаты, словно я держала ложку.

Стук изменился, стал размеренным, и холодок пробежал по моей спине. Она стучала, будто начинала мелодию, раз-два-три, раз-два-три. И у нее были свои реплики в этой пьесе, я ждала их во тьме.

— Просыпайся, кроха, — сказала мама, изображая любовь. — Проснись и пой, дочурка, моя милая малышка.

— Хватит, — прошептала я, закрывая руками уши. Я не знала, помнила ли она, что говорила и делала в такое время. Я надеялась, что нет.

— Эррин, — звала мама за запертой дверью. — Ты меня слышишь, милая? Мне одиноко, Эррин. Я скучаю по твоему отцу. О, как я скучаю! И Лиф. Помнишь брата? Красивого, умного брата. Была ли хоть одна мать так одарена двумя прекрасными детьми? Ты не откроешь дверь, дитя? Не выпустишь меня? Не поплачем вместе по потерянным мальчикам?

Моя губа дрожала, слезы выступили на глазах.

— Я слышу тебя, красавица моя, — она царапала дверь. — Я чую тебя. Слушай, Спящий принц идет. Он придет сюда с армией. Я не хочу, чтобы он забрал и тебя, не хочу, чтобы он лишил меня моих деток. Иди сюда, дитя, и я защищу тебя. Иди к маме, Эррин.

Я слышала, как она скребется, и сглотнула.

— Ты не будешь одна, малышка.

— Я не хочу быть одна, — прошептала я, слова вылетели сами, я едва их слышала, но зверь их слышал.

— Тогда открой дверь, Эррин. Открой дверь.

Слезы стекали по моим щекам, я встала, отбросила одеяла, и деревянный пол скрипнул.

— Умничка, — улыбка была в ее голосе. — Моя девочка. Иди ко мне.

Но когда она услышала, как я наливаю себе воду, я перестала быть ее девочкой. Она злилась, а я старалась не слушать ее, думать о воде, о каждом глотке, что заглушал ее. В первый месяц я была близка к тому, чтобы открыть дверь, выпустить ее, ведь ничего не могло быть хуже ее слов о том, что Лиф и отец были потеряны из-за меня. Она часами рассказывала мне, как ненавидит меня, что никогда не хотела меня, и как мой отец горько плакал, когда я родилась, и просил утопить меня. А потом все изменилось, она рассказывала, как любит меня, и что у нас есть только мы, и что она всегда этого хотела. Он говорила, что ее избрали, и я тоже буду избранной, если открою дверь...

А теперь я набила в уши солому, смоченную воском, повязала ткань на голове, чтобы удержать это на месте. Это не заглушало ее полностью, но худшее я не слышала. Когда от стука начал подпрыгивать висящий чайник, я посмотрела на дверь, но у нее не было сил выломать дверь. Я ждала, пока она устанет, и когда это случилось — а я знала, что это не будет длиться долго — я прошла на носочках по комнате и открыла сундук. На меня нахлынули воспоминания, давя на меня, заполняя собой.

Здесь был плащ отца, и я еще могла ощутить его запах, подняв вещь. Запах сена и земли впитался в плотную шерсть. Я прижала плащ к лицу, и мои щеки словно царапала борода, я словно целовала отца на ночь, и сердце сжалось от боли.

Я тихо рылась в сундуке, двигала старые книги, письма и рисунки из старой жизни, бронзовые весы, укутанные в бархат, что были слишком ценными, чтобы использовать здесь, слишком важными, чтобы продать. Это был подарок от господина Пэнди, когда я прошла экзамены третьего года с прекрасным результатом.

И на дне было погребено то, что я и искала: большая книга сказок мамы в кожаной обложке. Края обтрепались, переплет местами не соединялся со страницами. Темные пятна испачкали кожу там, где наши пальцы касались ее, отпечатки взрослых и детей украшали обложку.

Я узнала эти старые истории до того, как научилась доить корову, и я забрала книгу к себе на матрас, открыла инстинктивно на истории об Алом оборотне. Это стало ритуалом, откапывать книгу со дна сундука в полнолуние, читать о сказочной версии настоящего зверя, что таился в соседней комнате. Реальность отличалась от сказки, и это знало уже все королевство.

В сказке «Алый оборотень» девушка потерялась в лесу, и ее спасла красивая женщина, увела в замок и накормила. И ночью девушка проснулась, ощутив, как в ногу впиваются острые зубы, красные глаза смотрели на нее поверх простыни. Она бежала изо всех сил, добралась домой, где упала в объятия радостного отца. Через месяц она рано легла спать,

странно себя чувствуя. Когда она проснулась утром, на ее ночной рубашке была кровь, и ее засохшие следы оказались меж зубов. Она вышла и спальни и обнаружила, что ее бедный старик-отец мертв, хотя двери заперты изнутри. Она убежала в лес, спряталась среди деревьев, где через месяц укусила заблудившегося лесоруба. Он сбежал, рассказал друзьям и жителям деревни о нападении, и они охотились в лесу, пока не поймали ее.

Ее привязали к шесту на городской площади, под ней разожгли костер. Она сгорела, а жители зажгли факелы и пошли к дому лесоруба, не слушая мольбы испуганной семьи внутри, их лица были прижаты к окнам, пока они смотрели, как их друзья и соседи сжигают их дом, зная, что все они внутри.

Проклятая девушка из книги в полнолуние обрастала красно-коричневым мехом, у нее появлялись острые уши, но моя мама не менялась физически. Пока луна увеличивалась, она становилась беспокойнее, взгляд бегал по комнате, руки дергались в неестественных движениях. Белки ее глаз розовели, а потом краснели, и когда проходило полнолуние, они бледнели. В такие ночи к ней нельзя было подходить, хотя ее кожа не трескалась, а кости и зубы не удлинялись, все человеческое в ней сметала тяга кусать и рвать пальцами и словами.

Когда зверь пробудился в ней в первый раз, я вошла слишком поздно, и она бросилась, схватила меня за ногу и потащила по полу. Я надбила один зуб, когда мое лицо ударилось о гнилую солому, покрывающую старое дерево. Если бы это случилось на пару секунд раньше, если бы солнце не взошло над горизонтом, если бы я не была в шерстяных штанах, так много если и удачи... Может, я была бы такой, как она.

В начале, пока я не поняла, с чем имею дело, я пыталась найти лекарство в своих старых книгах, найти ее симптомы. Я думала, что нужно лишь найти верную страницу и рецепт. Я думала, что все получится. Но совпала только сказка в книге, которую я боялась открывать, пока отчаяние не заставило меня. И я уже знала к тому моменту, что лекарства нет.

Я надеялась успокоить зверя, чтобы он уснул, ромашкой, хмелем, лавандой, лимонным бальзамом. Но она прорывалась через все, даже если дозы были слишком большими, она стучала в дверь через час или два.

Наконец, я отчаялась и обратилась к опасным растениям: мак, горькая полынь и разбавленный настой из аконита. Я нарушала комендантский час и собирала темные корешки и ягоды, боясь отчасти, что убью ее, отчасти — что она убьет меня первой. С растениями нужно было обходиться, как со зверем. Их не стоило искать, но если приходилось, им нельзя было доверять, их нужно было бояться и уважать. Ее я боялась больше.

Ничто не сработало. Она провожала меня голодным взглядом, когда приближалась полная луна, ее пальцы скрючивались, как когти, и она нюхала меня, когда я вела ее в кровать. Поняв, что я провалилась, я перестала помогать ей, а выигрывала себе пару часов тишины. Если бы меня увидел сейчас мой наставник, господин Пэнди, он был бы в ужасе.

Она все равно выглядела как мама, когда пыталась ранить меня. Она не выла, а шептала мое имя, просила открыть дверь, уговаривала быть с ней, успокоить ее. Только в такие моменты она со мной говорила.

* * *

Я перевернула страницу и увидела Спящего принца. Я смотрела на его иллюстрацию, его серебряные волосы разметались под ним и ниспадали на страницу. В его руках была красивая темнокожая женщина. Он смотрел, и лицо его было гордым, властным, а она смотрела на него. Одна его рука лежала на ее лице, и она прижималась к его ладони,

прикрыв глаза от наслаждения.

Пока я не стала учиться, я не знала, что Вестник был частью сказки о Спящем принце. Я слышала о нем, конечно. Будь хорошей девочкой, или придет Вестник, — так говорили родители. Я не знала, что это было связано со Спящим принцем, пока в один день не полистала копию сказок господина Пэнди, пока ждала, чтобы закипело зелье. Я впервые прочитала сказку сама, в детстве мама, папа или Лиф читали ее мне, а когда я выросла, старые сказки перестали меня интересовать, мне нравилось придумывать свое. Но в тот день я взяла книгу и прочитала ее. Включая часть, в которой Спящий принц стал отцом, так и не узнав об этом. Я понимала, почему мне ее не рассказывали, мне бы снились кошмары неделями о девушках — и обо мне — идущих к Спящему принцу за проклятым сыном, чтобы их сердца вырвали. Это было ужасно, пугало все равно, у трагической истории оказался еще более мрачный конец.

Когда я узнала это, стало сложно верить, что этот сияющий улыбающийся принц из книги ел сердца. Я смотрела на то, как он держит дочь крысолова, словно она сделана из стекла, он мог обхватить сердце и лелеять его. Его теплые янтарные глаза приглядели бы за ним. Я все еще не могла изменить своего мнения, представить эти слова. Хоть я и знала, что это не сказка, а правда.

Я подумывала, что если внимательно изучить сказку, можно как-то остановить это. Вестника заметили в наших лесах с темноволосой девушкой, никто не подумал об этом. Мы решили, что это пара влюбленных убегает из Лормеры, так было не в первый раз, и мы не придали этому значения. Пока не было слишком поздно. Каждый век сын Спящего принца будет подниматься из могилы и искать сердце, чтобы накормить отца. Бред, сказки старушек. Мы забыли, что Спящий принц и его сын были на самом деле.

* * *

Когда наступил рассвет, я сделала завтрак матери, чай для нее и вымыла ее. Я вымыла часть соломы из ее комнаты, сменила некоторые одеяла на кровати. Она лежала на спине, когда я закончила, смотрела в потолок, и я оставила ее, заперев дверь.

Я хотела уйти, но слышала приближающиеся голоса и, запаниковав, потянулась за ножом. А потом вспомнила, что сегодня эвакуация, и выглянула в окно, чтобы убедиться. Старик Сэмм прошел мимо, таща маленькую тележку с мешками, ворча на солдата в зеленом рядом с ним. Если бы место было другим, я бы открыла окно и помахала, но я не сделала этого. Я не хотела привлекать к себе внимания, не хотела солдат здесь, говорящих, что нам нужно уходить. Я надеялась, что Анвин поверил, что маме плохо, и не заставит нас уходить. И не имело значения, что полнолуние прошло, я могла напоить ее чаем и сказать, что она еще слаба из-за болезни. Если я выведу нас отсюда в ближайшие дни, у меня будет еще три недели, чтобы найти безлюдное место, чтобы спрятать нас, может, на юге, в горах к реки Пеналуна.

Мне нужно было пойти к колодцу и набрать нам воды, чтобы потом не выходить. Чем меньше меня видели, тем лучше, и тем вероятнее они подумали бы, что мы ушли. Мне нужно было уйти в лес. Я помнила, что Анвин говорил, что попавшихся в поле зрения людей могли убить.

Мне было все равно, выбора не было. Мне нужны были травы, ягоды, орехи и клубни. Мне нужно было убедиться, что нам хватит еды на несколько дней, нужны были зелья, чтобы продавать их по пути. Мне нужно было побольше макового чая, чтобы держать зверя на цепи. Мне нужно было держаться подальше от границы, не попадаться на глаза.

Лес был неприветливым, и я тихо шла меж деревьев, держась теней и пригибаясь. Я знала, где искать мак, а где паслен, и я сначала пошла туда, двигаясь медленно, прислушиваясь. При виде белки, бегущей по ветвям сосны, я вздрогнула, а потом, не думая, бросила в нее нож. Я не попала, и белка исчезла, но нож громко стукнул по коре в тишине леса, и я застыла, слушая, боясь уловить крики и шаги, бегущие ко мне из-за моей ошибки. Я долго ждала, пока не успокоилась, подняла нож, благодаря удачу, и спрятала его в ножны. Но я не попала, жаль, отец не научил меня охотиться. Я бы могла убить и получить мясо для ужина.

А потом я вспомнила, что с огнем придется осторожничать, чтобы не привлекать внимания, и я надеялась, что удача поможет мне и избежать солдат и Анвина так же, как белка избежала меня.

Никого не было видно, я собрала коробочки маков и пошла к паслену, когда услышала тихий шелест. Я не сразу сообразила, а потом пошла и поняла, что это такое — плащ задевал листья. Я тут же пригнулась, подняла край своего плаща и пошла беззвучно, а потом спряталась за кустом остролиста, сжимая нож, сердце колотилось в груди.

Если бы я не учила три месяца, как он двигается, я бы не узнала Сайласа, идущего по лесу. Его длинные ноги были полны решимости, он пересек тропу передо мной. Где-то в двадцати пяти или тридцати футах от меня он остановился, отклонил назад голову и, не снимая капюшона, осмотрел окрестности. Я раскрыла рот, и я не знала, все ли в порядке с моей головой, но я снова смотрела заново момент нашей первой встречи в этом лесу.

Когда появилась другая фигура в плаще, я чуть не закричала, но звук не сорвался с губ, утих, как только Сайлас развернулся, заметил фигуру и радостно улыбнулся. И я снова чуть не закричала, когда Сайлас, которого я считала не любящим прикосновений, обвил фигуру в капюшоне руками, словно родственника, которого давно не видел. Они долго обнимались, похлопывая друг друга по плечу, а потом отстранились, глядя друг на друга, и держались за руки, пока тихо говорили. Я не слышала их слов, но видела, что они рады друг другу. Горький укол ревности пронзил мое горло. Мне он никогда не был так рад.

Они повернулись к Алмвику вместе, и я, не мешкая, пошла следом, забыв о своих заданиях. Кто этот человек, что Сайлас рискует быть увиденным... быть убитым? Потому он здесь? Они шли, и я отметила, что незнакомец ниже Сайласа, он двигался чуть быстрее, чтобы успевать за шагом Сайласа, и мне стало не по себе, когда Сайлас обхватил рукой плечи незнакомца, и так они пошли дальше. Они порой останавливались, говорили, а потом шли дальше, и мне приходилось прятаться за кусты и деревья, чтобы не попасться им на глаза. И я упустила их, пока старалась не дать им понять, что я иду следом, и я запаниковала, когда добралась до места, где видела их, и не нашла ни следа.

Я осматривала землю, искала следы на листьях, отпечатки ног, и тут сзади раздался странный свист и стук. Мурашки побежали по коже, пульс участился, но вскоре мозг понял, что это за звук. Вид второй стрелы, вонзившейся в ствол дерева у моей головы, подтвердил мои страхи.

Солдаты.

Я забыла Сайласа и его друга, бросила корзинку и побежала.

Я двигалась среди деревьев зигзагами, чтобы солдатам было сложнее, я слышала, как они бегут за мной, крича, их жажда крови от преследования росла. Я не думала, что они так близко к городу, ожидала их дальше в лесу, защищающих границу. Я не останавливалась,

чтобы увидеть, сколько их там, не думала сдаваться, зная, стоит мне опустить капюшон, как меня убьют. Вместо этого я перепрыгивала корни и раскидывала сухие листья, мчась туда, где должен был находиться дом. Я пробивалась сквозь кусты, и ветки ломались, цепляли мои волосы, ударяли по лицу и телу.

Еще одна стрела пролетела мимо меня, и мое правое ухо обожгло болью. Я вскинула к нему руку и увидела кровь. Нет, нет, нет. Я все бежала. Плащ зацепился о павшее дерево, и я рухнула, от столкновения с землей застучали зубы. Я подняла голову и увидела, как камень падает в десять футов от меня. Если бы я еще бежала...

Я откатилась и бросилась влево, в густую чащу лиственниц, молясь все время, чтобы Сайлас или хоть кто-то пришел, я слышала, что меня догоняют.

Когда я вырвалась из чащи, я чуть не врезалась в стену из десяти или больше зеленых туник, их мечи были подняты, они бежали на меня, но не обратили внимания и пронеслись мимо, и я растерянно обернулась и увидела, что меня преследовали не солдаты, а группа людей, их было около пятнадцати, в черном, в руках сжимали копья и мечи. Они бросились на солдат, что оказались между нами. Их лица были покрыты шрамами, броня не сочеталась, и в их действиях была видна злоба.

Один из солдат бросился ко мне, схватил за руку и потащил подальше от боя. Звуки сражения эхом отдавались от деревьев: крики и вопли, звон металла о металл. Воздух пах металлом, и когда я рискнула оглянуться, я увидела огонь на некоторых копьях, огонь летел и со стрелами. Одного из солдат задело, и он упал без движения на сухие листья. Я вскрикнула, а потом перед моим лицом оказалась земля, и мне пришлось вытянуть руки, чтобы не врезаться в нее во второй раз.

— Поднимайтесь, мисс, — рявкнул солдат, — если не хотите умереть здесь.

— Простите, — я с трудом поднялась на ноги. Я вскинула голову и удивленно раскрыла рот. Солдат, говоривший со мной, был с синей лентой, и он сжимал меч так крепко, что я видела связки на его запястье под шрамами, что оставил раскаленный металл. Когда я видела его в последний раз, четыре месяца назад, он был мальчиком, как Лиф. Его темные щеки были гладкими, карие глаза — большими от страха и надежды, когда он просил мою лучшую подругу пойти на танец урожая с ним.

Человек передо мной был в железном шлеме, на его подбородке была щетина, его лицо изменилось, стало острее и сильнее. Его глаза сияли, но не надеждой, а тревогой, глядя поверх моей головы.

— Это ты? — спросила я, не веря, что нашла потерянную связь с прошлым.

Узнавание вспыхнуло на него лице, появилась улыбка.

— Эррин? — спросил он, и я кивнула.

А потом раздался жуткий свист, он пошатнулся и упал на живот с удивленным стоном.

Из его ноги торчала пылающая стрела.

Глава 6:

— Кирин? Кирин, нет! — закричала я, протянула руки к стреле, что уже догорала. Тут я поняла, что еще сжимаю нож в руке, сжимаю так долго и крепко, что рукоять оставила след на ладони.

— Двигайся, Эррин, не останавливайся, — сказал Кирин Догласс, встав с кряхтением на ноги. Он потащил меня прочь, а шум за нами становился все ближе.

Стрелы летели мимо нас, падали на землю, я пригибала голову, мы бросались то вправо, то влево, чтобы уйти с пути. Он подпрыгивал, хромая, его зубы были сжаты, он смотрел на деревья впереди. Я не оглядывалась, хотя хотела узнать, держатся ли солдаты. Звон меча о меч эхом разносился по лесу, паника поднималась во мне. А если они проиграют? Я отогнала мысль и придвинулась к Кирину, обхватила его рукой за пояс, помогая идти по бесконечному лесу. Я не сразу поверила, когда увидела край леса.

Когда мы покинули лес, он упал на землю, стиснув зубы, его глаза пылали на бледном лице, пронзенная нога была перед ним.

— Нужно идти, — торопливо сказала я, оглядываясь. Нас могли в любой момент догнать.

— Не могу.

— Там могут быть големы.

— Нет, — прохрипел он.

— Ты не знаешь...

— Эррин, — это был приказ. — Нужно, чтобы ты вытащила стрелу, — процедил он.

— Нет. Это плохая идея. Стрела сейчас — заглушка, ее можно вытащить только у врача.

Он вздохнул.

— Хорошо. Проверь, вышла ли она с другой стороны, ладно?

— Похоже, вышла. Посмотри, — сказала я, и он напрягся.

— Не могу.

— Кирин, это здесь...

— Эррин. Я не могу, — процедил он. Он снял шлем и бросил рядом с собой, расстегнул плащ и сорвал с плеч, уронил на шлем. Его короткие кудрявые волосы блестели от пота. Он отворачивал голову от ноги.

Я спрятала нож в ножны и сделала, как он просил, хотя мне было не по себе рядом с раной. Стрела вспорола его плоть. Вблизи это выглядело ужасно. Кончик стрелы был чистым.

— Да, — сказала я, сглотнув.

— Наконечник еще там?

— Да.

— Чем прикреплен? Веревкой? Проволокой? Воском? Видно?

— Думаю, воском. Или клеем? — я склонилась и рассмотрела. — Воск. И хороший.

Он вздохнул.

— Слава богу. Можешь отрезать наконечник.

— Зачем?

— Нужно осмотреть его. Проверить на яд.

— Это потревожит рану.

Он покачал головой.

— Прошу, Эррин. Нужно узнать. Все просто, — он звучал ужасно спокойно, но его руки дрожали, лицо было серым и напряженным, и мне было плохо.

Я вспомнила свое бучение, я видела, как лекари чистят и обрабатывают раны, как вытаскивают из ран металл и дерево, чтобы мои препараты сработали. Я смогу.

Я порвала его штанину по шву, а потом обхватила левой рукой древко стрелы, оперлась о его колено, не обращая внимания на его судорожный вдох. Я обхватила другой рукой наконечник. Я не была целителем. Я не ломала кость, чтобы срастить ее правильно, но я

могла представить, что все было примерно так же, и было ужасно понимать, что ты голыми руками собираешься причинить кому-то боль. Мой желудок снова сжался, когда я посмотрела на наконечник. Он не вышел полностью от удара, значит, застрял. Он тоже это чувствовал.

Глубоко вдохнув, я закрыла глаза и быстро дернула правой рукой, чувствуя себя ужасно, когда наконечник под крики Кирина отломался.

Я посмотрела на него, пот стекал по его лицу.

— Кирин, — сказала я, но он слабо поднял руку.

— Проверь конец стрелы, — сказал он, голос его был напряженным. — Воск остался? А щепки торчат?

— Нет. Прости, Ки...

Без предупреждения он схватился за стрелу у перьев и вытащил ее. Он рухнул лицом на землю, а через миг поднялся, его тошнило.

Я отошла, вытащила нож и отрезала от его брошенного плаща полоску с воротника, где он был чище, сделала жгут под его коленом. Кровотечение замедлилось, и я оторвала еще полоску ткани, прочистила ею раны. К счастью, они были не такими страшными.

— Ты везучий, — сказала я, отрезала еще две полоски, чтобы заткнуть рану, а потом третью для перевязки. — И глупый.

— Прости, — сказал Кирин и плюнул на землю.

— Никогда больше так не делай. Никогда. Ты не знаешь, что могло случиться. Ты мог лишиться всей крови.

— Лучше умереть здесь, чем в палатке у медика, — он держал ткань, что затыкала рану, пока я перевязывала поверх, чтобы все осталось на месте. Когда я закончила, я посмотрела на него и заметила, что у него был амулет, тусклый в холодном свете. Настоящее золото. Я увидела три звезды на нем и прикусила язык.

— Что ты там делала, Эррин? — спросил Кирин, вытер рот остатками плаща и уставился, словно я могла исчезнуть в любой миг. — Где Лиф?

Звуки борьбы были уже тише, или дело было в расстоянии, или одна сторона побеждала.

— Твою рану должны осмотреть. Там может быть заражение.

— Эррин, где он?

Я отогнала знакомую тесноту в груди и рассказала ему просто то, что знала: Лиф в Лормере, на которую напал Спящий принц, и больше мне ничего не слышали. Но я думала, что он жив.

Кирин не обрадовался моим словам. Он помрачнел, он выглядел древним, уставшим, словно кости под его кожей поменяли места, сделав его другим, новым. Он постарел передо мной, уже не был мальчиком, и искра в его глазах погасла.

— Эррин, — сказал он, и я знала этот тон. Таким говорил Сайлас, если я начинала говорить про Лифа. Я устала от этого.

— Не надо, — сказала я, пока он не начал рассказывать, что мой брат вряд ли жив. — Ты знаешь Лифа. Ты знаешь его не хуже меня. Думаешь, он позволил бы себе попасть в ситуацию, где его убили бы?

— Тогда где он?

— Я... не знаю. Может, ранен или в плену. Но он жив, Кирин. Я это чувствую. Он вернется, как только сможет. Я знаю.

— Я слышал отчеты из Лормеры, и...

— И я. И я спрашивала всех беженцев насчет пойманного трегеллианца, — я не давала ему говорить, заглушая попытки возразить. — Я считаю, что он получил ранение, когда сбегал из замка, и теперь он где-то ждет, пока рана заживет.

— Тогда почему он не написал? — Кирин бесил своим добрым тоном.

— Может, он отправлял весть. Может, пытался, но не смог. И граница теперь закрыта. Мы можем долго еще о нем не слышать.

— Не думаю, что он бы бросил тебя здесь, — тихо сказал он, в глазах была жалость. — Не бросил, если бы мог помочь, Эррин, прими факты. Лиф точно мертв.

— Нет, — в ушах гудело, словно я прижалась головой к стене с осами.

— Я тоже не хочу в это верить, — начал Кирин.

— Так не верь, — рывкнула я, закрыв руками уши, как ребенок.

Мы молчали.

— Ты живешь в Алмвике? В одной из тех хижин? — спросил позже Кирин.

Я опустила руки, ведь они все равно не заглушали его, и кивнула, выдавливая слова поверх крика, что стал комком в моем горле.

— Да. Лиф нашел нам это место.

Я не упустила то, как он нахмурился, но не успел ничего сказать, до нас донеслись крики.

— Тебя здесь быть не должно, — сказал он и попытался встать. — Идем.

И хотя я злилась на него из-за сомнений, я обвила его рукой и помогла подняться, не обращая внимания на его стон, когда его левая нога коснулась земли.

— Когда ты попал в армию? — спросила я, пока мы медленно шли к центру Алмвика. В Тремейне он учился, как и я, но у кузнеца. Он хотел получить себе свою кузню. Он хотел работать и получить лицензию гильдии.

— Я исполняю свой долг, — сказал он, но голос его был лишен эмоций.

— Долг? Когда это у тебя появился долг стать солдатом?

Он остановился рядом с заброшенной хижинкой, тяжело дыша, и посмотрел на меня, добрые карие глаза теперь были строгими, губы превратились в линию.

— Меня забрали, — сказал он. — Всех подходящих мужчин от восемнадцати до сорока лет забрали. Это делали принудительно и по всему Трегеллану.

Я моргала, переваривая услышанное.

— Как? Как это может быть принудительным?

— Они ловят тех, кто отказался. Забирают землю, имущество, вещи. Семьям угрожают. Если ты не сражаешься, тебя арестуют, и семью выгонят из дома.

— Но это неправильно. Это не по-нашему. Так могло быть в Лормере.

Кирин вскинул брови.

— Это старый закон. Его не изменили. Каждый дом должен отдать хотя бы одного мужчину в армию, когда так приказывает правитель страны. В последний раз так было во время войны с Лормерой. Совет возобновил это. И все происходит быстро.

— Такое возможно?

— Да, — голос Кирина был мрачным. — Хотя если показать, что ты верующий, тебя могут отпустить.

— Но таких не осталось, — медленно сказала я. — А остальные? Мужчины старше? Женщины? Господин Пэнди? Лирус? Ульрик? — я перечисляла знакомые имена.

— Всех полезных сослали в Трессалин, включая Ульрика, — его губы дернулись при

упоминании его старого наставника. — Они хотят использовать всех способных в подготовке к войне. Мужчин старше отправили делать оружие, как и некоторых женщин. Пэнди остался в Тремейне. В аптеке. Лирис тоже дома. Большинство женщин оставили дома, чтобы сохранить фермы и вести дела. Пока что.

— Пока что? Они заставят женщин сражаться?

— Если станет плохо, — он задумчиво посмотрел на меня. — Ты же не хочешь сказать, что пошла бы в бой?

— Думаешь, я не могла бы?

Он напрягся и попробовал улыбнуться.

— О, знаю, могла бы. Думаю, оставят выбор, — он замолчал. — И выбирать нужно с разумом. А не говорить людям, что это для славы. Нет ничего почетного в смерти... — он замолчал слишком поздно и посмотрел на меня, бледнея. — Прости, — сказал он, и я отмахнулась от его извинения. — Ты училась в аптеке. Тебя захотят для этого.

— У меня нет лицензии.

— Если так продолжится, им будет все равно. Я был кузнецом, и смотри на меня теперь, — он указал на окровавленную форму.

— И как там? — тихо спросила я. — Есть возможность, что станет очень плохо, чтобы женщин позвали в бой?

— Не знаю, — медленно сказал он. — В Тремейне все хорошо. Снаружи, по крайней мере. Изменений видимых нет. Нападений тоже. Люди готовятся, запасают еду и топливо, убирают в землянках, чтобы прятаться, но паники нет.

Я слышала что-то в его голосе, что заставило меня думать, что есть что-то еще.

— Но?

Кирин пожал плечами и невольно сделал шаг, тут же вскрикнул и схватился за мое плечо, глубоко дыша. Я ждала, пока его лицу вернется цвет, а потом склонилась и посмотрела на его ногу. Кровь вытекала через повязку, но не сильно. Я кивнула, чтобы мы шли дальше, я все еще придерживала его.

— Когда покидаешь Тремейн, видно богачей, что движутся в Трессалин с телегами ценных вещей, — продолжил он. — Видишь ряды мужчин — парней — что идут, чтобы стать солдатами. Их матери, сестры и жены, дети плачут, пока те уходят. И лагерь беженцев в Тирвитте чувствуется запахом задолго до того, как его становится видно. И в лесу есть люди, и каждый день приходят отчеты о том, где он и что сделали его големы. Лортуна, Хага, Монкхэм... Честно говоря, мы надеемся, что до боя не дойдет. У нас нет людей даже после призыва. Мы сто лет жили в мире, мы не готовы к войне. Особенно, к войне с големами. Как убить камень? У нас нет техники. Нельзя отправлять людей против камней. Мы едва сможем сражаться против других людей.

Я оглянулась на лес, где оставались его товарищи. Но оттуда не вышли и другие.

— А кто они? — я кивнула на лес. — Беглецы или армия Спящего принца?

— О, это его, да, — я заметила, что он не называет принца по имени. — Толпы людей. Они вскоре начали думать, что если действовать самим, они выживет. Серебряный рыцарь управляет армией людей, находит изгоев и предателей, готовых убирать сопротивляющихся жителей. Он начал отправлять отряды в лес, чтобы сломать ряды нашей армии. Проверяет нас. Это уже третий раз поблизости. Они не выходят из леса. Но и не приходят к нему.

— Серебряный рыцарь? — я впервые слышала о нем.

— Вестник. Он ведет смертную армию своего отца.

— Конечно, — я поежилась. Они объединились.

— У нас есть отряды вдоль границы, от берега до берега, они патрулируют и отгоняют их... — он замолчал, хмурясь. — Но долго так не продлится, — он с тревогой посмотрел на меня.

— Мой рот на замке.

— Я подозреваю, что он играет с нами. Если бы он хотел напасть, он бы это сделал. Но это? Отправлять отряды, чтобы изводить нас, дразнить Совет? Он знает, что мы убегаем, что мы его не победим. Для него это игра. Лортуна пала быстро, и мы узнали об этом из его послания Совету, где говорилось, что он победил и провозгласил себя королем.

— И он не будет нападать?

— Пока нет. Он хочет сначала разрушить храмы и убить верующих в Лормере. Он настроен против богов Лормеры.

— Почему? Почему он нападает на верующих? — я не была религиозной, здесь таких было мало, но мысль сжигать храмы и убивать монахов повергала меня в ужас. Это как бить детей. А почти все они были безобидны.

— Сожгите еду, и люди будут голодать, ослабнут, восстанут против друг друга. Разрушь храмы и их служителей, и людям будет некуда уйти, они лишатся убежища. Не будет надежды. Особенно, в Лормере. Они уже обезумели из-за пропажи живой богини, так что для него это все игры, — он замолчал, в каждом слове звучало отвращение. — То, что он делает с верующими... Это ужасно, Эррин.

— Что он делает? — я не хотела знать, но не успела остановить вопрос. И, судя по скорости ответа Кирина, он ожидал это.

— Он вырезает их сердца. Мужчинам, женщинам, семинаристам, служителям. Он не выбирает, не смотрит на их возраст. Он собирает из тел сердца и выставляет на площадях городов. Их охраняют его люди. Их могут получить птицы или крысы. Но не люди. Тела бросают в ямы, чтобы не было Пожирания. Он запретил это, и за голову Пожирательницы грехов назначена цена. Хорошая. Ее и так не любили, по слухам. Судя по цене за нее, уверяю, он получит ее до середины зимы.

Я замерла.

— Зачем? Зачем он это делает? — мне было плохо из-за этой жестокости.

— Потому что он чудовище. Потому что лормерианцы — мыши, что годами дрожали перед их правителями и богами, боялись своих теней. Проще для него быть не могло, он просто пришел в замок и постучал в дверь. Они не отбивались. Они боялись и молились о спасении. И из-за того, что он ходит по Лормере без отпора, наш Совет убедился, чтобы тут у него такого шанса не было, — он посмотрел на свою форму, огонь в нем угас, и он стал похож на мальчика, которого я знала. — Почему ты еще здесь? Ты должна была уйти утром, так ведь? Нам сказали, все жители ушли сегодня. Где твоя хижина? Идем, я поговорю с твоей мамой, и мы уведем тебя до вечера.

— Не глупи, — сказала я быстро. — Тебе нужно вернуться к своим. Твою ногу должны осмотреть.

— Ты можешь ее подлатать. Разве не для того ты училась?

— Тебя должен осмотреть лекарь, а не аптекарь. Почему бы не встретиться позже? И мы обсудим, что делать. Идем, я тебя провожу до дороги.

Кирина склонился и заглянул в глаза.

— Во что ты ввязалась, Эррин Вастел?

— Ни во что.

— Врешь. Я тебя знаю. Ты не открыта. Что происходит?

— Если хочешь знать, мама больна, — я говорила то же, что и Анвину. — Я не могу пока что ее увести. Как только ей станет лучше, мы уйдем. Но я не хочу рисковать по дороге или в лагере, пока она такая, — я была близко к правде. — А пока мы будем осторожны.

— Может, мы сможем перенести ее в казармы. Это на безопасном расстоянии от леса. Мы сможем присмотреть за ней. Я приду, и мы...

— Твоя нога, — перебила я его, и он вскинул брови. Я заставила себя посмотреть в его добрые глаза. — Не нужно забывать о ране, — тихо сказала я. — Ты понимаешь, почему я боюсь. Это происходит быстро... Рана колотая...

— О, Эррин, — Кирин скривился, я чувствовала себя ужасно, ведь приходилось играть такой картой. — Прости. Я пойду, меня подлатают. А потом приду за тобой. Боги, если бы я знал, что ты здесь, я бы пришел раньше и забрал тебя, — он покачал головой. — Почему Лиф променял ферму на это?

Я уставилась на него.

— Что? О чем ты говоришь?

— Ферма. Все мы... Стой. Ты не знаешь?

— Что не знаю? Скажи, — настаивала я, но он покачал головой.

Он сглотнул и не смог смотреть мне в глаза.

— Ульрик говорил Лифу, что мы поможем: половина города была готова вложиться, чтобы спасти ферму. Мы купили бы ее, чтобы он выплатил потом, — он с жалостью смотрел на меня. — Твоего отца уважали и даже любили. Мы бы не дали ничему плохому случиться с одним из наших, но Лиф отказался, сказал, что вам не нужно милосердие, что он нашел работу и новый дом для всех вас. А потом вы ушли, и никто не знал, куда.

— Я... — я не могла закрыть рот, мне становилось то жарко, то холодно. — Он бы не... Он бы не сделал этого. Он бы не увел нас из дома сюда.

— Мы думали, вы это выбрали. Новое начало, вдали от плохих воспоминаний.

— Я не знала этого, — гудение вернулось, пришлось покачать головой из-за этого. У нас был выбор, и Лиф выбрал это? — Я не знала. Я думала... никому не было дела.

— Ты думала, что Лирис или мне не было дела? — боль в его голосе не была скрыта, мне стало стыдно. — А господин Пэнди? А Дэплвуды? Ульрик? Как ты могла так подумать?

Я качала головой. Зачем Лиф это сделал? Зачем провел через половину страны, чтобы оставить в Алмвике, если можно было жить на ферме? Он любил ферму, потерю он воспринял сильнее, чем мама, так почему он решил уйти? А как же «семья важнее»? Если бы мы остались, мама бы... Он бы...

— Эррин, знаю, ты сильно любишь Лифа. И все мы, — Кирин перебил мои мысли, и я посмотрела на него. Он открыл рот, но резко остановился и посмотрел вверх моего плеча.

Два солдата бежали к нам. Они остановились, отсалютовали и замерли, увидев перевязанную ногу Кирина.

— Ты ранен? — спросил он Кирина.

— Я в порядке, Кел.

Солдаты посмотрели на меня с неприкрытым любопытством.

— Повезло, что вы выжили, мисс, — сказал мне Кел. — Когда мы увидели, как вы бежите к нам, сначала решили, что вы призрак. Что вы делали в лесу?

— Она из лагеря, из последовавших, — быстро сказал Кирин, солдаты переглянулись с

пониманием. — Она собирала с целителями кору ивы. Я уже допросил ее и взял слово, что она больше туда не сунется, — добавил он. — Что случилось?

— Мы отогнали их. Убили троих, но они убили двоих наших, еще двоих ранили. Точнее, троих, — кивнул с уважением Кел. — Мы не знали, что случилось с тобой, но Кэм сказал, что видел, как ты отступал.

— Я в порядке. Кэм, скажи отнести тела погибших в лагерь для сожжения. Оставьте врагов как предупреждение остальным. Кел, подожди меня. Мне нужна помощь, чтобы вернуться.

Я удивленно посмотрела на Кирина, в его голосе звучала сила. Солдаты отсалютовали и отвернулись, успели взглянуть на меня. Я дождалась, пока они отойдут подальше, а потом заговорила:

— Они тебя слушаются.

Он кашлянул, но не смотрел мне в глаза.

— Я второй лейтенант.

— Поздравляю, — сказала я, и он фыркнул. — А последовавшие? — я подумала о женщинах, что в сказках следовали за армиями. Они не всегда были целителями. Не в привычном смысле.

— Есть несколько, — он склонил голову.

— О, — моя кожа вспыхнула из-за подтекста, а потом я поняла, что глупо веду себя как ребенок. Я жила в Алмвике, Дуба ради. — Что ж, это даже удобно...

Он уставился на меня.

— Я помолвлен, вообще-то, — заявил он, а потом громко сглотнул.

— Что? — сказала я. — Правда? И танец урожая...?

Он, стесняясь, улыбнулся, и я, не подумав, обняла его, поздно вспомнив, что он ранен. Он пошатнулся и застонал, схватился за мой плащ, чтобы не упасть, задыхаясь от боли, его лицо снова посерело. Я отстранилась и заметила, что Кел нас намеренно игнорирует.

— Кирина, прости. Прости. Ты в порядке? — он хотел нахмуриться, но все же улыбнулся. Это выглядело странно. — Поздравляю! Я так за вас рада, — я не могла перестать улыбаться. Я забыла, что можно так улыбаться. Щеки болели, и это было чудесно.

Он отодвинул меня на расстояние руки, его лицо сияло.

— Знаю, это глупо, но... — он пожал плечами. — Весной свадьба. Лирис хочет видеть тебя там.

— Это лучшее, что я слышала, — сказала я и не соврала. Я много раз видела их вместе из окна аптеки. То, что они вместе и счастливы, наполнило меня надеждой.

— Иди к ней, — сказал он. — Иди домой. К себе домой.

Желание сжало все внутри. Уйти домой... в Тремейн... в аптеку. Жизнь, которую я так хотела... Могла ли я? Я могла поговорить с господином Пэнди, поискать лекарство для мамы или средство для управления ею... Он бы понял. Я могла продолжить обучение. Сон вспыхнул в голове: я в аптеке, мужчина рядом со мной... И я вспомнила толпу у двери, но в этот раз они были там не из-за меня, а из-за мамы. Факелы горели, они требовали, чтобы я выдала им зверя.

Мы не могли уйти домой. Мы не могли быть среди людей. Слишком поздно.

Я посмотрела на него с печальной улыбкой.

— Иди, будь солдатом. Пусть тебе осмотрят рану. Поговорим позже, — сказала я.

— Не ходи в лес, — попросил он. — Приходи к казармам, если не хочешь говорить, где

тебя найти. Можешь присоединиться к последовавшим.

— Да, второй лейтенант, — сказала я.

Он отсалютовал не как солдат, а потом повернулся, и Кел подошел к нему, занял мое место и помог ему идти. Он пропал из виду, и моя радость за него и Лирис начала угасать, я вернулась мыслями к брату. О чем он думал? Что планировал? Я хотела увидеть его, задать эти вопросы. Зачем он отвел нас сюда и бросил?

— Лиф, где ты? — сказала я вслух, приближаясь к хижине. — Вернись. Если причины не было, я побью тебя за это. Но... вернись.

* * *

Все мои мысли исчезли в тот же миг, как я вошла в хижину и увидела, что дверь в комнату матери открыта. Я ворвалась в комнату, сердце билось в горле, и я была рада видеть, что мама лежала на кровати, пока не услышала сзади кашель. Я обернулась, и все волосы на моем теле встали дыбом.

Его волосы были серебристо-белыми и короткими, обрамляли лицо, будто вырезанное из мрамора, таким оно было бледным и гладким. Он казался вырезанным, не настоящим. Но хуже всего были его глаза: золотисто-янтарные, они не мигали, глядя на меня. Кожа вокруг них была смазана чем-то черным, смолой или углем. Эти глаза не принадлежали человеку. Такие глаза были в книге. На лице Спящего принца.

Я застыла, ужас приковал меня к месту, ледяной страх парализовал меня, хотя разум кричал мне бежать.

Его глаза расширились, руки потянулись к плащу на краю кровати, а я вдруг смогла двигаться. Я не переставала думать. Я вытащила нож и бросилась, чтобы отогнать его от матери.

Он легко поймал мое запястье, сжал, пока я не уронила нож и не закричала.

— Что ты творишь, черт возьми? — спросил он в гневе, его голос был низким и хриплым.

Я поняла, к своему ужасу, что знаю этот голос. Человек передо мной был моим другом. Тем, кого я звала Сайласом Колби.

Глава 7:

Нет. Я пыталась вырваться из его хватки, но его длинные пальцы были тисками на моей талии. Я запаниковала и перестала брыкаться, вместо этого я использовала свой вес против него, бросилась на него, пытаясь сбить с ног.

Это не сработало. Вместо этого он схватил меня за другую руку и завел ее мне за спину, поймал оба запястья одной рукой. Он встал за мной и прижал мою спину к своей груди, чтобы я не могла двигаться и лягаться.

— Помогите! — закричала я, извиваясь в его руках и топая, склоняясь в стороны, закидывая голову на его грудь, пытаясь сбросить его. — Кто-нибудь!

— Эррин, замолчи.

Звук моего имени был ударом в живот. Моя кровь закипела так сильно, что я была удивлена, как он не обжигается, касаясь меня.

— Как ты мог? — я наполнила легкие воздухом и снова закричала, горло болело. — Как ты мог?

Он зажал мой рот ладонью в перчатке.

— Перестань, — прошипел он мне на ухо, но я продолжала бороться, кричала в перчатку, пыталась его укусить. Я понимала, что мне конец, ведь он сильнее меня. Но я не могла перестать биться, перестать бороться, тело двигалось без приказа, я извивалась в его руках. Все не могло так закончиться. Прошу, если бы я могла...

Я посмотрела на маму, и меня словно облили холодной водой. Я перестала бороться и глядела на нее.

Она смотрела на облупившуюся белую краску на стене напротив кровати, и я понимала, что он может убить меня при ней, а она и глазом не моргнет. Он убьет меня при ней, а она не поднимет руку, чтобы остановить его. И боевой дух оставил меня, я обмякла в его руках.

Он развернул меня лицом к себе, все еще удерживая мои запястья длинными белыми пальцами, его голова была отклонена, чтобы ужасные золотые глаза смотрели мне в глаза. Я задрожала, кровь остыла. Я не хотела так умирать. Боги, прошу. Я не хотела умереть здесь и сейчас. Я не хотела, чтобы это было так. И мама...

Я не хотела, чтобы она так умерла.

Я заставила себя говорить. Молить.

— Прошу, отпустите нас, — мой голос обрывался. — Умоляю. Я никому не скажу, что видела вас. Прошу, отпустите... — я не сдержалась, и слова вылетали с всхлипами. — Прошу, пожалуйста. Сжальтесь... — я дрожала теперь так сильно, что не могла говорить, меня покинула вся смелость. Я боялась, что обмочусь, боялась боли. Мне было стыдно за свою мольбу, Лиф бы так не сделал. Я не помнила, как говорить с принцем. — Милорд, — я попыталась поклониться. — Прошу, Ваша светлость...

— Что? — резко сказал он, слова словно доносились издалека. — Как это понимать, Эррин? — на его щеках проступил румянец смятения, и он вдруг стал выглядеть уязвимым, как человек. А потом он помрачнел и моргнул, глядя на меня, раз, другой, а потом отпустил так быстро, что я пошатнулась. Я не успела выпрямиться и выхватить нож, а он взял плащ и с силой набросил на плечи, накинул капюшон, закрывая свои волосы. Я все еще видела его лицо. Его глаза.

Он яростно смотрел на меня, золотые глаза сузились до щелок.

— Я не Спящий принц, Эррин.

Моя грудь вздымалась, пока я смотрела на него и готовилась двигаться, как только это сделает он, его слова звенели в ушах, пока они не растеряли весь смысл. Мое сердце все равно билось учащенно. Я настороженно смотрела на него.

— Боги... — его глаза ярко пылали в черных кругах. Он выглядел... обезумевшим. — Правда? Ты подумала...? — он провел рукой по волосам, сбивая капюшон, а потом начал указательным пальцем стучать по большому так быстро, что движение казалось размытым.

И это знакомое движение прогнало мой страх, и мне стало стыдно, ведь я хорошо знала этот жест. Тревога, волнение. Сайлас. Я видела множество раз, как он так делает.

Я знала, что захочу поверить ему. Я хотела, чтобы это было простым недоразумением. Но я не могла ему верить. Пока что. Не безоговорочно. Потому что многое не вязалось, и я все еще дрожала и задыхалась, словно после долгого бега.

Инстинкт все еще просил меня бежать.

Я посмотрела на него пристально, на его странные глаза, волосы и лицо. Три месяца я смотрела на его губы, а теперь видела небольшой бугорок на его переносице, его лоб, белые ресницы и брови. Линия волос на лбу образовывала пик. Его кожа была матовой и белой, не похожей на плоть. Я не видела под ней вены, не было никаких пятен или веснушек. Не было

тени на его челюсти. Его глаза были цвета меда и янтаря, и я даже затерялась в них.

— Я не Спящий принц, — повторил он, вырывая меня из мыслей.

— Хорошо, — сказала я после долгой паузы.

— Ты мне веришь?

Я не смогла кивнуть.

— Веришь? — потребовал он ответа.

— Буду честной, — сказала я тихо. — Я впервые увидела тебя без плаща. И ты... понимаешь, как ты выглядишь. Что бы ты подумал на моем месте?

Он отвел взгляд и прикусил губу, а потом снова встретился со мной взглядом.

— Я могу объяснить хоть немного. Ты меня слушаешь?

Я кивнула, и часть напряжения покинула его глаза.

Пока он не окинул меня взглядом.

— Почему ты в крови? — спросил он странным голосом.

Я подняла руку к уху, но кровь высохла.

— О, — я старалась сохранять голос ровным. — Я попала в беду в лесу, — я посмотрела на него, пытаюсь заметить признаки того, что он знал что-то об этом, о людях, что напали на меня. Они могли искать его.

— Когда ты была в лесу?

— Сейчас. Я... увидела тебя там. А потом на меня напали.

Он нахмурился, между бровей пролегла морщина. Я смотрела, как от этого меняется форма его глаз. Я поняла, что понятия не имею, как прочесть по его лицу, о чем он думает. Я его совсем не знала.

Он посмотрел на мою маму, а та не обращала на нас внимания, а потом осторожно схватил меня за локоть, чтобы вывести из комнаты. Я вздрогнула, и он тут же отпустил меня, уголки его рта напряглись. Я прошла за ним из комнаты, но сначала склонилась и подобрала свой нож. Он запер дверь и кивнул на скамейку, словно я была гостем. Сердце все еще колотилось, и я отвернулась от него, но села, положила ладони на колени, стараясь выглядеть спокойной. А он точно не выглядел спокойным. Он сверлил меня взглядом, сжимал и разжимал кулаки по бокам.

— Что случилось? На тебя напали?

— Нет, — сказала я, поднимая еще дрожащую руку и начиная вытаскивать прутики и сухие листья из волос. — Ты сказал, что объяснишь. Так объясняй. Начнем с того, как ты попал сюда. И зачем.

Он опустил голову.

— Входная дверь была открыта.

— Нет.

— Была, ведь я ее открыл, — он попытался улыбнуться, но я сохраняла каменное выражение лица и ждала.

Он молчал, и я встала, взяла с веревки ткань и чайник с холодной водой внутри. Я начала осторожно промывать окровавленное ухо.

— У тебя есть тридцать секунд, а потом я начну звать стражу.

— Я хотел убедиться, что она в порядке, — тихо сказал он. — После вчерашнего.

— Зачем?

Он проигнорировал вопрос.

— Я не хотел вмешиваться.

— Ты вошел в чужой дом, открыл запертую дверь. Это и есть вмешательство, — сказала я. — И если ты не хотел вмешиваться, нужно было оставить запертую дверь и не входить.

Он посмотрел на меня и кивнул.

— Прости, — он опустил голову, словно мальчик, которого застали с рукой в банке с вареньем. В бледном свете его волосы и кожа сияли, и он напоминал призрака.

— Что ты такое? — спросила я, не подумав.

— Я не «что», — он вскинул голову и посмотрел на меня, золотистые глаза пылали гневом. — Я человек, как и ты. Не вещь. И не Спящий принц.

— Прости, — сказала я, разглядывая пол. — Просто... похожего на тебя я видела только в сказках... о нем, — я сидела напротив двойника Спящего принца, и было сложно произнести его имя. — Все по-другому.

— Не для меня.

— Значит, для меня, — сказала я. — Просто... Сайлас, сам посуди. Три месяца я не знала, как ты выглядишь, вообще ничего о тебе не знала. Ты мне ничего не рассказывал, я не знаю, откуда ты, что ты здесь делаешь. Ты приходил в одно время, долгое время никто не знал, что ты был здесь. У тебя много денег, тайные поручения. И я видела тебя в лесу перед нападением, Сайлас. Ты был там за минуты до этого. С кем-то. Я видела, как вы встретились, а потом потеряла вас из виду. А потом я прихожу сюда и вижу твои волосы и глаза. Ты можешь винить меня за то, что я подумала?

Сайлас посмотрел на меня, пожал плечами, после чего покачал головой.

— Моя семья из Таллита, — тихо сказал он со странной горечью в голосе. Если бы я его не знала, то подумала бы, что обидела его. — Я унаследовал потрясающий внешний вид от них. Волосы цвета луны, глаза богов. Так это называют в Лормере. Черты таллитцев описаны во всех книгах по истории. Сейчас людей с такими чертами видно редко, можешь поверить. Но это потому, что мы скрываемся. Мы ведь заметные, — он скрестил длинные ноги, как школьник, и уткнулся локтями в колени. — И после возвращения Спящего принца мне приходится скрывать внешность. Люди пугаются.

Я сглотнула, кожа пылала. Мы молчали. Я опустила голову и посмотрела на него из-под ресниц, стараясь сопоставить человека, которого знала эти три месяца, с тем, что был передо мной. Не таким я его ожидала увидеть, и от этого я смутилась. Я подняла голову и увидела, что он пристально смотрит на меня, словно это я была диковинкой в комнате, а не он.

— О чем ты думаешь? — его слова напугали меня.

— Просто... я не таким тебя представляла.

Он покраснел и сказал «О» так, что румянец появился и у меня.

— Что такое черное у тебя вокруг глаз? — спешно спросила я, чтобы прогнать неловкость.

— Так я скрываю их. Если кто-то решит заглянуть под капюшон.

Моя кожа снова стала горячей.

— Конечно, — мы погрузились в неловкую тишину, он играл с пальцами перчаток, я смотрел куда угодно, только не на него.

— А твоя семья? — спросила я. — Они... похожи на тебя? Просто... будет хорошо знать это, если я столкнусь с кем-то таким... твоего цвета.

Он смотрел на свои колени, не мог оставить в покое руки, а заговорил сдержанным тоном:

— Мой отец мертв. Несчастный случай на работе, — он сделал короткую паузу между словами, а мои глаза расширились, я поняла, что у нас схожая печаль. — Мама живет с группой женщин у Восточных гор. Я жил с ней до недавнего времени. А потом пришел сюда.

— Из Лормеры?

— Да, — он отвел взгляд, а потом посмотрел на меня. — Я ушел раньше, чем прибыл Спящий принц, — я слышала надрыв в его голосе.

— У тебя нет лормерианского акцента.

— Может, если бы он у меня был, ты бы не посчитала меня... этим, — он резко посмотрел на меня и отвернулся.

— Не нужно набрасываться на меня, Сайлас. Так не честно. Ты это знаешь.

Он кивнул.

— Твоя мама в порядке в Лормере? — спросила я через миг.

— Да, в порядке. И все они. К счастью, они живут в отдаленном храме, хорошо скрыты.

— Она живет в храме? Она... духовное лицо? — он моргнул и неохотно кивнул, и я вспомнила ужасные слова Кирина о том, что Спящий принц делает с верующими. — О боги, Сайлас. Ее нужно забирать оттуда.

— Она... пока что не может уйти, — он смотрел на свои ладони. — Она в порядке. Я встречался с посланником от нее.

— Сайлас, это серьезно. Если он... Спящий принц найдет их, он... не пощадит.

— Она привязана к храму, Эррин. Она не может уйти, — я открыла рот, но он перебил. — Знаю, Эррин. Поверь, я знаю, что он там делает. Но... у нее есть работа. И нужно многое забрать из храма до того, как он решит его разрушить. Это важно.

— Забрать? Вещи важнее ее жизни?

— Она бы сказала, что да. Записи. История.

Я покачала головой. В Лормере вдовы часто уходили в монастырь, но он должен был понимать опасность. Это его мама, ради Дуба. Ничто в храме не может стоить того, что сделает с ними Спящий принц, если найдет.

— Сайлас...

— Потому я здесь. Это моя роль в цепочке. Я помогаю перенести артефакты и документы через границу, пока это возможно.

— Ты с ума сошел? — сказала я. — И все вы там? А если бы тебя поймали? Если бы увидели без плаза? Они подумали бы то же, что и я. Артефакты того не стоят. Это опасно, ты не понимаешь?

— Мне не так опасно быть здесь, как оставаться там. Поверь, — он прикусил губу, когда слова слетели с его губ, и отвел взгляд.

И я поняла, что уже не сомневаюсь в нем. У него снова было мое доверие. Хоть он и его мать были безумцами.

— Что ты будешь делать после эвакуации? — спросила я.

— Ничего. Я должен остаться, — мне казалось, что это не все, и я молчала, мысленно прося его говорить. — А еще я жду здесь то, что, вероятно, совершится тут рано или поздно. Это не из храма.

— Тогда что это?

Сайлас пожал плечами.

— Это ничего для тебя не значит. Религиозное. Нет смысла объяснять.

Я ощутила укол чего-то незнакомого и неприятного, и этого я не поняла.

— Вряд ли что-то здесь произойдет, ведь граница закрыта, а лес полон солдат и людей из Лормеры.

Он кивнул.

— Знаю. Но это не отменяет факта, что я должен остаться здесь пока что. Пока мы не будем уверены.

Мы притихли и думали.

— Когда ты пришел сюда, чтобы это нечто ждать, ты знал, что идет Спящий принц?

Он посмотрел на меня.

— Да, — сказал он.

Я открыла рот, чтобы задать другой вопрос, но он поднял руку и остановил меня.

— Моя очередь. Когда ты подумала, что я — это он, ты перестала бороться. Ты дико отбивалась, но вдруг перестала. Я подумал, что ты упала в обморок. Ты думала, что я... он?..

Я покраснела.

— Я пыталась тебя обмануть.

Его золотые глаза вспыхнули.

— Я не врал тебе, Эррин. И ты не ври мне.

Я не могла смотреть на него, пока говорила.

— Она сидела там, Сайлас. Я вбежала в комнату, чтобы защитить ее. Я бы умерла, пытаюсь спасти ее, но она ничего не сделала. Она смотрела на стену, пока ее дочь, ее живой ребенок, боролся. Я не хотела умирать. Но не могла бороться. Не после такого.

Сайлас застыл. Он моргнул и коротко кивнул мне. Вдруг он встал на ноги и выпрямился во весь рост передо мной.

— Вот, — сказал он, порывшись в кармане и вытащив маленькую коричневую стеклянную бутылочку с пипеткой в крышке. В такой бутылочке в аптеке хранили лекарства.

Я встала и взяла ее, сняла колпачок и надавила, чтобы немного жидкости попало в пипетку. Она напоминала молоко, и я осторожно понюхала. Пахло розами. В бутылочке было на вид семь капель. Я вернула колпачок на место.

— Что это?

— Это для твоей мамы, — он долго смотрел мне в глаза. — Это поможет с ее проблемой, думаю.

Моя кровь стала ледяной.

— Как это понимать? — прошептала я. Он знал, чем она стала? Он узнал признаки?

Его лицо, все еще непривычное, не отражало эмоций.

— Капни ей в чай на ночь вместо мака. Одна капля. Поняла? Одна доза, одна капля в день. Не больше.

— Что это? Что оно делает? Для чего? — я хотела схватить его за края плаща и встряхнуть, кулаки сжались от этого желания.

— Мне нужно идти. Я вернусь, когда смогу. И постучу, — он улыбнулся.

— Сайлас...

— Не задавай вопросов, чтобы не получить ложь, — и он ушел, дверь закрылась за ним со щелчком.

Я посмотрела на бутылочку в руке.

* * *

Остаток дня, к счастью, прошел без событий, хотя паника все же поднималась во мне, пока я думала обо всем.

Кирин говорил мне. Я пыталась прогнать из головы картинку стрел, крови и сердец, и тогда там появлялся Сайлас. Белые волосы, золотые глаза. Еще загадочнее, чем в капюшоне.

Наступили сумерки, и я заварила маме чай, добавила одну каплю зелья Сайласа. Я ожидала, что пойдет дым, что чай изменит цвет, но ничего не произошло. Я понюхала и не смогла уловить этот запах, и мама не заметила вкус, пока я поила ее, ее красные глаза все время смотрели на меня. Заперев ее на ночь, я придвинула к двери сундук и в тени сбегала к колодцу и принесла как можно больше воды, половину я использовала для супа, чтобы его хватило и на завтра.

Закончив с этим, я легла в постель, взяв с собой книгу мамы. Я открыла ее на истории Спящего принца, я искала его рисунок. Хотя я и знала, что это книга, что изображение может не быть точным, я все равно сравнивала его лицо с Сайласом. Они были так похожи. Я смотрела на рисунок, на золотые глаза на странице. А они смотрели на меня, пока я засыпала.

* * *

Человек держал меня за руки, наши пальцы были переплетены. Он раскрыл мою правую ладонь и потер большим пальцем ее основание, провел им по линии жизни и другим линиям. Он скользнул по моим пальцам своими, он нежно водил круги на кончиках моих пальцев. Моя грудь стала тесной, кожу покалывало, кружилась голова. Но я не могла не заметить, что его руки более гладкие, чем мои. Мои были покрыты царапинами, шрамами, словно кружевом, появившимися от неудачного срезания растений, от шипов и колючек. Мои ногти были короткими и зазубренными, и, увидев эту разницу, я отдернула руки.

— Ты стыдишься? — спросил он, и я склонила голову, качая ею. — Не стоит, — нежно добавил он и обхватил мою ладонь. — В этих руках ты держишь жизнь и смерть. Твой дар: убить или исцелить. Это твое оружие.

Я посмотрела на свои ладони, и он обхватил их и поднял к своему лицу. Край капюшона задел мои запястья, и я хотела спросить, почему он носит его, когда его губы прижались к моей коже, и все во мне перевернулось. Я словно падала. Это закончилось, и он отпустил мои руки. Им было холодно без его прикосновения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Над чем ты работаешь? — спросил он, выпрямившись. Он отошел, и я увидела комнату. Не старую комнату в аптеке, а хижину в Алмвике. Во сне она выглядела еще хуже: потолок покрывала паутина, и я слышала шорохи по краям комнаты. Солома гнила, сладковато воняя, скользя под моими ногами. Я стояла в ужасе. — Не важно, — сказал он, словно прочитал мои мысли. Он взял бутылочку со стола и взглянул на нее. — Скоро у тебя будет настоящая аптека.

— Дома? — невольно спросила я, его губы изогнулись в знакомой улыбке.

— Дома.

— Но... — я повернулась к двери в комнату матери. Было темно даже во сне, все кричало об опасности и запрете.

— Сегодня она тихая, — сказал он. — Почему? Твоя работа?

Я улыбнулась в ответ. Что-то не позволило мне сказать, что зелье для нее делала не я.

Он пожал плечами и подошел ко мне. Он нежно обнял меня, прижал к своему худому телу, мое сердце ожило. Я подумала о словах Кирина и улыбнулась. Дома.

* * *

Сон резко оборвался, но чувства задержались, и я не шевелилась, прислушиваясь к тому,

что меня разбудило. Окна были закрыты, и я не знала, близко ли рассвет, но взгляд на камин показал, что прошло достаточно времени, чтобы потух огонь. Я прислушалась к звукам из комнаты матери, что же меня разбудило? Когда я ничего не услышала, я безмолвно подошла к окну и отодвинула занавеску. Сероватый, лавандовый свет проникал в щели ставен, я раскрыла рот. Рассвет. Уже был рассвет.

Я была потрясена, что проспала всю ночь — и мама тоже. Но потрясение быстро сменилось страхом, и я побежала к ее двери, схватила ключ и возилась в спешке с замком. А если она... если... Я не знала, что за зелье дал Сайлас. Как можно быть такой глупой? Я даже не спросила, не опасно ли это зелье. Боги, сон был предупреждением, что она...

Я открыла дверь, забыв об осторожности, не думая, что это может быть уловкой или ловушкой. Она была в кровати, ее рот был открыт, голова — чуть отклонена назад, и я подбежала к ней, меня мутило.

— Мама! — выдохнула я и схватилась за ее тонкие плечи, тряся ее. — Мама!

Жуткий миг, она не отвечала, и я забыла, как дышать. А потом ее глаза открылись, и она посмотрела на меня, и облегчение было таким сильным, что я рухнула на кровать, все еще держа ее за плечи, обмякла рядом с ней. Она медленно моргала, и я посмотрела в ее глаза. Они были лучше, чем за многие месяцы, едва розовые, а ее зрачки не были расширенными или узкими. В ее взгляде не было хищности, и я осторожно опустила ее на подушку.

— Я принесу завтрак, — сказала я дрожащим голосом, и впервые за три месяца она кивнула. Слабо, едва заметно, но я это увидела. Я вышла из комнаты, не сводя с нее взгляда. Что за средство дал мне Сайлас?

Глава 8:

Я совру, если сделаю вид, что всегда хотела быть аптекарем. Когда-то я хотела быть алхимиком. Я знала все о трех ветвях алхимии из книг мамы: аурумщики создавали золото из металла и не были бедными, зельеварщики могли сварить Эликсир жизни и никогда не болели, а еще — создатели, что могли оживлять гомункулов или, что страшнее, големов и никогда не были одни.

Я не надеялась стать создателем, это было слишком даже для меня. Границы между Спящим принцем из детской сказки и настоящим кронпринцем Таллита за последние пятьсот лет стерлись, но обе версии его истории гласили, что только он умел давать жизнь неживому. Я никогда не хотела такой силы, даже в детстве, что-то пугало меня в том, что оживать сможет то, что не было таким создано. Порой я хотела быть аурумщиком, особенно, когда что-то хотела, но мне отказывали, но больше всего я подходила под вид зельеварщиков.

Способность создать Эликсир была менее распространена, чем создание золота, и господин Пэнди говорил мне, что последний известный зельеварщик умер семьдесят лет назад в Конклаве, и Совет устроил ей официальные похороны. В последний раз тогда алхимики покидали Конклав открыто, в последний раз трегеллианская армия была активной и защищала алхимиков от попыток похищения, устроенных лормерианцами.

Но я не знала этого, когда играла и часами смешивала ингредиенты — грязь, молоко, пыль, ягоды — и называла это Эликсиром жизни. Я скармливала свои смеси маме, когда у нее болела голова, папе, когда у него болела спина, и тщетно пыталась помочь так Лифу, когда он упал в крапиву или с крыши амбара.

Бедный папа все же объяснил мне, что алхимиком нельзя стать, можно лишь им родиться. Алхимия передавалась от королевских близнецов Таллита, способность была в крови. И тогда он сказал мне, что не обязательно быть алхимиком, я могла делать настои и зелья, что могли исцелять, хоть и без чудесных эффектов Эликсира жизни. И я переключилась на медицину, и оказалось, что у меня есть дар аптекаря.

При обучении вы узнаете о составе и создании, о разрушении. Вас учат отделять элементы, соединять их, создавать из них идеальное лекарство. Лишний листик, лишняя капля могли превратить лекарство в убийственное вещество. Я месяцами варила зелья и разбирала их на составляющие, пробовала их на вкус и запах, проверяла кислотой и щелочью на реакцию. Я разбирала состав всей сотни лекарств, записанных в «Materia Medica» и переписывала их рецепты. Во сне человек спрашивал, над чем я работаю. Разум подсказывал мне это. Если Сайлас что-то знал об этом, то понимал, что я смогу сделать так же с тем, что он мне дал. Я не могла его повторить, но могла понять, что в зелье входит. И этого хватило бы, чтобы направить меня к нужному рецепту.

Одна драгоценная капля упала в стеклянный флакон, остальное я оставила для матери. А потом я подошла к незажженному камину и разворошила пепел, чтобы добраться до дна. Когда мы пришли сюда впервые, дна не было, это была дыра в грязном полу. Я попросила Лифа найти поднос и положить туда, потому что без него разжигать огонь было опасно. Но я хотела, чтобы под ним осталось место, чтобы я спрятала туда вещи аптекаря, и они были полезными для аптекаря с лицензией, а не новичка-зельевара. Я хотела продать их, чтобы получить деньги для платы за дом, мою красивую «Materia Medica», все мои склянки и пипетки, блокноты и мерные стаканы, но я не смогла этого сделать. Я знала, что отец бы расстроился. И я спрятала их. А теперь они были мне нужны.

Я понюхала содержимое флакона и придвинула к себе блокнот. Я написала первым пунктом розу, у меня был хороший нюх, ее я почувствовала сразу. Я отставила флакон и взяла свои старые таблицы. Я искала «розу» и нашла в тридцати восьми известных лекарствах. Количество было слишком большим. Нужно было сузить круг, чтобы я могла все сделать. Соль должна была содержаться в зелье, она хорошо очищала, но это не помогло. Было что-то еще, что-то, похожее на запах задутой свечи, нотка дыма, но не резкая. Я смотрела на таблицы, но ничего не находила. Я нахмурилась и понюхала снова. Роза, соль и дым. Я подвинула к себе «Materia Medica». Я смогу.

* * *

Но оказалось, что я не могла. По крайней мере, не так быстро, как думала. В обед я принесла маме хлеб с супом, скользнула по ней взглядом, пытаюсь отметить признаки улучшения или ухудшения. Если бы не розовый оттенок ее глаз и тонкие волосы, можно было подумать, что она здорова, приходит в себя после горячки или раны. Она выглядела как в той лжи, что я рассказала Анвину и Кирину. Она вздохнула, когда я взбила подушки вокруг нее, и я замерла, резко повернулась к ней, но она закрыла глаза, прогоняя меня. Я оставила кувшин с водой у ее кровати и хотела закрыть дверь, но посмотрела на ее руки. Ее пальцы двигались поверх одеял, отстукивали раз-два-три-четыре поверх ее живота. Так делал Сайлас, когда был взволнован, и старое воспоминание вспыхнуло в моей голове.

Мы вчетвером сидели за столом, пальцы матери тихо постукивали по столу, пока Лиф и отец спорили о засевах. Я снова видела, как она постукивает по подоконнику, глядя в окно на дождь, что лил и мешал ей выпить чая с соседкой. Она делала так, когда ей было скучно. Она делала это невольно, как и Сайлас, и они могли даже не понимать, что так себя ведут.

Маме было скучно.

Я даже не знала, как это расценивать. Я выбежала в главную комнату, схватила с кровати книгу со сказками. Я принесла книгу и положила ей на колени, не дыша, чтобы все не разрушить. Ее глаза открылись, она посмотрела на книгу, потом на меня. В ее взгляде не было узнавания, и мои щеки начали краснеть, я смутилась из-за своей сентиментальности. Как я могла подумать...

Холодная рука сомкнулась на моей, и я вскрикнула. Я не успела выхватить руку и убежать, ее пальцы обвили мои, словно это были лепестки розы. Три секунды она держала мою руку, а потом отпустила и закрыла глаза.

Мою кожу покалывало, глаза жгло, когда я покидала комнату и закрывала ее на ключ. Я прижалась к двери и дышала, пока не успокоилась. Я заварила себе чай, села на скамейку и смотрела на свои эксперименты, в голове было слишком много мыслей. Маленькое семя во мне начало расти. Я старалась игнорировать его, но не могла.

Было рано говорить, что то, что дал ей Сайлас, привело к этой перемене, хотя я как-то знала кровью и костями, что это так. Должно быть так. Его зелье было чудом, оно дотянулось до нее и вернуло. И если я пойму, что это, сделаю больше, и мы сможем... Мы сможем попасть домой.

Если она будет в сознании, то сможет подсказывать мне насчет своего состояния. И мы могли вернуться в Тремейн, хоть и не на ферму...

Я могла продолжить учебу. Могла вернуться в аптеку. Господин Пэнди мог сделать меня помощницей, и тогда у нас были бы деньги, чтобы снимать домик на окраине. С чердаком. Забыть Анвина, лагеря беженцев, попытки быть подальше от людей, чтобы спрятать ее. Дом. Даже если будет война, там мы будем в безопасности, в стенах города.

Я разгадаю эту загадку, так что помогите мне, боги всех пантеонов.

* * *

И весь день я повторяла себе: если зверем можно управлять, то мы можем уйти домой. Я занималась делами, но постоянно прерывалась и проверяла маму и книгу. Грязная посуда осталась грязной, а окна — закрытыми, и я все еще была в платье в крови после вчерашнего. Это не имело значения. Важно было только это. Я пойму, что это за зелье, сделаю такое же, и все будет хорошо. Я пожертвовала для этого еще одной каплей.

Каждый раз, когда я думала о возвращении домой, в аптеку, к своей жизни, то ощущала тот же трепет, как когда Кириин первый раз упомянул это. Среди знакомых людей будет лучше. Дома можно было излечить раны, оставшиеся после папы. И Лиф будет знать, где искать, если он... когда он...

Я сжала стеклянную пипетку так крепко, что раздавила ее, осколки впились в мою руку. Я едва замечала их, узел в груди снова затянулся. Я застыла, кровь проступила на ладони, но мне было все равно, я была себе отвратительна. Вина сжимала меня в своих когтях, давила на меня, и я смотрела на флакон, на свою работу.

А потом вспомнила слова Кирина, что мы все это время могли быть дома, и боль в его голосе, ведь мы ушли, не попрощавшись, не приняв его помощь. Я впервые злилась на Лифа. Он заставил нас переехать сюда, подставил меня под оскалы Чэнса Анвина, бессонные ночи из-за своей гордости. Он ушел работать в чужую страну, оставил меня одну с убитой горем матерью, которая даже есть не могла, потому что не хотел сострадания.

Мы были здесь, потому что он был эгоистом и не положился на своих друзей, наших друзей. Болезнь мамы, мое создание ядов не случилось бы. Глупый, глупый Лиф. Как он

мог? И теперь он... Нет. Он в порядке. Он Лиф. Он найдет нас. И когда он сделает это, я заставлю его просить прощения за все. Он будет заботиться о маме, пока я буду на работе. Посмотрим, как он справится.

Я дрожала и закрыла глаза, глубоко дыша. Когда я открыла их, я посмотрела на бутылочку. Половины зелья не было. Стол был усеян неудачными попытками и испорченным веществом. За работу.

* * *

Остаток дня и еще долго вечером я пыталась отделить оставшиеся компоненты, но ничего не смогла узнать. Я проверила зелье на щелочь и кислоту, я пыталась высушить капельку, чтобы разделить его так, но результата не было. Я прервалась, чтобы подогреть суп и отнести его маме вместе с чаем. Она ела жадно, склонялась к ложке, которую я поднимала к ее рту, и трепет надежды снова вспыхнул во мне. Четвертую каплю зелья Сайласа я добавила в ее чай, глядя на нее, пока она пила его. Я оставила ее мирно лежать, лицо ее было расслабленным, и я забрала книгу сказок с собой и заперла ее. Через миг я придвинула к двери сундук, на всякий случай. Осторожность не повредит. А потом я вернулась к столу, записям и склянками. Как я по этому скучала.

Я закрыла окна и работала в свете свечи, пытаюсь найти лилии, анис и душистую руту, как и другие растения, которые могли прийти мне в голову или обнаружиться в моих книгах, пока не закончилась эта капля средства. Я проверила его на химических полосках, на флегматичной и меланхоличной, но реакции не было. Я не знала, что за эликсир дал Сайлас. Только один необычный ингредиент вызвал реакцию, и это была манжетка, но результат был таким слабым, что можно было списать его на погрешность. Я так долго работала, что мне уже казался там запах серы и что-то металлическое. Что это?

Я разглядывала стол, беспорядок из бумаг, пипеток, таблиц и склянок на нем. Я взяла бутылочку Сайласа и посмотрела на нее. Осталось две капли. Завтра — последняя ночь полнолуния, так что мне нужна для нее только одна капля... А я была все ближе. Наверное.

Я рискнула и выдавила еще одну каплю. Я снова проверила зелье на манжетку, опуская полоску в чудесное средство. И полоска снова потемнела, но не сильно, и я бросила ее на пол. Бесполезно.

Я отодвинулась от стола, забыв, что нужно быть тихой, и застыла, когда скамейка заскрежетала по полу. Но в хижине стояла тишина. Я заставила себя сделать перерыв, доела остатки супа прямо из котелка, не подогрев его, а потом помыла его и повесила над огнем. Нужно отойти, только и всего. Я слишком близко. Пробовать ли мне дальше, или попросить Сайласа сказать, что это?

Размышляя, я встала и потянулась за плащом. Придется быть осторожной, чтобы меня не увидели солдаты или Анвин, но если это получается у Сайласа, тогда почему у меня не может?

Я открыла дверь, а там стоял Сайлас с поднятой для стука рукой.

Он окинул меня взглядом и протиснулся мимо меня в хижину, и я закрыла дверь, слыша, как он вдыхает сквозь зубы. Он убрал капюшон и посмотрел на меня, и от его глаз я потрясенно застыла. Я уже успела забыть, как они пылают.

— Ты была занята, — сказал он без эмоций. — Ты тратишь время. И зелье.

— Тогда спаси меня от этого и скажи, что в нем.

Он замкнулся, золотые глаза потускнели.

— Радуйся тому, что имеешь, Эррин. Я уже нарушил несколько клятв, дав его тебе.

Больше ничего рассказать не могу.

— Она спала всю ночь, Сайлас, — сказала я. — Она посмотрела на меня утром. Она коснулась меня. И если это из-за твоего зелья, если это может ее вернуть, мне нужно знать, что это. Сайлас, мне это нужно. Прошу, не дразни так, а потом убирай это. Я слишком много потеряла.

Я отвернулась, чувствуя покалывание в горле и жжение глаз. Бездна кипела во мне, и я стиснула зубы, чтобы не заплакать.

— Эррин? — сказал он, и я покачала головой. — Прости, — мягко сказал он. — Я хотел помочь.

И рука осторожно легла на мое плечо. Я застыла.

Я задержала дыхание. Вес его руки был грузом, и я боролась с собой, чтобы не прильнуть к ней. Я все еще не понимала своих чувств к нему. Порой он злил меня, порой... Я знала, что порой его голос делал со мной странные вещи, если я не была к этому готова. Я знала, что слишком долго смотрела на его губы, но не только для того, чтобы прочитать эмоции, пока он был в капюшоне. Я была уверена, что загадочный человек в моих снах — моя попытка создать свою версию Сайласа, и от этого было стыдно.

Потому что я знала, что у настоящего Сайласа нет ко мне чувств. Таких чувств.

* * *

Через месяц после того, как мы начали наши странные рабочие отношения, я пошла к его дому, чтобы отнести заказ: безобидную камфару и мазь из мяты. Ничего особенного.

Я устала. Из-за странных снов и первого превращения матери я днями не спала. Я была поглощена попытками позаботиться о нас, сделать так, чтобы никто в деревне не видел нашу слабость, а еще я ходила в лес и собирала травы, варила зелья, чтобы помочь ей, лечила царапины на ее руках, ходила за едой и торговать, когда могла. С рассвета до полуночи я работала, не прекращая, прогоняя из головы Лифа и папу, зная, что я не могу позволить себе сломаться.

Но приближалось полнолуние, и я заметила, что она следит за мной взглядом, а ее пальцы согнуты, как когти. Тогда я случайно заперла ее и спасла себе жизнь. Я уже пережила две длинные и ужасные ночи ее ругательств, шорохов, ударов о дверь, и утром она была тихой и безжизненной. Я искала среди старых сказок, ведь мы уже знали, что Спящий принц вернулся, так что я понимала, кем она становится. Красные глаза и жестокие слова. Я это сразу узнала.

Но не верила, пока она не сбила меня на пол и не надломила мне зуб.

И когда я несла Сайласу заказ, я была не в себе. Это не было оправданием, я боялась, устала, горевала. За два месяца мой мир изменился полностью, и когда он предложил мне немного доброты, я... все не так поняла.

Он пригласил меня в свой дом, как и всегда делал, и привычно протянул руку для склянки, а я — для монеты. Я с первой нашей встречи заметила, что он всегда в перчатках и капюшоне, и что он намеренно не касается меня. Так что я была удивлена, когда его пальцы обхватили мой подбородок, чтобы повернуть лицо к нему.

— Ты уставшая на вид, — сказал он, и его голос что-то пробуждал во мне.

— Было много дел, — я попыталась улыбнуться, и его пальцы сжались на моей челюсти.

— Что с твоим зубом? — он взгляделся в надбитый передний зуб, и я закрыла рот, стараясь не показывать его, пока отвечала:

— Я упала.

— В дверь? — его голос был мрачным и злым.

— Нет, Сайлас, на пол. На настоящий. И упала я по-настоящему.

— Дома?

— Да, — я убрала лицо от его руки, волнуясь из-за его вопросов и своих странных ответов из-за близости к нему. Я знала его так, как не знала никого, а еще знала себя, понимала, какой он высокий и худой, по сравнению со мной. Он стоял близко. Я чувствовала на лице тепло его дыхания. Чувствовала его запах: слабая нотка мяты и ладана.

Он пожевал губу, склонив голову. А потом заговорил:

— Ты бы сказала мне, если бы тебя кто-то обижал, да?

И тут я разрыдалась. Не сдержалась, не справилась из-за этой капли доброты. Он был почти незнакомец, клиент, но он первый был хорошим ко мне, или так казалось, за последние месяцы. Я бросилась к нему, уткнулась лицом в его грудь, всхлипывая. Он, чудом, обвил меня руками, не крепко, но все же обнимал, пока я не перестала дрожать и плакать в его тунику. Он гладил мои волосы, запутывался в них пальцами и разглаживал их. Было так приятно.

— Ты в порядке? — спросил он, его голос гулом прозвучал у моего уха.

Я подняла голову к тени его капюшона, пока он ждал мой ответ.

И я поцеловала его.

Я никогда еще никого не целовала, но вдруг прижалась губами к его губам. Мы стояли так три удара сердца. Я думала, что его губы едва заметно двигались поверх моих, нежные, словно крылышки. Я думала, что он целует меня в ответ.

А он оттолкнул меня с такой силой, что я чуть не упала.

— Нет, — сказал он, вытирая рот, словно я его испачкала.

Я тут же развернулась и попыталась убежать, но он поймал меня за руку, удерживая на расстоянии от себя.

— Прости, — сказал он, тяжело дыша. — Прости, что толкнул. И что накричал. Но ты не можешь... не должна... Не надо, Эррин. Прошу.

Мне никогда еще не было так стыдно. Я безмолвно кивнула. Он отпустил меня, и я убежала домой и заварила себе чай с маком. На следующее утро я проснулась с головной болью, болью в сердце от мысли о нем и запиской у двери, где была просьба о мази из коры ивы.

Мы никогда не говорили об этом. И не касались, пока он не взял меня за руку перед Анвином.

* * *

Я тряхнула плечом, сбросив его руку, и он тут же ее убрал. На том месте, где лежала его ладонь, остался холод.

— Ты чего-то хотел? — сухо сказала я.

— Шел на встречу со связным. Хотел вас проверить. Обоих.

— Благодаря тебе, у нас была лучшая ночь за три месяца, — сказала я, он нахмурился. — Я использовала почти все, чтобы понять это зелье, но не смогла. Да, не смогла. И мне нужна твоя помощь, а осталась только одна капля. Скажи, что это. Прошу.

— Ты не сможешь сделать это, Эррин. И не захочешь.

— Почему?

— Хотел бы я... — начал он и покачал головой. — Я могу попробовать достать тебе

еще. Это все, что я могу.

Я смотрела на него.

— Сколько? Сможешь найти столько, чтобы хватило на год?

Он сделал странное лицо, поджал губы, его щеки побледнели.

— Я заплачу, я не прошу об услуге.

— Не в том дело. Я не могу...

— Не можешь сказать, — прервала его я. — Конечно. Это секрет, да, Сайлас?

— Так не честно.

Я покачала головой.

— Не говори мне о честности, Сайлас Колби.

Он посмотрел на меня, выражение его лица было искаженным, но я ему не сочувствовала. Я отвернулась и ждала, пока за мной закроется дверь. И я вернулась за стол. Еще одна попытка.

* * *

Позже, когда я уснула, мне снова приснился тот человек. В этот раз мы были не в аптеке или моей хижине. Мы были в маленькой каменной комнате с простыми предметами. Было холодно и сыро, и я подумала, что мы под землей. Человек сидел на деревянном стуле, прислонившись к столу, покрытому темными пятнами. Он горбился, выглядел уставшим и побежденным, и мне было его жаль.

— Иди сюда, милая, — сказал он, почувствовав меня, и я подошла к нему. Он обвил руками мою талию и уткнулся головой в мой живот. — Кошмар, — вздохнул он. — Какой кошмар.

Он потянул меня к себе, чтобы я склонилась, и прижался губами к моему горлу. Мои веки с трепетом закрылись, он целовал мою челюсть. Когда он остановился, у меня кружилась голова.

— Но у меня есть ты, так ведь? — спросил его, его рот был у моего уха, язык легонько касался его.

И я кивнула.

* * *

Я проснулась чуть позже от стука, горькая досада и холодный воздух высушили пот с моего лба, и я растерянно села. Сначала я подумала, что зелье не сработало. И то, что она была тихой прошлой ночью, было простым совпадением.

Стук повторился, тихо и три раза.

Входная дверь, а не в комнату мамы.

Все ужаснейшие варианты всплыли в моей голове: что это Анвин, что это Кирин и его солдаты, что это бандиты или воры. Я надеялась, что это Сайлас, но, судя по случившемуся до этого, это было маловероятно. Я выбралась из постели и застыла, шепча: «Уходите, прошу», — снова и снова. Тишина, стук повторился, но настойчивее и громче, и мое сердце сжалось. Солдаты.

Петли заскрипели, и я бросилась к ней, поздно понимая, что дверь не заперта. Она распахнулась, и я увидела силуэт с большим свертком в руках.

— Помоги, — сказал Сайлас, с трудом дошел до моей кровати и опустил туда тело.

Глава 9:

Я закрыла входную дверь и подошла туда, где Сайлас согнулся рядом с тем, кто я приняла за человека. Его лицо выглядело как кусок мяса. Его нос был размазан по лицу, щека опухла, волосы были в крови. Он был без сознания, и я прижала пальцы к его запястью. К своему удивлению, я нащупала пульс, хоть и слабый, как трепет крыльев мотылька. Я считала удары, тревожась из-за их слабости и времени между ними.

— Я не знал, куда еще идти, — сказал Сайлас с болью и беспомощностью. — Прости.

— Мне нужна вода, — я не смотрела на него, а продолжала осмотр ран мужчины. Ему повезло, что он был жив. Но вряд ли он так долго протянет. — Знаю, это риск, но...

— Я принесу.

Пока он ходил, я вытащила нож, разрешила тунику мужчины и открыла мускулистую грудь, что пострадала не меньше лица. Я осторожно прижала пальцы к его грудной клетке, пытаюсь понять, есть ли переломы, но нашлись лишь трещины. Я ощупала его левую ногу, особое внимание уделила колену и лодыжке. Обрадовавшись, что она не сломана, я принялась за правую.

— Получилось, — сказал Сайлас, вбежав в домик и захлопнув дверь, я вздрогнула и посмотрела в сторону комнаты мамы. Мы замерли с огромными глазами и ждали.

— Прости, — сказал Сайлас, и я покачала головой.

— Забудь. Воду нужно вскипятить, — я кивнула на ведро в его руках, заметила обрезанную веревку и мысленно скривилась при мысли о вопросах солдат, когда они утром пойдут к колодцу. Он принес воду к камину, налил в котелок. Я слышала, как он шуршал, разводя огонь, что начал тихо потрескивать. Он встал напротив меня и глядел, как я заканчиваю осмотр.

— Нужны бинты, — сказала я. — Возьми с веревки чистую простыню и порви на длинные полоски.

Он схватил одну и сел рядом со мной, разрывая ткань с такой силой, что мне стало не по себе. Какое-то время было слышно только рвущуюся ткань, и я начала говорить, чтобы заглушить этот ужасный звук.

— Его нос сломан и, похоже, правая скула тоже, — сообщила я. — Думаю, ребра треснули, одно или два, а то и больше. Ноги не сломаны, но правая лодыжка опухла, так что я не уверена. Его явно жестоко избивали.

— Он будет жить? — спросил Сайлас.

— Не знаю, — сказала я и подошла к столу, в своих вещах нашла кору ивы и бальзам из арники. — Добавь в воду немного соли, — сказала я Сайласу и продолжила. — Ты его знаешь? С ним ты хотел встретиться?

Сайлас смотрел на раненого с открытым ртом. Когда он пришел, на нем не было капюшона, его руки дрожали. Он терял то рвение, с которым принес мужчину сюда.

— Сайлас, нужна твоя помощь, — рявкнула я. — Нужна палка. Крепкая. Такой длины, — я показала ладонями шесть дюймов.

Он посмотрел на меня с пустым выражением лица, и я поняла, что он бесполезен сейчас. Я встала, вытерла руки об уже грязное платье и вышла во тьму. Ночь была ясной, надо мной подмигивали друг другу заговорщически сотни тысяч звезд. Луна была полной, бледной и тяжелой во тьме высоко над моей головой. Мир был освещен ярко, как и днем, хотя лишился всех цветов. А еще даже не наступила полночь.

Я быстро нашла то, что искала: ветку дуба, тонкую и прямую достаточно, чтобы использовать ее для шины. Я повернулась к дому и застыла, увидев силуэт, свет, исходящий

от чего-то за деревьями, за хижинкой. А потом силуэт ушел глубже в лес. Я застыла и прищурилась, пытаюсь увидеть движение среди деревьев, заметить цепь или синюю ленту, а то и закрытое лицо бандита или тех, кто напал на друга Сайласа. Я ждала, считая удары сердца, пока не дошла до шестидесяти. Я ничего не увидела. И я побежала как можно быстрее в хижину, закрыла на засов дверь за собой и прижалась ей, дав себе миг, чтобы успокоиться, а потом пошла к пациенту.

Сайлас стоял у стола и слепо смотрел на склянки и беспорядок на нем, а я протянула ему ветку и сказала убрать кору. Он вздрогнул и послушно принялся за работу, и я начала разрезать брюки мужчины, сожалея, ведь ткань была хорошей, плотной и из аккуратных маленьких стежков. Этот мужчина прибыл откуда-то с деньгами. Я разорвала ткань, засохшую от крови и грязи, и отцепила от его кожи.

— Ты сможешь его спасти? — спросил Сайлас так тихо, что пришлось посмотреть на него, чтобы убедиться, что он говорил.

— Не знаю, — я начала перевязывать ногу мужчины, прикрепляя к ней ветку полосками ткани, что сделал Сайлас.

— Постарайся, прошу. И я сделаю все, что угодно, — золотые глаза Сайласа смотрели на меня, были слишком яркими, и я кивнула и повернулась к пациенту.

* * *

Я всегда чувствовала связь с растениями. На нашей старой ферме был маленький участок земли, что отец подарил мне на день рождения. Земля там была хорошей, плодородной, и он огородил этот участок сам маленьким забором.

— Это для нашей Эррин, — сообщил он, когда мы посмотрели на землю. — Чтобы она растила травы, чтобы нам потом легко оказали услугу в аптеке.

Это была шутка, мы вчетвером были здоровы. До дня, когда умер отец, мы никогда не вызывали аптекаря ни по какой причине, кроме моей просьбы учиться там.

Я узнала о случившемся, когда брат прибежал на луг. Я сидела там с Лирис и вполуха слушала ее историю о Кирине, когда примчался бледный и дрожащий Лиф.

— Идем, — сказал он, мое сердце пронзил страх, я подняла юбки и последовала за ним. Мы бежали домой в тишине.

На ферме он пробежал через кухню, оставляя грязные следы на каменном полу. Я представила тогда, как рассердится мама, увидев это, как отругает нас обоих и заставит убирать. Я не знала, что она уже успела один раз вымыть пол, убрав кровь папы.

Я пошла по следу и попала в комнату родителей.

— Что случилось? — выдохнула я, держась за дверной косяк. Мама сидела рядом с папой и прижимала ткань к его ноге. В комнате пахло металлом, алкоголем и страхом.

— Чертов бык, — сказал папа, пытаюсь вызвать улыбку на пепельном лице. — Я вел его из восточного выгона, и он побежал на меня.

— Он тебя боднул? — спросила я.

— Нет, — сказал Лиф. — Отец обогнал его. Но на скорости перелетел через ограду и упал на вилы. И они распороли ему ногу.

— Покажи, — сказала я, подошла к кровати и осторожно убрала руку мамы в сторону. Кровь не лилась фонтаном, не пульсировала вместе с биением сердца отца. Я обрадовалась. Ничего важного не пострадало. Кровь собиралась в ране, словно в чаше.

— Нужно прочистить рану.

Мама кивнула и глубоко вдохнула.

— Что я должна делать?

— Нужна чистая вода, — сказала я. — Лиф, вскипяти чайник. Ополосни одну из медных мисок кипятком, а потом наполни ее, добавь соль и принеси сюда. Мама, нужно принести бренди и чистую ткань, а еще швейные принадлежности. Рану нужно хорошенько помыть водой. Только соленой.

— А бренди?

— Дайте папе. Столько, сколько он хочет.

— А что будешь делать ты? — спросила она.

— Я буду в своем саду.

* * *

Я два года училась у аптекаря. Пять дней в неделю я приходила в его ароматные комнаты и узнавала новое о травах, растениях и лекарствах. Не раз я спорила с ним без злобы из-за советов, написанных в «Materia Medica», и некоторых его методов работы с пациентами. Господин Пэнди был добрым и он знал о медицине больше всех.

Папа мной гордился.

— Умом ты пошла в мою бабушку, — говаривал он. — Она была умной и убежала из замка, когда люди восстали против знати. Она была умной и ушла отсюда с моим отцом, они спрятали и развели огонь здесь, в этом доме. Рад, что ты тоже умная девочка.

* * *

Папа подарил мне сад, и туда я ходила, касалась ладонями своих растений, записывала их и выбирала те, чья помощь мне была нужна. Окопник для остановки кровотечения. Перец был бы хорош, но у меня в саду его не было, и я не хотела бежать за ним в аптеку, тратить на это время. Репейника и окопника должно хватить, как и тысячелистника. Лаванда, ромашка и прюнель очистят рану.

С охапкой листьев я побежала домой. Брат стоял в комнате, постукивая ногой по полу, пока смотрел на чайник.

— Еще не закипел? — спросила я.

— Мама взяла воду, — сказал он. — Это уже второй.

Сверху донесся крик боли, мы скривились.

— Он не сразу сможет вернуться к работе, да? — сказал Лиф.

— Ему нужно отдохнуть, пока все не заживет.

— Тогда тебе придется помогать мне.

— Как это понимать? — я оставила листья на столе, прошла по кухне за овсом, тонкой тканью и чистыми мисками.

— Это значит — не ходить по деревне, сплетничая о мальчиках, когда здесь нужно работать.

— Я работаю в деревне, в аптеке. Забыл?

— Тогда придется там отпроситься на время, так ведь?

— Ты мне не отец, Лиф.

— Нет. Отец наверху истекает кровью, потому что ты слишком ленива, чтобы отложить инструменты.

Я застыла и повернулась к нему.

— Он меня не просил.

Он встретился со мной взглядом. Глаза пылали от гнева.

— Тебя и не нужно было просить. И он пытался сделать это утром, но ты сделала вид,

что не слышишь.

— Я не слышала! — возмутилась я, вина пронзала меня, но я на самом деле не слышала, потому что спешила в деревню. — Хочешь сказать, что это моя вина?

— Вот, — он опустил чайник на потертый деревянный стол. — Я проверю его. Сначала семья, Эррин. Помни это.

Он оставил меня там, онемевшую, а потом я вспомнила, что у меня есть работа. Я взяла окопник, репейник и тысячелистник, смешала с овсом и сделала припарку, добавив кипятка и немного молока для связи. Я завернула смесь в ткань, выжала ее и побежала по ступенькам с припаркой.

В комнате пахло свежей кровью, когда я вернулась. Мама отошла, чтобы я осмотрела рану. Она оказалась глубже, чем я ожидала. Он упал на вилы всем своим весом.

— Сколько бренди он выпил? — спросила я у мамы, и она кинула на бутылку. Трети уже не было. — Прижми это к ране. Будет некрасиво, но кровотечение должно остановиться. А потом прочистим снова, и нужно будет зашить рану.

Мама кивнула и взяла припарку. Папа снова закричал, когда она прижала ее к ране, а Лиф взял бутылку и прижал к его рту.

— Я смешаю следующую часть, — сказала я, и Лиф напряженно кивнул.

На кухне я поставила чайник на огонь, добавила лаванду, ромашку и прюнель ступку и растолкла их. Я налила немного воды, сделала из этого пасту, добавила немного свиного жира, чтобы получилась мазь. Для мужчин свиной жир как раз подходил.

Отец потерял сознание то ли от боли, то ли от бренди, то ли от смеси, и работать стало проще. Мама убрала припарку, кровотечение замедлилось, и я выдохнула с облегчением.

— Теперь нужна твоя помощь, — сказала я маме. — Ты будешь стягивать края кожи, чтобы я их сшила.

Хотя она позеленела, мама кивнула, и я вдвела в иголку нить. Но я не успела пронзить кожу для первого стежка, как она выбежала из комнаты, прижимая ладонь ко рту.

— Лиф? — спросила я, он подошел и сел на другой край кровати.

Мы медленно зашивали рану отца.

Нанеся на его ногу мазь, я подняла голову и поймала взгляд папы.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я.

— Как будто я упал на вилы, но меня зашила дочь. И, похоже, я немного пьян, — его язык едва заметно заплетался.

— Ничего необычного? — сказала я, и он сонно улыбнулся.

Я встала, поцеловала его в лоб, и он поймал мою руку.

— Ты молодец, — сказал он. — Я тобой так горжусь.

Но я себя такой не чувствовала, слова Лифа все еще звенели в ушах.

* * *

Следующим утром казалось, что папе лучше. Он сидел на кровати, жаловался на все, а я проверила рану и нанесла еще мази. Я оставила его маме, а сама неохотно принялась помогать Лифу с работой. Одна из коров ударила меня, и хотя остался лишь синяк, я дулась весь день. Мы с Лифом ели отдельно, злясь друг на друга, потому что он заявил, что ужин делать должна я, но я отказалась.

— Но это твоя работа.

— Потому что я девочка?

— Да.

Я устала на него.

— Лучше бы тебя папа не слышал.

— Я не видел, чтобы он готовил, а ты? Это работа мамы.

— Но сегодня я была фермером, а это мужская работа. Так что сегодня я — мужчина. И я не буду ничего тебе готовить.

— Хорошо. Не готовь. Мне хватит хлеба с водой.

— Вот и подавись им, — прошипела я и оставила его. Обычно мы с ним ладили, если не считать обычные споры брата и сестры, но из-за раны отца и тяжелого дня работы мы были раздражены, и никто не хотел поддаваться.

Мы не разговаривали четыре дня, каждый из которых казался неделей, мы работали бок о бок, доя коров, дважды в день, убрали за ними, выводили их в поля и носили молоко на молочную ферму. Я отомстила немного, сделав Лифа дояркой, пока мама оставалась с папой, но это не радовало. Я проверяла рану папы дважды в день, и она неплохо заживала. Он жаловался на онемение ноги, но это не удивляло, и мама вызвалась делать ему массажи.

На шестую ночь после случившегося я не могла уснуть, хоть и сильно устала. Я ворочалась, была очень жаркая летняя ночь. Я лежала поверх простыни, подражая звезде, стараясь охладиться, когда дверь открылась.

— Эррин, что-то не так, — тихо сказала мама в темноте.

Я вошла в комнату и зажала рот, пахло плохо, кисло из-за болезни. Я коснулась лба отца, и он был горячим. Он тихо стонал во сне, кожа казалась восковой в тусклом свете, мокрой от пота, который не был связан с летней жарой. Вдруг он задрожал, его плечи дергались, и мама побежала к нему, пытаясь удержать его на месте.

Я знала, что это, но не хотела верить, потому что не хотела, чтобы так было на самом деле, чтобы было уже так поздно.

— Давно он такой?

— Сказал, что за ужином ему было жарко. Он не мог глотать, сказал, что болит челюсть. А потом началось это с его шей. Я чувствовала, как дрожат мышцы.

Папа снова задргался, и я закрыла глаза.

— Нам нужен господин Пэнди.

Мама тут же послала Лифа. Пока его не было, мы с мамой впервые опустились на колени и помолились богам, в которых никогда не верили.

* * *

Господин Пэнди сделал все, что мог, использовал кору ивы, больше лаванды, просил о ремнях и веревках, чтобы удерживать отца на месте. Каждый приступ становился все сильнее, и аптекарь говорил нам вливать ему в рот мед, давать сахар, сливки и масло. Мы всю ночь пытались дать ему воду и еду в перерывах между приступами, чтобы придать ему сил. К рассвету он устал, но все равно дрожал, его тело казалось худее, чем это было при закате.

— У него столбняк, — сказал господин Пэнди, вернувшись.

— Как это вылечить? — спросила мама.

Мы с Лифом переглянулись.

— Никак, — сказал хмуро господин Пэнди и повернулся ко мне. — Мне жаль. Очень жаль.

Он оставил нам слезы мака, дав указания, как их давать отцу. Столбняк причинял боль, и даже с успокоительными его тело дрожало.

Мама отказывалась это принять. Она провела день в моей комнате, глядя на стену, шепча старые забытые молитвы старым забытым богам, я безмолвно держала ее за руку, мысленно тоже молясь. Лиф оставался с отцом.

Я спустилась вниз, чтобы выпить молока. Было поздно, луна стояла высоко в небе, мир притих. Я не слышала, как Лиф оказался позади меня, но увидела его отражение в стекле окна и поняла, что он здесь. Я обернулась, увидела его лицо, и все стало ясно.

— Как мне сказать ей? — спросил он. — Как сказать, что его больше нет?

Глава 10:

Сайлас работал со мной еще час, тщательно очищая мужчину, открывая многочисленные повреждения и синяки. Он не дрогнул, не закрывал рот рукой, он работал решительно и безмолвно, помогал мне мыть, обрабатывать и перевязывать раны. Кожа на груди и животе мужчины превратилась в страшные лиловые синяки, это было плохим признаком. Его кожа была холодной, не становилась теплее, как бы мы ни старались развести огонь сильнее. Мы смыли кровь и грязь с его волос, и я увидела, что они такие же белые, как у Сайласа, я заглянула в его глаза, проверив зрачки, и радужка их оказалась золотой. Я посмотрела на Сайласа, но он промолчал.

Мы остановились, когда уже нечего было обрабатывать, укрыли его всеми одеялами, какие нашлись.

— Что теперь? — спросил Лиф, его хриплый голос стал ниже от усталости или боли.

— Все. Я сделала все, что могла. Все зависит от него. Если он ранен внутри... — я замолчала, и Сайлас кивнул. — Арника и кора ивы должны помочь опухлостям снаружи. Узнаем больше, если — когда — он проснется.

Сайлас уткнулся лицом в ладони.

Я встала, проверила ведро и немного воды использовала, чтобы заварить две чашки некрепкого чая. Одну я протянула ему. Он обхватил чашку обеими руками.

— Что случилось? — спросила я. — Кто он? Это... твой родственник?

— Да. Дальний. Но я хорошо его знал. Он... — Сайлас сделал глоток чая. — У тебя есть что-нибудь покрепче?

Я вскинула брови. Он сделал еще один глоток.

— Он ходил между королевствами. С ним ты видела меня вчера. У нас цепь в Лормере. Люди в разных местах передают предметы из храма моей матери, пока они не попадают через границу ко мне, а я прячу их в безопасное место. Он пересекал границу, лес. Он был лучшим. Я должен был встретиться с ним, но он не появился. Я понял, что что-то не так, и...

Я хотела перебить и спросить, что за предметы они переносят, но холодок пробежал по моей спине. Напали в лесу... Я сорвала покрывала с его друга и начала снова осматривать его, пытаюсь найти длинные неровные царапины, что покрывали руки моей мамы.

— Что ты делаешь?

— Ничего. Просто... проверяю.

— Зачем?

Я не ответила, радуясь, что ничего такого не нашла.

— И не было видно... кто это сделал?

Сайлас покачал головой.

— Прости, что так свалился тебе на голову, — сказал он. — Знаю, у тебя своих проблем хватает.

— А куда бы еще ты пошел?

Он покачал головой и склонился, положив руки на колени. Я засмотрелась на его макушку, отметив, что у него два завихрения на затылке. Я вспомнила Лифа, его волосы были такими же, и мама как-то обрезала их, и все волосы слева торчали у него месяцами, пока не отросли. А потом он отрастил длинные волосы и не позволял никому их стричь. Я не знала, в курсе ли Сайлас про такую свою особенность. Может, ему было все равно.

Я встала, схватила свой плащ и накинула на его плечи.

Он вздрогнул, когда ткань опустилась на него.

— Мне не холодно, — сказал он.

— Не в том дело, — прошептала я в ответ.

Наши взгляды пересеклись, и я забыла, как дышать. Таким было ощущение, грудь вдруг забыла, как вздыматься и опадать, легкие не знали, как себя наполнить. Я не понимала, что он стоит, пока не ощутила его дыхание на своей щеке, и от этого я снова задышала, но быстро и неглубоко, словно у меня была горячка. Я посмотрела на него и хотела коснуться лба, убрать морщину между бровями. Он напоминал Спящего принца из книги с высокими скулами и красивыми губами. Но теперь он не был похож на принца, он был печальным человеком, и было проще всего на свете шагнуть к нему, обвить его руками, сцепив руки за его шей, и прижаться к нему.

Он замер на миг, а потом расслабился, но в ответ меня касаться не спешил. Будто мои объятия к нему никак не относились. Моя кожа пылала знакомым стыдом, и я расцепила руки и отошла от него.

Но тут его длинные руки обвили меня и притянули к нему. Его голова оказалась между моим плечом и шей, лицо его прижалось к коже. Я ощущала шей тепло его дыхания.

И объятия затянулись, мы давно должны были отпустить друг друга. Он цеплялся за меня, словно я была последним безопасным местом бурю, и я пыталась быть такой для него. Мои чувства колебались между тревогой и чем-то еще, от чего сердце неровно билось. Я боялась момента, когда это закончится, потому что инстинкт говорил мне, что когда он уйдет из моих объятий, я потеряю что-то важное.

Он вздохнул, и я прижала голову к его, он медленно развернул свою голову, пока его губы не задели мою челюсть. Я услышала его резкий вдох, его пальцы на миг напряглись на моей талии. Он замер, его губы были в дюйме от моих, и я склонила голову, пока наши рты не соприкоснулись. Я закрыла глаза и ждала его действий, поцелуя, но он не двигался, прижимал меня к груди, и я слышала, как дико колотится его сердце вместе с моим.

А потом он оттолкнул меня. Снова.

— Эррин, — сказал он, в моих ушах звенело от стыда. — Я не могу. Пожалуйста.

— Прости, не буду, — пролепетала я.

— Я ведь уже это говорил? — тихо сказал он, и я кивнула, краснея от новой волны унижения. — Этого не может быть, — сказал он с мольбой в голосе и прошел к двери, мое предательское сердце сжалось, когда он потянулся к засову.

— Останься, — выпалила я, он замер, склонив голову, оставаясь ко мне спиной. — Уже поздно.

— Не могу, — он сбросил плащ с плеч и оставил его на скамейке. — Я вернусь на рассвете.

И он ушел, оставив меня наедине с умирающим.

Я убрала кровавую воду и бросила в огонь тряпки, смотрела, как они, шипя, сгорают. Под глазами мужчины залегли тени, он казался худее. Мне было нечем занять руки, и я укуталась в плащ и села на скамейку. И ждала.

* * *

— Сайлас? — это было произнесено так тихо, что я не сразу поняла, что проснулась ото сна. Голос прозвучал снова, я открыла глаза и посмотрела на мужчину на моей кровати. Он смотрел на меня, один его глаз опух и был закрыт, но другой глядел на меня. — Сайлас? — снова сказал мужчина, и я перебралась со скамейки к нему.

— Тише, не напрягайтесь, — сказала я. — Я позову его. И приведу для вас.

Я хотела встать, но мужчина слабо поднял руку.

— Ты его знаешь?

— Да, он принес вас сюда. Он...

— Нужно, чтобы ты передала ему послание.

— Я позову его...

— Нет! — он закашлялся, его слюна окропила покрывала, темная и блестящая. Он закрыл глаза, и я забеспокоилась, что уже слишком поздно. Но он снова заговорил — Скажи, что она уже ушла.

— Она ушла? — кто? Кто ушел? Он говорил о матери Сайласа?

— Из-за нее он здесь, он поймет. Скажи, что она ушла в Скаррон... — мужчина снова закашлялся, звук был громким и влажным. Кровь бурлила в уголке его рта, и я знала, что он не выздоровеет. Я взяла его за руку, и на окровавленных губах появилась тень улыбки. — Она ушла раньше, чем... пришел он. Она пока что в безопасности.

— Хорошо, — сказала я, держа его за руку. Не мама Сайласа. Кто-то другой.

Мужчина резко вдохнул.

— Ему нужно найти ее, — в его горле слышалось дребезжание. — И привести в Конклав. Скорее. У него мало времени.

— Конклав?

— Все... это самое безопасное место. Ее нужно доставить туда. Они должны оставаться там. Принц идет. Он знает о ней...

— Я расскажу ему. Обещаю.

А потом он умер. Просто умер. Его глаз сиял и смотрел, а потом... я увидела его смерть, перемену. Что-то оставило его необратимо. Я вспомнила, что не знаю его имени, что не спросила об этом, а Сайлас его не назвал. И теперь он умер в чужом доме далеко от дома.

Я закрыла его глаз, надеясь, что так он будет выглядеть, словно спит, но — нет. По нему было видно, что он мертв. Я села на корточки и смотрела на него. Я еще никогда не видела, как кто-то умирает. Я видела отца мертвым, но не сам процесс.

Шли долгие минут, я онемела, а потом пришла в себя. Я пыталась думать о чем-то, но лишь смотрела на мертвого. Что-то в огне затрещало, и я вздрогнула и встала. Нужно передать послание Сайласу, чтобы он отвел ее, кем бы она ни была, в Конклав.

Я потянулась к засову и замерла, понимание накатило волной. Сайлас знал, где Конклав.

* * *

До последней войны наши алхимики жили открыто в городах, но после того, как мы проиграли Лормере, и те потребовали выдать их, словно они были вещами, мы спрятали их в

тайном обществе, известном как Конклав. Его не было на карте, и вне Конклава только два анонимных члена Совета в Трессалине знали, где он. Так я думала до этой ночи.

Редко в Конклав можно было попасть, но по договоренности, и посетителя погружали в сон, чтобы доставить его туда и вывести, чтобы обратной дороги он не нашел. Посетителей охраняли элитные стражи, и говорить можно было с алхимиками только после их обращения. За один раз приходило могло не больше двух человек. Один раз туда приходил принц Мерек, но даже его — особенно его — погрузили в сон и потом охраняли.

Вне Конклава алхимиков теперь не было, тем более, в Лормере.

Он сказал, что его предки были из Таллита. Его глаза и волосы...

И все встало на места. Белые волосы, золотые глаза. Семья из Таллита. Не простая, а из королевского рода алхимиков. Сайлас был алхимиком. Из Лормеры.

Я прижалась к столу и сбила флакон на бок с последней драгоценной каплей в нем.

И тут я впилась в стол обеими руками, чтобы не упасть под весом понимания.

Загадочное зелье, что не давало маме становиться зверем, пробудило от горя, и которое я не смогла разгадать. И дал мне его алхимик.

Мне не нужен был Сайлас, чтобы сказать, что в его зелье. Он был прав. Я такое повторить не могла.

Это был Эликсир жизни.

Глава 11:

Я поднесла флакон к свету. Эликсир жизни. Неужели это он?

Значит, не все зельеварщики умерли. Кто-то еще был жив, делал Эликсир. И мне нужно было еще для мамы. Только так можно было утихомирить зверя.

Я выглянула в приоткрытое окно, пытаюсь заметить признаки жизни или движения, а потом посмотрела на мертвого. Мертвого алхимика. Осмелюсь ли я?.. Да. У нас было мало времени. Под покровом ночи меня мог не увидеть Анвин или солдаты. И мама не знает, что случилось ночью, мертвый ее не тронет. А я получу ответ и вернусь. Я завязала плащ, а потом склонилась над мужчиной. Я накрыла его лицо покрывалом.

— Покойтесь с миром, — тихо сказала я.

* * *

Ночь была слишком тихой. Должны были шуршать существа, чтобы я вздрагивала, когда под их весом трещали ветки и шелестели сухие листья. Должны были ухать совы или кричать козодои. Крысы, мыши, олени, другие живые существа должны были шуметь, но мир притих, и если бы не громкое биение сердца, я бы боялась, что оглохла. Где патрули солдат? Почему я не слышу их нервный смех и шутки друг над другом? От нехватки звуков я была напряжена, пыталась найти во тьме что-то, что направит меня, звук или запах, какой-нибудь предмет.

Лунный свет вел меня, но я старалась держаться тени. Луна уже была ниже на небе, ее свет превращал весь мир в черно-белый, серый и серебряный. Деревня была словно нарисована, словно игрушка, а не настоящая, и мне было не по себе. Почти все окна в деревне были темными, пока я шла мимо, только в Доме правосудия было видно свет свечи в одном из верхних окон.

Я хотела свернуть к дороге, ведущей в дом Сайласа, но серебряная вспышка вдали привлекла мое внимание. Тень двигалась за деревьями. Солдат? И тут я застыла.

Из-за деревьев вышла огромная фигура, в семь футов ростом, ее силуэт был неровным.

Крик застрял в моем горле, когда я увидела голову.

Там не было лица.

Там, где могли быть глаза, нос и рот, были выступы и трещины, вид едва напоминал человеческий. Но нехватка глаз и ушей не мешала ему поднять голову, словно он нюхал воздух, и его тело повернулось ко мне.

Рядом появился еще один, порыв ветра закачал вершины деревьев, донес до меня запах этих существ. Грязь, гниющие листья, сера, сладковатый запах разложения. Я развернулась и побежала. Я не оглядывалась, я убегала от дома Сайласа, мимо Дома правосудия, пересекала деревню, пытаясь отдалиться от них. Я добежала до окраины деревни и бросилась к ограде, перелезла через ежевику, отцепила от веток свой плащ, и села среди кустов, сердце колотилось так сильно, что я не понимала, как оно до сих пор может биться. Я сжалась, зажмурилась, задыхалась и дрожала.

Сердце начало замедляться, когда что-то коснулось моего плеча, и я выдохнула, готовая закричать посреди ночи. Рука зажала мой рот, и рядом оказался Сайлас. Он был без рубашки, голый по пояс, босой, его кожа была в царапинах из-за колючих кустов. Он выглянул из нашего укрытия. Я увидела отметины на его спине, круги, что менялись от полностью черного к закрашенному на три четверти, наполовину, затем шел полумесяц, а за ним только силуэт, идеальный круг из черных чернил на коже, и центр пересекала линия.

Я оторвала взгляд от рисунка и посмотрела сквозь ветки, ожидая появления существ. Он проследил за моим взглядом, склонил голову, прислушиваясь, и лунный свет вспыхнул на его серебряных волосах. Я начала снимать плащ.

— Что ты делаешь? — прошептал он.

— Прикройся.

Он опустил взгляд.

— Прости. Я собирался спать.

— Нет. Твои волосы, — прошипела я. — Сияют.

Его глаза расширились, он помог мне снять плащ и постарался укрыть голову и плечи.

Мы тихо ждали, с каждым миготом страх отступал все дальше. После долгого момента он ткнул меня локтем и качнул головой, а потом полез из нашего укрытия.

Я последовала за ним. Мои руки исцарапали шипы, но холод притуплял боль, а потом он коснулся меня, руки в перчатках обхватили мои руки, вытаскивая меня.

— Думаю, они ушли, — сказал он, озираясь.

Я тоже огляделась, волоски на теле стояли дыбом.

— Стой, ты видел кого-то в лесу? Похожего на солдата?

Он покачал головой.

— Я вроде видела кого-то, а потом пришли големы.

— Я видел двух големов, — он снова огляделся. — Уверена, что видела кого-то?

— Нет. Да. Не знаю.

Сайлас нахмурился.

— Нам нужно внутрь.

Он двигался как туман, легко и уверенно, и я следовала за ним, понимая, что не такая тихая, как он. Он скользил, а я шумела, но он не возмущался, оставался рядом, пока мы огибали Дом правосудия. Свет внутри погас, был лишь лунный свет. Капюшон сполз с его головы, мой плащ был ему маленьким.

— Волосы, — прошептала я, он остановился. Я помогла ему поправить капюшон,

скрыть сияние.

— Лучше?

Я кивнула. И мне в нос ударил запах гнили и серы. Мы переглянулись и поняли, что он означает.

— Беги! — прошипел Сайлас, бросился вдруг в сторону, плащ развевался за ним, он прижимал капюшон к голове. Я застыла, прижалась к стене дома Анвина, глядя, как из ниоткуда появляется один из големов и преследует Сайласа. Все в нем — от запаха до дерганных движений — было ненастоящим, и я боролась с подступающей тошнотой, потому что это существо было невозможным.

Где другой?

Я дико озиралась. Я боялась глубоко вдохнуть. Я бросилась, стараясь не шуметь, к темному укрытию.

И чуть не врезалась в голема.

Вблизи запах гниения заставил меня закашляться. Огромные руки беззвучно потянулись ко мне, я отпрянула и бросилась в лес, в этот раз слыша сзади тяжелый топот. Я давила в себе крик. Я не хотела, чтобы другой узнал, где я, и решил меня убить. Где солдаты? Где Сайлас?

Я бежала по лесу зигзагами, паника звенела в ушах. Я вспомнила наемников, стрелы, свист и то, как стрела хрустнула, как кость, когда я отломила наконечник. Я бросилась к ближайшему дереву и полезла на него. Деревья и кусты росли густо, и из-за леса голему было сложно преследовать, это дало мне пару секунд, чтобы я забралась на десять, а потом на пятнадцать футов над землей. Я устроилась на ветке, скрестила конечности, голем прошел подо мной. Я содрогнулась от запаха.

У него не было глаз. Он не знал, где я. Если я буду тихой, все будет хорошо. Я буду в порядке.

Он замер, поднял голову, застыл, словно статуя. От ужаса я чуть не упала. А потом с удивительной скоростью он ушел прочь, глубже в лес. Я слышала шорох листьев, где он проходил. Как только он исчез из виду, я полезла вниз, последние феты спрыгнула, расцарапала руки. Колени ужасно дрожали, но я не давала себе остановиться, я почти бежала, покинула лес и направилась к хижине Сайласа.

Я бросилась сквозь дверь в пустую комнату.

Я укуталась в гору одеял, пока открытой не осталась только моя макушка. Я старалась не закрывать глаза, потому что когда так случалось, в эту секунду, уходящую на моргания, я видела под собой голема, его лицо без черт.

* * *

Прошли часы, и Сайлас появился на пороге, задыхаясь. Он оказался рядом со мной, обхватил одной рукой мое лицо, другой убрал капюшон. Я никогда еще не была так кому-то рада.

— Ты в порядке? Тебя преследовали? — его голос был тихим и тревожным.

— Я оторвалась от него в лесу.

— Я тоже... — он резко замолчал, повернулся к двери. Мы прислушались, мое сердце билось о грудную клетку. — Думаю, мы в безопасности, — сказал он после пары мгновений. — Никаких свечей. Огня. Звуков. Мы не хотим, чтобы они вернулись, — он повернулся ко мне и оказался очень близко. — Почему ты вышла? Эли... — он замолчал. — О, — в нем отразились страх и тревога. Он отодвинулся и кивнул. — Ясно.

Эли. Мертвого звали Эли.

— Мне очень жаль. Я пыталась...

— Знаю. Знаю, что пыталась, — он вздохнул, потер переносицу длинными пальцами, склонил голову.

— Он успел проснуться.

Сайлас вскинул голову.

— Он говорил?

— Да.

Он посмотрел на меня.

— И?

— Он сказал достаточно. Я знаю, что ты.

Сайлас помрачнел.

— Что я. Мы снова к этому вернулись?

Я говорила медленно, осторожно подбирая слова.

— Он сказал мне, что он такое, и что ты ищешь.

— Вот как, — это не был вопрос.

Я кивнула.

— И просил передать, что он идет. И что он знает.

Сайлас побелел.

— Теперь ты знаешь достаточно, — сухо сказал он. — Что будешь с этой информацией делать?

Я уже приняла решение. Если я скажу ему, что девушка в Скарроне, он уйдет. Он, как и Эли, дали понять, что их долг, приказы его матери важнее, хоть это и подвергает их опасности. Хоть они и могут погибнуть. Он пойдет ее искать, найдет и исчезнет в Конклаве. Если я потеряю его, то утрачу надежду помочь маме и вернуть прежнюю жизнь.

У нас с мамой был только такой вариант. У меня не было выбора. Я не могла сделать Эликсир, это я понимала. Но он знал того, что мог. И если он мог мне его принести, то...

Семья важнее.

— Я хочу, чтобы ты забрал нас с собой, — сказала я.

— В?

— Конклав, — его рот раскрылся так быстро, что это даже было смешно. — Ты мне не поверил, — медленно сказала я. — Ты подумал, что я тебя обманываю, чтобы ты все выдал.

Он молчал.

— Я тебя не обманываю. Эли сказал мне. Ты алхимик. Потому ты здесь. Ты ждешь женщину или девушку, что в опасности из-за Спящего принца. Потому ты здесь. Ты ждал ее, пока переправлял артефакты своей матери. Если ты найдешь ее, то отправишься в Конклав, — я не была уверена, правда ли это, пока не увидела, как Сайлас побледнел. — Эли сказал мне, где она. И он сказал, что Спящий принц знает. И он идет.

— Где она?

Я покачала головой.

— Ты забереешь нас в Конклав. Ты знаешь, где это место. Мы не будем проблемой, ты знаешь, что я могу позаботиться о нас. Нам нужно безопасное место, укрытие. И... — пауза. — Больше Эликсира, — его лицо стало каменным, и я быстро заговорила. — Только это... Только это. Когда я получу его, я скажу тебе, где она.

— Это шантаж?

— Нет. Я прошу твоей помощи в обмен на то, что я знаю.

— Я доверял тебе, — тихо сказал он с недоверием в огромных глазах.

— Сайлас, я только хочу твоей помощи. И я помогу в ответ. Мы можем помочь друг другу.

Он прищурил золотые глаза.

— Что мешает попросить помощи, а не угрожать?

— Я просила, — мой голос прозвучал резче, чем должен был. — Просила дважды.

Сначала рецепт, а потом продать мне еще зелья.

Он состроил странную гримасу, поджал губы.

— Я заплачу, — спешно сказала я. — Я не прошу об услуге.

— Не в том дело. Я не могу дать тебе нужное количество.

— Так отведи к тому, кто может.

Он смотрел на меня и качал головой.

— Я думал, мы были друзьями.

Я уставилась на него.

— Друзья. Конечно. И если бы я передала тебе все слова твоего друга, а потом попросила о помощи, ты бы помог? Или сразу ушел бы?

Он не скрывал боль.

— Эррин... ты не понимаешь. Если Спящий принц найдет ее... Нет времени. У меня есть работа, и это важнее, чем ты...

— Тогда все так и остается, — прервала я его.

Сайлас покачал головой.

— Если Эли знал, где она, то кто-то ему сказал. Я узнаю от них.

— У тебя нет времени. Эли так сказал. Нам нужно работать вместе, или мы проиграем.

Взгляд Сайласа на меня был полон отвращения.

— И ты так поступишь, Эррин?

Я кивнула, хоть мне было и плохо.

— Да. Я должна.

Он отвернулся к окну, его плечи опустились. Он заговорил, оставаясь спиной ко мне. От этого становилось только хуже.

— Так и быть. Я отведу вас в Конклав. Найду еще Эликсир. Что еще ты хочешь?

— Я только хочу для нас безопасности. Там я назову тебе причину. Настоящую причину. У меня нет выбора, Сайлас. Я бы поступила иначе, если бы он был, но его нет. Так вышло.

Он усмехнулся, обернувшись, лунный свет очертил его профиль и губы.

— Я думал, что мы друзья. Что мы нечто большее.

— Больше, чем друзья? Ты же вздрагиваешь, когда я тебя касаюсь! — было сложно не кричать. — Конечно, теперь все ясно. Девушка. Ожидание. Почему ты не сказал, что у тебя уже кто-то есть? Хотя она тебя не очень ценит, раз ты даже не знаешь, где она, — стоило замолчать, но я не могла.

Он развернулся лицом ко мне.

— Вот в чем дело? Мстишь, потому что мы... Думаешь, дело в девушке? Это ревность?

— Конечно, нет, — рассмеялась я, хотя весело не было. — Ты четко дал понять о своих чувствах ко мне. Тебе не интересно.

— Нет, — рявкнул он, и я притихла. — Потому что я монах, Эррин.

Глава 12:

Я уставилась на него, до меня не сразу дошел смысл его слов.

— Ты монах? — повторила я потрясенно.

Он снял мой плащ и бросил мне. В свете, что слабо проникал через окно, его кожа приобрела золотистый оттенок, временно его бледность пропала. Он поднял тунику с пола, и кости на его спине напомнила ступеньки из камней, возникшие между и под татуировкой, исчезнувшие за тонким слоем мышц, когда он выпрямился и натянул тунику через голову. Он выглядел как существо из сказки, из другого мира, вырезанное изо льда и золота.

— Да. Я брат Ордена Сестер Нэхт.

— Не понимаю, — и это касалось нескольких вопросов. Он был слишком юным для монаха, и... Монахи не носят ножи и не бегают по лесам. Монахи не покупают яды. Монахи — не алхимики с татуировкой из Лормеры. У монахов бритая голова и плохое дыхание. Они старые. Сайлас... не монах.

Он вскинул бровь.

— А что понимать? Я принял обет. Я обязан служить Сестрам Нэхт.

— Ты веришь в богов?

— Конечно, нет.

— Но тогда... — я замерла и мысленно собрала все вместе. Сестры, его алхимия, скрытность. Я обдумала свою теорию и решила озвучить догадку. — Сестры Нэхт — алхимики, да? Лормерианские, живут в тайне. Это прикрытие.

Он пожал плечами, скрестил руки и промолчал.

Я вспомнила его слова о родителях.

— Твоя мама — алхимик?

— Нет. Она как ты. Обычная, — он сказал это так, словно это было плохо, и это ранило. — Отец был алхимиком. И сила передалась по крови.

Я глубоко вдохнула, обдумывая это.

— Но ты не настоящий монах, это прикрытие.

Его золотые глаза пристально смотрели на меня.

— Нет. Я монах. Я клялся в верности Сестрам Нэхт. Я поклялся жить, служа им, ставя их выше всего остального. Я поклялся, что у меня не будет жены или детей, пока я служу им. Я держу свое слово, — он опустил голову, и я тоже склонила свою.

— О, — мой голос был тихим. — Как?

— Как я стал монахом?

— Все это, — сказала я. — Как это все произошло? Или ты не можешь мне рассказать?

Я не хотела, чтобы это прозвучало колко, но его глаза вспыхнули, а брови приподнялись.

— Тебе не помешало бы быть чуточку более любезной. Что тебе еще хочется? Крови?

— Я не... — я замолчала, он отвернулся к окну, игнорируя меня, открыл ставню и выглянул. Когда он посмотрел на меня, на его лице не было эмоций. — Я хочу понять, — тихо сказала я.

— Знания, что ты скрываешь от меня, важнее, чем все, что я могу рассказать тебе. Пойми.

Я глубоко и судорожно вдохнула и прижала ладонь к трепещущему сердцу.

— Прости. Мне правда жаль. Я... хотела бы, чтобы все было иначе.

Его горькая улыбка пронзала меня, оставляя раны.

— Если бы желания были лошадьми, то попрошайки бы на них катались.

Моя кожа пылала, я опустила голову.

— Прости, — снова сказала я. — Я должна думать о семье. О маме. Я должна делать так, как лучше для нее. Ты ведь понимаешь это, учитывая то, как сам поступаешь?

Он молчал, жевал губу, руки его оставались скрещенными.

— Ты знаешь об Ауреке и Аурелии, да? — сказал он через миг, голос его был уже не таким холодным.

Я посмотрела на него, медленно качая головой. А потом вспомнила картинку. Спящий принц стоит на башне, а рядом с ним его сестра. Золотой и сияющий Таллит раскинулся под ними. И я помнила подпись к картинке, слышала голос мамы, читающей те слова.

Близнецы, зеркальное отражение друг друга снаружи, повзрослев, стали расти порознь, стали разными, как день и ночь. Аурек, золотой принц, наследник престола, аурумщик и создатель, и его сестра Аурелия, зельеварщица, уже не думали и не двигались как единое целое.

Аурек. Я никогда не думала о нем, как просто об Ауреке, золотом. Это был настоящий человек, а не Спящий принц, выдумка. Принц Аурек из Таллита. Он проспал из-за проклятья столько, что мир сделал его мифом. Я забыла это. И забыла, что у него была сестра. Аурелия. О ней почти не говорилось в сказке, ее затмили Спящий принц и дочь крысолова. Но Аурек и Аурелия были первыми алхимиками, дети, чей дар дал Таллиту невероятное богатство и здоровье, пока Спящего принца не прокляли. И Аурелия ушла из Таллита, никто не знал, куда. Похоже, она все же завела семью, ведь дар зельеварщиков был у нее.

— Да, — сказала я. — Близнецы. Спящий принц и его сестра.

Сайлас кивнул.

— Ты знаешь истории об... аппетитах Аурика?

Я покачала головой, Сайлас удивился, потом смутился и отвел взгляд.

— Ауреку нравилось... играть с дамами, соблазнять их. У многих был от него ребенок...

— Я знаю о Вестнике, — перебила я его и тут же пожалела, лицо Сайласа снова стало каменным.

— Его мы не считаем, — холодно сказал он. — Его история — не часть наших знаний.

Я молчала. Повисла неловкая пауза, он глубоко вдохнул и продолжил:

— Аурек постановил, что, поскольку у этих детей его кровь, их заберут у матерей и будут растить как детей знати во дворце. К тому времени, как Аурек погрузился в сон, у него было восемь детей.

— И всех забрали от матерей? — даже с моими нынешними чувствами к маме я была в ужасе.

— Им очень хорошо платили, — его губы скривились в явном отвращении. — Никто не спорил с желаниями Аурика. Он был жестоким и похотливым. После проклятия Таллит пал, и стало понятно, что Аурек не придет в себя. Аурелия ушла и образовала общину в Лормере вместе с несколькими бывшими слугами, что были ей верны. Они забрали и детей Аурика. Как его отпрыски, они были уязвимы. И хотя поначалу казалось, что у них нет способностей, одно их имя могло дорого им обойтись. Аурелия выбрала Восточные горы, потому что они были изолированы. Она не знала, что там уже шестьдесят лет существовало неоперившееся королевство Лормеры.

Он сделал паузу, облизнул губы, а я ждала продолжения.

— Появился Дом Белмис, они были одержимы желанием заставить алхимиков работать на них, вцепились в землю так, что многим пришлось покинуть Лормеру. Они образовали семьи с обычными людьми в Трегеллане, и их почти не трогала ваша бывшая королевская семья, нужно было только платить десятину золотом. После войны с Лормерой они почти все спрятались.

— Из-за требований правителей Лормеры?

Он помрачнел.

— Точно. Дом Белмис всегда интересовался алхимией, а еще Ауреком и Аурелией.

Мои глаза расширились, он продолжал:

— Когда таллитцы появились в Лормере, они принесли с собой и рассказ о близнецах: Ауреке, создателе, оживляющем неживое. Аурелия, исцеляющая любые раны и болезни. История передавалась из уст в уста, люди забыли, что это были близнецы, что они были смертными. Ходили слухи о волшебном сне Аурека, что он не гниет и не стареет. Что он все еще там и однажды проснется. Его представляли божеством, а с ним и Аурелию. А потом их начали представлять возлюбленными. Оттуда пошла традиция, чтобы в королевской семье играли свадьбы между братьями и сестрами. Они не так поняли историю Аурека и Аурелии, Золотых близнецов Таллита. Они сделали из них Нэхт и Дэга, богов, что благословили Дом Белмис и дали им возможность править. Иронично, но дочь Аурелии, что была нашим лидером, назвала общину Сестрами Нэхт. Она никогда не говорила, что Дом Бельмис врал, чтобы не выдать себя и нас, но она не отдавала им все.

— Почему? — спросила я. — Почему вы против работы с Домом Белмис?

— Мы не против работы с ними. Но против работы на них. Часть алхимии темная. Королевская семья Трегеллана и Совет всегда это знали. А правители Лормеры — нет. Им хочется золота. И, если бы они знали, то захотели бы Эликсир, — он отвел взгляд и смотрел вдаль.

— Кто делает Эликсир? Девушка? Она алхимик-зельеварщик? Потому она так ценна?

Сайлас посмотрел на меня.

— Думаешь, я расскажу тебе? Ты меня шантажируешь, Эррин. Я собираюсь взять тебя с твоей матерью в Конклав, и мне нужно как-то объяснить это людям. Матери. Придется признаться, что я нарушил клятвы, чтобы помочь тебе. Придется объяснить людям, почему я рисковал ими ради тебя. Я уже по уши в проблемах из-за тебя. Ты достаточно от меня получила. Радуйся.

Я никогда еще не чувствовала себя так ужасно.

— Сайлас... у меня нет выбора. Мама...

— Избавь меня, — прервал меня Сайлас. — Мне не нужны подробности.

Слезы покалывали глаза, я опустила голову, боль в груди росла, давя на меня.

— Прости, — прошептала я.

Он отклонился к стене хижины.

— Честно говоря, на твоём месте я бы поступил так же, — он фыркнул. — И поступил, если помнишь. Когда мы впервые встретились.

Я посмотрела на него, но его глаза были закрыты, и я ощутила искру надежды, что он простит меня или хотя бы поймет.

— Вот мы и пришли к тому, с чего начали, — он открыл глаза. — Получить Эликсир будет сложно, я тебя предупредил. Запасов толком и нет. Я дал тебе свой флакон.

Я вскинула брови.

— У всех нас есть один на случай ранений. Он быстро исцеляет физические раны, — он сделал паузу. — Я не мог найти флакон Эли. Я проверил его карманы перед тем, как принес его к тебе. Он, видимо, потерял его.

— А свой ты отдал мне, — меня охватила новая волна вины. Если бы он не попытался помочь мне, что мог бы спасти Эли. Я вспомнила, когда вернулась из леса, он стоял у стола, у флакона с диким взглядом. — Он был там, — сказала я. — Там еще была одна капля.

Он молчал.

— Знаю. Не буду притворяться, что я не думал об этом.

— Тогда почему не использовал?

Он посмотрел мне в глаза и сказал стальным тоном:

— Потому что тебе было нужно. Я не предаю друзей.

Моя кожа вспыхнула, и я понимала, что между нами все может уже не вернуться к прежнему состоянию. Я отвела от него взгляд.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Через миг он продолжил, его тон стал чуть добрее.

— С недавних пор мы носим флакон смертельного яда, если нас вдруг поймают. Так что спасибо тебе.

— Мне? — я посмотрела на свои руки. — А вы не умеете сами делать яды?

— Эликсир не похож на твои аптекарские снадобья. Основной принцип смеси составляющих такой же, но техника другая, и, конечно, с Эликсиром нам толком не нужны знания аптекарей. Мы использовали эти искусства, но они были забыты по разным причинам. Мы больше не экспериментируем. И алхимики не любят яды. Не любили.

— Рада, что была полезна, — я мяла плащ в руках.

Он быстро приблизился и опустился передо мной на колени.

— И можешь быть полезной. Скажи мне, где она. Я помогу тебе, клянусь. Прошу. Эррин. Не превращай нашу дружбу в это.

Его слова обжигали. И хотя мне было противно, я покачала головой.

— Сайлас, я говорила тебе. Я скажу, когда мы приведешь нас с мамой в Конклав, чтобы они позаботились о ней. Я сама тебя к ней провожу.

Он кивнул, опустил, сдавшись, голову.

— Завтра. Я отправлю завтра послание.

Я кивнула.

— Спасибо. И... у меня есть указания насчет мамы, — сказала я. — И ее болезни. Их нужно придерживаться. И держать все в секрете.

Он фыркнул, подошел к окну и снова выглянул.

— Мы хорошо храним секреты. Там с ней все будет в порядке, — да, ведь мы придем задолго до полнолуния. Часть груза пропала с моих плеч, но, когда я подняла голову, то поняла, что с ним все наоборот. Его плечи были опущены, он прижался к оконной раме с такой усталостью, что у меня заболело сердце. Я так с ним поступила.

Я попыталась встать, но одеяла запутались в ногах, и я полетела вниз. Он бросился ко мне, поймал, и мое лицо врезалось в его плечо, а потом он помог мне встать.

— Спаси... — я подняла голову, его лицо оказалось напротив моего.

Он зажмурился, глубоко и судорожно вдохнул. Когда он открыл глаза, они были полны огня и решимости.

— Это не честно, — прошептал он с болью на лице. — Я так старался быть тебе

другом, — я не смела двигаться. — Я не врал про клятвы, — он убрал руки с моих плеч.

— Я пойду, — сказала я, не в силах смотреть на него, но он не дал мне добраться до двери.

— Я не могу тебя отпустить, — тихо сказал он. — Это опасно. Они могут увидеть, как ты выходишь отсюда, и прийти посмотреть.

— Я должна. Мама одна.

— А если големы еще там, ты хочешь привести их к ней? Думай, Эррин. Она в порядке. Через пару часов рассвет. Дождись его. Ради всех нас.

Я опустила на его одеяла и обняла колени. Я знала, что он прав. В темноте было опасно, а с големами — тем более. Если я приведу их к ней или к нему, то все усилия окажутся напрасными.

Он настороженно смотрел на меня, напряженный, готовый двигаться. Его серьезность заставила меня снова покраснеть. Я хотела бы перестать бросаться к нему, сколько раз ему нужно будет оттолкнуть меня, чтобы я поняла?

— Прости за... — я опустила голову. — Прости. Я знаю, что ты не можешь. Прости.

— Эррин, — тихо сказал он, и я посмотрела на него. — Я бы сделал, если бы мог. Seriously, — он печально улыбнулся, и я увидела на миг ямочку на его левой щеке. — Если бы все было иначе... Если бы я был другим. Хотелось бы быть честным с тобой с самого начала, — продолжил он. — Хотелось бы рассказать все, и тогда... может, мы смогли бы стать друзьями. Может, этого бы хватило.

— Да, — сказала я. — Так и было. Просто... — я замолчала, не зная, что сказать. — Мы... еще можем быть друзьями? После этого?

— Надеюсь, — сказал он на выдохе, его глаза пылали, глядя в мои, а потом он отвел взгляд. — Будет очень жаль потерять тебя, — добавил он так тихо, что я едва его расслышала.

Я приняла решение.

— Она в Скарроне, — сказала я, пока не передумала. — Девушка. Эли сказал, что она в Скарроне.

Сайлас раскрыл рот.

— Спасибо. Большое тебе спасибо, — он пересек комнату и прижался губами к моему лбу, словно благословлял, его поцелуй зажег мою кожу. — Я отправлю послание Конклаву, скажу им ждать нас. Скажу им ожидать твою маму. Я отведу вас в Конклав и пойду в Скаррон.

— Я могу пойти в Скаррон с тобой.

— Нет, спасибо. Мне лучше идти одному. Не знаю, ждет ли она нас.

— Почему ты не знал, где она? — спросила я. — Если она так важна для ваших, как вы умудрились потерять ее?

— Она не жила с Сестрами.

— Почему?

— Плохая кровь, — сказал он после паузы. — Это сложно. Обсудим это позже.

Я кивнула, хоть мне и не нравилось. Времени еще будет много. И если я буду в Конклаве, то он не сможет все от меня утаивать.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Ты не знаешь, что сделала.

Я впервые за долгое время гордилась собой.

Глава 13:

После этого слов не осталось. Мы сидели в тишине, уже терпимой, и слушали звуки ночи. Он вскоре уснул, его дыхание замедлилось, стало глубоким. Я последовала его примеру, и мне впервые за много месяцев ничего не снилось.

* * *

Когда я проснулось, солнце было уже высоко, свет был бледным, как молоко, проникал в окно.

— Боги, мама, — я вскочила на ноги. — Я слишком долго спала.

Сайлас сел и тут же встревожился.

— Иди. Дай мне час, и я отправлю послание в Конклав, а потом приду и похороню Эли. А ты пока собирай вещи. Мы уйдем, как только все будет готово. Придется идти, пока я не украду лошадей. Твоя мама сможет?

— Нет. Идти не сможет, — я выглянула в щель между ставен, чтобы убедиться, что путь чист. — Она слишком слаба. Ей бы лошадь или что-то еще. Я могу идти. Но она не справится.

— Посмотрим, что можно сделать.

Я улыбнулась ему.

— Значит, через час?

Он кивнул.

* * *

Воздух щипал кожу, близилась зима. Я шла к дому, полная надежд. Я пыталась представить себе Конклав, угадать, где он. Скрыт, наверное, где-то на севере. После разговора о Скарроне я понадеялась, что Конклав у моря. Я вспомнила запах водорослей и морской воды, который ощущала в северном городе. Я могла быть счастлива у моря, если бы смогла закончить обучение. Я смогу работать у них аптекарем, даже смогу чему-то научить, помогать им, если они позволят.

Надежда таяла, пока я шла к домику, лес за ним казался мне уже не таким дружелюбным даже в свете дня. Я вспомнила голема, топот его шагов за мной, то, как он тянулся ко мне. Я ускорила шаги к домику, тревожась.

Но, когда я потянулась к засову, дверь открылась, и вышел Кирин в форме, его губы были печально поджаты.

— Эррин, хвала богам... — начал он, но я оттолкнула его и ворвалась в дом, застыла, увидев капитана с красной лентой и Чэнса Анвина возле Эли, раскрытого и мертвого. Стол все еще был усеян моими приборами, мой дневник был открыт на странице, где описывались все зелья, что я делаю. Все яды, что я делала. И была открыта коробочка с моими склянками, было видно ярлыки: паслен, болиголов, аконит, олеандр. Флакон с Эликсиром стоял посреди стола.

Я посмотрела на них, на лице капитана были вопросы, у Анвина — ухмылка. А потом посмотрела на дверь в комнату мамы. Она была открыта.

— Эррин, — позвал меня Кирин, я вбежала в ее комнату.

— Ее нет, — сказал позади меня Анвин.

Я обернулась.

— Я эвакуировал ее в Трессалин, — он сделал паузу и улыбнулся. — В особое место. Для безумных женщин.

— Нет, — я бросилась на него, но Кирин возник из ниоткуда, схватил меня на талию и не дал напасть на Анвина. — Где она? — кричала я из-за Кирина.

— Безумие у вас семейное, — оскалился Анвин

Кирин втолкнул меня в комнату и запер дверь. Я слышала, как он говорил с Анвином.

— Уходите, — холодно сказал он.

— Это мой дом, — прорычал Анвин, но Кирин сделал что-то, что не дало ему продолжить.

— Деревню обещали армии, — сказал спокойно другой голос, видимо, капитана. — Так что теперь тут все наше. Вам лучше уйти.

— Нет уж, — ответил Анвин. — Я хочу знать, сколько она скрывала безумную в доме. И смотрите. Труп на полу, яд на столе. Она преступница, а я судья. Вы отдадите ее мне.

— Хватит, Анвин, — сказал капитан, и я услышала ворчание. Дверь закрылась, я отошла и ждала.

Кирин открыл дверь спальни. Я медленно вышла, ожидая увидеть капитана, но его не было, и я повернулась к Кирину. Его лицо было бледным, на лбу проступил пот, и он склонился вправо. Я и забыла о его ране. Он мог потревожить рану, когда не дал мне ударить Анвина.

— Ты в порядке? — спросила я. — Тебе стоит отдыхать, ты же пострадал на днях.

— Забудь обо мне. Во что ты ввязалась? — тихо спросил он.

— Где моя мама?

— Солдаты увели ее до того, как мы прибыли.

— И ты им позволил? — закричала я.

— Где была ты? — парировал Кирин. — Где ты была прошлой ночью?

— Прошу, скажи, где она, — взмолилась я.

— Что с ней такое, кстати? — продолжил Кирин. — Она была заперта в комнате. Она будто при смерти. Она даже не вздрогнула, когда ее подняли с кровати. Это ты? Ты с ней такое сделала?

Я зажала ладонью рот и опустилась на колени. Я представила солдат, забирающих ее в ее изорванной ночной рубашке, видящих ее исхудавшее тело, пустые глаза. О боги.

— Зачем ты здесь?

— Анвин доложил. Сказал, что приказывал всем эвакуироваться, но ему показалось, что кто-то нарушил его приказ. Если бы я знал, что это ты... Я послал с ним парней. Когда я пришел сам проверить, было слишком поздно. Они забрали твою мать и обнаружили... все.

Я уткнулась лицом в ладони. Нет. Только не это.

Кирин убрал мои пальцы и заставил посмотреть на него.

— Эррин, говори, или я тебя арестую. На столе достаточно доказательств даже без трупа. Говори.

Я вырвалась из его хватки и вернулась в комнату матери, села на край ее кровати. Он остался на пороге.

— Когда мы поняли, что Лиф застрял в Лормере, она... замкнулась. Она не ела, не мылась, не ходила в туалет. Я делала все за нее. У нас не было денег, Кирин. Мне нужно было откуда-то брать их. Я начала продавать зелья, чтобы оплатить дом и купить еду. Получалось только так. И я... порой успокаивала ее травами. С ней что-то случилось в лесу. Это изменило ее, — я не могла остановиться. — Я пыталась вылечить это, угрожала. Ничто не срабатывало, а она становилась опаснее. Она напала на меня, — я показала ему свой

зуб. — Это была она. И не только так. Кирин, скажи, где она. Без должного ухода она и на них нападет.

Он покачал головой.

— Она как алый варуль, — выпалила я. — Она ранит людей. Она передаст это, если я не остановлю ее.

— Эррин, это не смешно.

— Это правда.

Он посмотрел на стол, на беспорядок, оставшийся после попыток воссоздать Эликсир, а потом на меня, покачал головой с печальным взглядом.

— Эррин. Я и не знал, что все так плохо.

— Знаю, но я могу этим управлять. Нам есть куда идти, к тем, кто ей поможет. Скажи мне, куда ее увели, и...

— Хватит, — сказал он. — Все кончено. Она в безопасности. И ты тоже будешь.

— Что? — я застыла. — Как это понимать?

— О тебе позаботятся. Не стоило оставаться тут одной. Но мы можем о тебе позаботиться. Я прослежу.

Я уставилась на него.

— Обо мне не нужно заботиться. Я нашла нам новый дом. И там будет безопаснее всего, поверь мне.

— Эррин, тебе нужна помощь. Вам обеим нужна.

— Я не безумна. Кирин, посмотри на ее руки. Там шрамы. Это случилось. Правда. Ты должен поверить мне.

Но он не верил. Это было написано на его лице, он хмурился, печально кривил губы.

— Эррин, послушай меня. Я о тебе позабочусь. Будут вопросы — серьезные вопросы — из-за того, что тут у тебя. И из-за трупа. Но ты его не ранила, ты не могла его так ранить. Я заступлюсь за тебя, и я напишу господину Пэнди, чтобы он прислал твою характеристику. Мы расскажем о твоём отце, о Лифе. И что ты была тут одна с матерью последние четыре месяца без денег. Этого достаточно, чтобы сойти с ума. Но не говори ничего такого, особенно после появления Спящего принца. Будет лишь больше проблем. Я все улажу, хорошо? Все будет хорошо.

Его слова, доброта и тревога вголосе разбивали мне сердце. Он вел себя как брат, которого рядом не было. Но он не понимал. Мне нужно к Сайласу. Он знает, что делать, его люди могут помочь. Они сильные. Они помогут мне вернуть маму. И в Конклаве никто не найдет нас и не спросит про дневник записей или Эли.

Я посмотрела на Кирина и кивнула, стараясь выглядеть виновато. Он тепло улыбнулся, пересек комнату и сел рядом со мной. Он обнял меня братской рукой, и я прижалась к нему на миг.

— Прости, — сказала я. — Прости, что так тебя подставила.

— Не... — начал он. Я ткнула его локтем в живот и побежала. Я захлопнула за собой дверь и повернула ключ в замке. Я оказалась у входной двери раньше, чем он начал стучать, пересекла порог и побежала по деревне. Я слышала позади крики солдат, я бежала к хижине Сайласа, не останавливаясь, проносясь мимо других домов.

— Сайлас! — позвала я, распахнув широко дверь. — Сай...

Я оставила его полчасика назад. Он сказал, что придет за мной через час. На полу был гнездо из одеял. Но теперь там ничего не было. Ни одного огарка свечи. Хижина была

пустой, словно его там никогда не было. Все хорошо. Страх сдвинул все внутри, но я успокаивала себя. Он мог сложить вещи и уйти отправлять послание. Он мог идти за мной...

— О, Эррин, — медленно сказал торжествующий голос. Я развернулась и оказалась лицом к лицу с Чэнсом Анвином. — Я знал, что ты сюда вернешься, если тот мокрый солдатишка даст тебе шанс, — сказал он, встав на пороге и перекрыв выход. — Он ушел, этот твой любовник. Я видел его, после того как ушел от тебя. Пошел в сторону Дальней дороги. Он не попрощался?

Нет. Он бы так не сделал. Он сказал, что мы друзья. Больше, чем друзья.

Ты не знаешь, что ты сделала. Так он сказал.

Я знала. Я дала ему обмануть себя. Потому что он притворился, что я ему нравлюсь. Я никогда его не знала. Боги, он месяцами врал мне, скрывая все от меня. Используя меня.

Какая я дура.

Я прижалась к стене, чтобы не упасть, все внутри распадалось на куски. Я склонилась, вспыхнула боль за ребрами, было сложно дышать. Что мне делать? Они забрали маму, и... он был мне нужен. Как он мог так поступить?

Анвин на пороге рассмеялся.

— Думаешь, я вчера родился? — сказал он, прислонившись к косяку. — Я знаю каждый дюйм этой деревни. Моей деревни. Думаешь, я не знал, что он засел здесь, этот зверь? Думаешь, я не заметил? Я знал. Я тянул время.

Я прищурилась. Я не верила ему, моя левая бровь поползла вверх, чтобы он понял мою реакцию.

— Тебе не понять причины, — проревел он, побагровев. — Ты ничего не поймешь, глупая девчонка. Я был добр к тебе. Я приглядывал за тобой. Я бы о тебе позаботился. Но нет. Я недостаточно хорошо для вас, маленькая надменная мисс из Тремейна, — он склонил голову, глядя на меня, и я сжала челюсти от злости. — Посмотри на себя, — продолжил он. — Ты даже не красавица.

— Если вы меня тронете...

— Ха! — он прервал меня смешком. — Я бы тебя даже мочой не облил, если бы ты горела. Не теперь. Теперь я знаю, что ты — испорченный товар. Я же видел. Прошлой ночью. Вы бегали по деревне. Он был без рубашки, бежал за тобой в кусты. А возле моего дома ты помогла ему прикрыть себя. Я не удивлен, что он ушел. Зачем оставлять корову, если ты уже выпил свою долю молока?

Свеча в окне Дома правосудия. Он не спал и следил. Но он не видел големов. Он шагнул ко мне, и я инстинктивно отпрянула.

— Мне плевать на то, что вы видели, — сказала я.

Он фыркнул.

— Я хотел предложить тебе быть твоим покровителем. Ты бы стала моей подопечной. Ты бы прекрасно мыла мне полы.

— Я умру раньше, чем это произойдет.

— Да, — сказал он. — Я же говорил, Эррин. Труп, коробка с ядами. И хороший дневник, говорящий миру о том, что ты делала и для кого. Я повешу тебя и твоего ценного Сайласа, как только мы его поймем.

Я не думала, что это возможно, но моя кровь стала холоднее.

— Надеюсь, мне позволят выбить стул из-под тебя.

Я развернулась и ударила его в лицо, большой палец лежал поверх пальцев, как меня и

учил папа. Я слышала треск его носа, ломающегося под моим кулаком, и боль тут же пронзила мою руку, кожа на костяшках пострадала. Баюкая пострадавшую руку другой рукой, я прикусила язык, чтобы не закричать. Анвин пытался заткнуть кровотечение из носа. Я смотрела и ждала, пока он посмотрит на меня. Когда он сделал это, я шагнула к нему, и он вздрогнул.

— Все возвращается, Чэнс Анвин. Запомните это. И теперь осторожно ешьте и пейте. Вы видели, что я умею делать, — я выдерживала его взгляд, пока он не опустил голову, как собака, подчинившаяся хозяину. И тогда я развернулась и ушла.

Я прошла половину деревни, а потом ноги подкосились, и я прижалась к одному из домов. Я глубоко дышала, прижимала к себе пострадавшую руку. Было больно. Но я бы ударила еще раз, если бы нужно было.

Я прижалась к стене, чувствуя влажность дерева сквозь тунику, паника поднималась, и камень в груди тянул меня к земле. У меня не было денег. Мне было некуда идти. У меня даже не было ножа.

И что мне теперь делать?

Часть вторая:

Глава 14:

Я покинула деревню по той же тропе, по которой мы с семьей сюда прибыли четыре месяца назад, пошла в обратном направлении, в этот раз поворачивая направо по грязной тропе, пробегая по низинам и рощам, пока я не добралась до Дальней дороги. Земля по обе стороны дороги была укрыта папоротником, чертополохом и утесником, дикая земля, которую не использовали люди.

Когда мы шли сюда, все было богатым и зеленым, было лето, а внутри нас была пустота, дыра там, где был раньше отец. Теперь земля была пустой перед зимой, и во мне появились дыры там, где были брат и мать.

И где был Сайлас. От этой мысли по мне всколыхнулись гнев и обида.

Я оглянулась, но не видела признаков преследования. Но я все равно заставила украденную лошадь бежать быстрее, чтобы до заката оказаться как можно дальше от Алмвика. Когда я обернулась снова, вдали слева все еще поднимался дым, и я улыбнулась.

* * *

После встречи с Анвином я поняла, что нужно как можно быстрее уходить из Алмвика, знала, что за мной придут солдаты. Из-за трупа, ядов и нападения на Анвина меня бросили бы за решетку, и Кирин меня спасти не смог бы. Я ощутила укол вины, у него будут проблемы за то, что дал мне сбежать. Но он будет в порядке. Все же я напала на него, это подтвердит синяк.

И я пошла в последнее место, где меня бы искали: в дом Анвина. Я пролезла в окошко в задней части здания, обернула плащом здоровую руку и разбила тонкое стекло, а потом прочистила путь и пробралась внутрь. Я оказалась в кладовой, в доме было тихо, и я быстро двигалась. Я взяла чистое полотенце и перевязала разбитые костяшки, а потом вытащила из кладовой мешок муки, высыпала на пол, закашлявшись, когда она полетела мне в лицо, смеясь, когда она покрыла собой все. Хоть это и не имело значения.

Я набила мешок едой Анвина, которую могла легко поднять: хлеб, сыр, яблоки, остатки ветчины, немного свежего молока, креветки, завернутые в ткань, и при виде еды я невольно

сглотнула.

Оставив мешок у заднего хода, я побежала вверх. Не хотелось надевать что-то, принадлежавшее Анвину, но выбора не было: одинокая женщина на дороге привлечет внимание, а женщина в окровавленном платье и в плаще — тем более. И я открыла его шкаф, порылась в вещах, бросая одежду на пол, сжимаясь от запаха. Здесь мне ничто не подошло, и я полезла в старые сундуки, и чем дальше я копала, тем меньше становились штаны и рубашки, качество улучшалось, пока я не наткнулась на штаны, которым было лет тридцать, и они были слишком длинными, но подходили. Я закатала штанины, добавила хороший кожаный пояс, взятый с крючка на двери, чтобы штаны держались на мне. От шерстяной рубашки пахло средством от моли, я надела ее поверх тонкой кофты, так я не замерзну. Потом я взяла плащ с меховым подбоем, заплела волосы в косу вокруг головы, старой туникой вытерла муку с лица.

Я оставила все на полу, включая свою одежду, и побежала вниз.

В маленькой библиотеке я украла пригоршню монет, оставленных на столе, а все его бумаги, книги с полок принесла на кухню, бросила на стол, и от этого мука поднялась в воздух. Когда груды его вещей достала мне до груди, я нашла самые дорогие на вид бутылки виски в кладовой, вылила их на эту груды. Я выбрала самый острый на вид нож и сунула за пояс. На все это ушло меньше двадцати минут.

А потом я взяла из камина рядом с печкой инструмент для разжигания и коснулась им груды. Миг я смотрела, как синий огонь поднимается от горящего алкоголя, а потом спрятала инструмент в карман, схватила мешок и убежала в лес.

* * *

Я смотрела у края леса, как загорается дом, сначала медленно, так медленно, что я подумала, что огонь угаснет раньше времени. Я уже хотела побежать и помочь ему разгореться. Но порыв ветра донес искры до соломы, я услышала шелест, и огонь занялся. Я смотрела, как десятки солдат бегут тушить огонь, как спешат к колодцу, чтобы набрать воды, и ругаются, обнаружив отсутствие ведра. Они стояли беспомощно и смотрели, как пылает дом Анвина. Я уже почти простила Сайласа.

Я понимала, что Анвин пойдет к солдатам, чтобы доложить обо мне, а не вернется домой, и я решила осуществить этот план. Я угадала. Он прибыл, когда дом уже нельзя было спасти. Я еще пару секунд наслаждалась яростью и смятением на его покрытом кровью лице, а потом воспользовалась шансом и побежала вдоль леса в сторону лагеря солдат, не попадаясь на глаза бегущим к деревне солдатам. Они должны были подумать, что дым — начало нападения.

Когда я убедилась, что в лагере пусто, я быстро принялась искать в крупных палатках мою маму, они могли еще держать ее здесь. Все во мне сжималось каждый раз, когда я отодвигала ткань на входе и обнаруживала, что там пусто. Из крупнейшей палатки я украла кожаную сумку, флягу с водой, карту королевства и второй нож с рукоятью из опала.

Этим ножом я освободила одну лошадь из самодельных конюшен, худую и с внимательными глазами. Она не сопротивлялась, когда я подошла, когда оседлала ее, когда забралась на нее.

На украденной лошади, в украденной одежде и с украденными едой и ножом я поехала как можно быстрее прочь из Алмвика.

* * *

Первые два часа в пути я не видела никого и ничего. Из травы кричали фазаны, порой

шуршало что-то побольше, но лошадь не беспокоилась, и я тоже. Вместо этого я опустила голову в капюшоне, смотрела на дорогу впереди и позади нас.

Я держалась в стороне от дороги и ехала по траве, где могла, стараясь не оставлять след для погони. Солнце двигалось по небу, тени удлинялись, и я начала видеть впереди следы беженцев. Мы промчались мимо деревянной куклы, ее лицо было повернуто к небу, нарисованные глаза зловеще смотрели на нас. Я увидела туфельку чуть больше моей, удивилась, как не заметили ее пропажу, что случилось с владельцем. Кто мог потерять обувь? Вдоль дороги валялись бумаги, битое стекло, обрывки ткани, оставляя для меня след, и я двигалась за ним, след вел меня глубже в Трегеллан, к Скаррону.

Если он не смог украсть лошадь, то Сайлас Колби двигался на север пешком, он не знал страну. И я собиралась мчаться, как ветер, в Скаррон, чтобы первой найти эту девушку, раньше Сайласа, раньше, чем они скроются в Конклаве. Было понятно, что она — зельеварщица, в этом я была уверена. Потому алхимики так сильно хотели ее найти. Сайлас сказал, что Эликсира у них мало, потому что она не связывалась с ними. Из-за плохой крови. И теперь здесь был Спящий принц, и они хотели найти ее и переубедить.

Сперва семья.

Я первой прибуду в Скаррон, я расскажу ей, что она в опасности, что ей нужно спрятаться в Конклаве. Я сопровожу ее туда. Я сделаю это, и когда Конклав решит отблагодарить меня, я скажу, что они могут отплатить мне, забрав мою мать из приюта, дав нам укрытие и несколько капель Эликсира каждый месяц. Небольшая цена за возвращение им зельеварщицы.

И когда с мамой все будет в порядке, я заставлю Сайласа Колби пожалеть, что он предал меня.

* * *

В неделю, когда я впервые встретила Сайласа, мне исполнилось семнадцать, и я узнала, что Спящий принц жив, проснулся, попал в Лортуну и захватил замок Лормеры, убив короля. И все за одну ночь.

И в ту же неделю мы поняли, что Лиф остался там.

* * *

Я рассказала маме то, что услышала у колодца, стараясь сохранять спокойствие, но грудь становилась тесной, не было места для воздуха. Она посмотрела на меня, потом отвернулась к стене. И я оставила ее, вышла из дома в лес, прошла половину пути к Лормере, а потом поняла, где я. Все время давление в груди не ослабевало, стало тяжким грузом на моих легких, пока я не привыкла к нему. Я говорила себе, что с ним все может быть в порядке, что он может уже двигаться к дому. Эта мысль заставила меня развернуться. Долгий путь обратно я убеждала себя, что он будет там, когда я войду в дом, что мы разминулись в лесу. И что мы посмеемся над этим. Что молния не ударит дважды. Но его не было в хижине, когда я вошла. Как не было и матери.

Я нашла ее в миле оттуда, в гряде листьев, ее руки были порезаны, из глубоких царапин текла кровь. Когда я спросила ее, что случилось, она молчала, глаза были дикими и мертвыми.

На следующий день я вернулась в лес за травами, растениями, чтобы ее раны не стали зараженными. Вокруг меня был темный лес, тенистый и таинственный, и я боялась всего, знала, что что-то во мне и в ней было сломано. Я переживала, что это не починить. Вдруг я стала бояться так многого: бедности, болезней, смерти. Еще смерти. Каждый шорох, каждый

шум, каждый крик птицы заставлял сердце пытаться выпрыгнуть из моей груди, не думая о костях и плоти на его пути.

Мои руки дрожали, когда я пыталась срезать кору ивы со ствола, лезвие красивого аптекарского ножа — последний подарок отца — затупилось, мои нервы звенели от страха. А потом я услышала подозрительный шелест листьев за собой, треск веток, означающий, что что-то большое движется там, и я повернулась и увидела, как ко мне приближается человек в капюшоне, пригнувшийся, словно хищник. Я отпрянула, выставила перед собой нож, он остановился и вскинул руки в перчатках.

— Тише, — сказал он, и от его голоса по моей спине побежала дрожь. Он был с шипами, если так можно было описать голос, и в нем не было акцента. — Я не наврежу.

— Назад, — приказала я, взмахнув ножом, чтобы подчеркнуть слово. — Или я порежу.

Его губы дернулись, но улыбка не была дружелюбной. Были такие улыбки, на которые хотелось ответить улыбкой, так было у Лифа. А были другие люди, от чьих улыбок забывал свое имя. Улыбки сочувствия, спокойные и уверенные. Были люди, как принц Мерек, чья улыбка была заманчивой, приподнятый уголок губ, так он ехал по Тремейну, но не позволял себе улыбаться свободно. Над такой улыбкой долго работали. Улыбка Сайласа в тот первый раз была вызовом, изгиб губ был дерзким.

— Не стоит, — сказал он. — Я тебя перепутал с другим человеком. Но вижу, что ошибся. Я пойду, — он попятился, я провожала его взглядом, сердце колотилось в груди, кончик ножа заметно дрожал.

Как только он пропал из виду, я подняла корзинку и пошла следом. Я знала, что это глупо. Я знала, что нужно было развернуться и пойти домой, но не остановила себя. Мне нужно было понять, откуда он и куда идет. Мы уже месяц жили в Алмвике, и я уже узнавала лица, знала привычки соседей, и было странным совпадением, что в лесу появился незнакомец на следующий день после того, как я нашла потрясенную маму с царапинами. Потому я пошла за ним. Я хотела узнать, где спал незнакомец с опасной улыбкой.

Я хотела боя. Я хотела, чтобы кто-то страдал, потому что мне было больно, маме было больно. Потому что Лифу могло быть больно, и это было не честно.

И с ножом, зажатым в руке, я пошла за ним бесшумно в сторону деревни, прячась за деревьями, следя за ним. У одного из недавно брошенных домов возле кромки леса я увидела, как он открывает окно, закрытое полосками из рога, которые остальные дома давно убрали, а потом забирается в здание, и длинные руки закрыли окно. И я поняла, что он скрывается, что он некий беженец, но не тот, о ком знают Анвин или кто-нибудь еще, и мои подозрения становились все сильнее. Я осторожно подошла к окну и прижалась к нему ухом.

И тут он оказался позади меня, накрыл рукой мой рот, и я уронила корзинку, содержимое рассыпалось у моих ног по земле. Он знал, что я все это время следовала за ним, что подойду к двери, когда он затаится внутри, ожидая меня.

— Пронырливая? — сказал он, прижимая мою голову к грубому дереву дома, хотя и с нежностью, первой к стене прижалась его рука в перчатке. От его перчаток пахло мятой и крапивой. — И что с этим делать?

Я попыталась освободиться, но он держал крепко.

— Я уберу руку от твоего рта. Если закричишь, я заставлю тебя замолчать надолго, — сказал он. — Поняла?

Я медленно кивнула, и он убрал руку, развернул меня лицом к себе и поднял мою голову за подбородок. Я подняла нож и прижала к его горлу. Он снова улыбнулся из-под капюшона.

— Неплохо, — сказал он, и я ощутила странную гордость после его похвалы. А потом ощутила, как что-то острое прижимается меж моих ребер. Его нож целился в мое сердце. — Но в этот раз я лучше. Опустит оружие. Решим все мирно.

Я послушалась, и он, к моему облегчению, тоже убрал нож, когда я опустила свой. Мы замерли. Я чувствовала его взгляд на своем лице, он изучал меня из-под капюшона, но я его не видела, только рот, губы были поджаты в тонкую линию.

— Кто ты? — спросил он, отступив на шаг и убрав нож в ножны, когда и я так сделала. — Зачем ты меня преследовала?

— Меня зовут Эррин. Эррин Вастел, и я... хотела узнать, кто ты.

— Никто, Эррин Вастел, — сказал он, нижняя губа его скривилась, и он прикусил ее. Что-то в том, как он произнес мое имя, заставило меня задрожать, словно в нем было проклятие или чары. Здесь была опасная нотка угрозы.

— Ты здесь не живешь, — сказала я. — Это не твой дом.

— Теперь мой, — ответил он. — Какая тебе разница, кто я?

— Просто хотела знать. В этом месте незнакомцы — повод для тревоги.

— Насколько я слышал, все в Алмвике — повод для тревоги.

— Если Чэнс Анвин знает... — я хотела предупредить, а не угрожать, но он ответил шипением.

— Но он не узнал. И не узнает. Никто не узнает. Мое пребывание здесь будет нашим секретом, пока ты не решишь рассказать всем, как мы встретились. В лесу, а ты с корзинкой с болиголовом, пасленом и олеандром, — он кивнул на разбросанное содержимое у моих ног. — Их ведь нельзя собирать без лицензии аптекаря? У тебя она вряд ли есть, да, Эррин Вастел? Или я ошибся, и ты местный аптекарь?

Я покраснела, во мне смешались гнев и страх. Страх победил.

— Нет.

— Тогда храни мой секрет, а я сохраню твой. Что скажешь?

А что я могла сказать? Я согласилась и старалась избегать дома, где он жил.

Но три дня спустя я снова увидела его в лесу. Это было после первого собрания Анвина, где он сказал нам, что совет Трегеллана отправит к нам солдат, чтобы охранять границу, шумный караван в нашу деревню. И я поспешила в лес, боясь, что это будет последний раз перед появлением солдат. Он ждал меня.

— Мне нужно от тебя зелье, если ты умеешь их делать, — сказал он без приветствия, запрыгнув на гниющий пенек дуба. Он стряхнул со своего плаща сухие листья и мох, ведя себя так, словно мы часто встречались в лесу, были друзьями, и при этом он склонял голову, будто птица. — Настой из белены. Как можно сильнее. Я дам тебе за него три флорина, никому не скажу, где взял его.

— С чего бы мне? — как только слова сорвались с губ, я захотела вернуть их. Три флорина были платой за дом за месяц, и немного еще осталось бы. Хватило бы, чтобы купить еды. Три флорина — жизнь на еще один месяц. Я ожидала, что он уйдет после моей грубости.

Я ошибалась.

— Потому что тебе нужны деньги. А мне — зелье. Мы нужны друг другу. Это логично.

Я устала на него в его ненавистном плаще, в глупых перчатках на руках, и я чувствовала его взгляд на себе.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Он подошел ко мне, и я поняла, какой он высокий, какой худой. В прошлый раз я думала о том, как выжить, но теперь... Он напоминал березу или иву, в нем была грация, в лесу он чувствовал себя уютно. Он подходил лесу.

— Сайлас Колби, — сказал он в футе от меня. Я вытянула руку, и он растерянно посмотрел на нее, словно жест был ему незнакомым. Мои щеки вспыхнули, и я убрала руку, но он успел схватить ее, его ладонь обхватила мою, словно мы закрепляли печатью знакомство.

Потребовалось несколько недель, чтобы я избавилась от страха, что это он навредил моей маме, но ночи полнолуния доказали, что это не он: он оставался собой, пока она... Повезло, что я заперла ее, когда ушла, иначе она вышла бы и снова пострадала. Повезло, что я повернула ключ в двери после того, как дала ей ужин, действуя сонно и по привычке. Но она скреблась всю ночь в дверь, а я сидела за ней и плакала, пока она звала меня разными именами. В этот первый месяц я поняла, что Лиф в беде, и остались только мы и чудовище-мама, и лишь Сайлас сохранял мой рассудок. Он умел волшебным образом появляться в моменты, когда я была на краю тьмы, откуда могла не вернуться.

И я доверяла ему. Правда. Я не знала, как сильно, пока он не предал меня.

Глава 15:

Далеко на западе солнце опускалось по небу, и я поняла, что ночь приближается быстро и бесшумно. Я замедлила лошадь, вытащила из сумки карту. Если проехать пять миль в сторону солнца, можно попасть в Тирвитт, но даже если я заплачу за гостиницу украденными деньгами, тут меня станут искать солдаты, так что вариант не подходил. Трмейн был на пятьдесят миль северо-западнее Тирвитта, и туда нужно было добраться к обеду завтра, если я хотела попасть в Скаррон дотемна.

Я решила ехать дальше, миновать Тирвитт, пока солнце не исчезло. А потом мы остановимся на ночь, даже если не найдется укрытие. Все будет хорошо. Это на одну ночь, и у меня плотный плащ. Хуже дома в Алмвике быть не могло.

— Вперед, — я прижала каблуки к бокам лошади, подгоняя ее. Небо из серого стало фиолетовым, мы миновали окраину Тирвитта, и я увидела в поле вдали лагерь беженцев. Кирин не преувеличивал, когда говорил, что запах чувствуется заранее. Воняло гнилью, мусором и прочими отходами людей.

Я прищурилась и разглядела самодельные хижины, уютящиеся друг к другу, ткань висела между ними для лучшего укрытия. Разные палатки поддерживали палки. Небольшие костры всюду сияли, но движений видно не было, как и не было запаха еду. Место казалось заброшенным. Я не видела источников свежей воды, не видела, чтобы беженцы где-то мылись или стирали одежду. Место выглядело рассадником болезней.

Хуже всего была ограда из проволоки вокруг лагеря, унизанной грубо вырезанными звездами из дерева и увитой остролистом, ягоды ярко сияли в угасающем свете. Они выглядели как капли крови среди острых краев проволоки, и от такого вида я заставила лошадь бежать еще быстрее. И старик Сэмм здесь? И Пэгвин? Боги, помогите этим беднякам.

Мы промчались еще четыре или пять миль дальше Тирвитта, а потом я остановила лошадь. Я решила устроиться вдали от основной дороги, спешилась и повела лошадь по узкой тропе. В последних лучах света я видела, как лошадь повернула уши назад, мои,

казалось, были так же повернуты, мы прислушивались к опасности. Нас окружала небольшая чаща, она вполне скрывала нас, и я решила, что место подходит.

Тропа резко уходила влево, и потом из тьмы перед нами появился жалкого вида дом, похожий на хижины Алмвика. Я застыла, задержала дыхание, слушая и пытаюсь найти взглядом на земле следы.

Я привязала лошадь к дереву и вытащила нож. Я кралась к дому. Во тьме окон не было видно света свечи или камина. Ставни были открыты стихиям, хоть и было прохладно, и я, приближаясь, выпрямилась.

Я обошла дом, прислушиваясь, заглядывая в окна украдкой, сердце колотилось, я была готова убежать. Когда я добралась до двери, она оказалась приоткрытой. Я осторожно, ожидая, что на меня что-то нападет, открыла ее, кривясь от скрипа. Я ждала, пока глаза привыкнут, а потом шагнула внутрь.

Маленькие окна и сумерки не позволяли сначала ничего увидеть. Я шла дальше, начала все рассматривать. Дом напоминал наш: маленький камин, грязный пол. Но здесь была одна большая пустая комната, а еще узкая деревянная лестница, ведущая на второй этаж. В одной руке я еще сжимала нож, другой я взялась за поручень, медленно пошла наверх, ожидая, что дерево под моими ногами провалится.

Наверху была комната с неровной кроватью у окна, деревянный сундук был перевернут, чтобы служить столом. Слой пыли на матрасе и столе был толстым, на полу были лишь мои следы. Было жутко, но я была под крышей, и никто давно здесь не был...

Я спустилась по лестнице, разожгла огонь в камине, закрыла ставни, чтобы скрыть свет. Я молилась, чтобы дымоход не был забит. Я вышла наружу, завела лошадь за дом, привязала ее там, извинилась за то, что она остается снаружи. Она не была против, понюхала меня, и я дала ей яблоко и воды из фляги. Не хотелось оставлять мешок с едой на ней, но повесить его было некуда, и я не взяла гребешок, чтобы мочь ее вычесать. Я ослабила все, что могла, извинилась снова, она посмотрела на меня карими глазами и фыркнула тепло в мое плечо.

Я вернулась во временный дом и заперла дверь за собой.

* * *

Я поела немного хлеба и сыра, запила их молоком, наслаждаясь ими еще сильнее из-за того, где взяла их, а потом развязала полотенце и осмотрела руку. Немного воды я использовала, чтобы промыть ее, а потом перевязала. Было больно, но не так, как сейчас было Анвину. Я повторила момент в памяти. Я надеялась, что его нос заживет криво, и он будет вспоминать меня каждый раз, когда будет смотреться в зеркало.

Когда мои веки начали опускаться, я подумала, что можно поспать наверху, но решила, что не хочу быть далеко от выхода. Я укуталась в плащ, осталась в одежде и обуви, сумку использовала как подушку. Я смотрела на огонь, красный с черным, и закрыла глаза. Пусть мне и дальше везет. Мне давно так не везло. Я не знала, кому или чему молиться, но надеялась, что меня услышат. Только бы попасть в Скаррон и найти девушку. Я не просила чуда. Только бы найти ее раньше Сайласа.

* * *

Мне снился тот человек, но обрывками. Он был там, но не радом. Всегда был в другой комнате, в том месте было несколько комнат. Я бежала по бесконечным коридорам, хотела и боялась увидеть его за углом. Я слышала, как он зовет меня, и кожу на шее покалывало. Я не знала, бегу я к нему или от него.

* * *

Когда я проснулась позже, я дрожала так, что зубы стучали. Огонь угас, плащ сполз с меня, открыв тело холоду ночи. Я хотела укрыться им снова, но замерла.

По лодыжкам и выше побежали мурашки, кожу покалывало. Это чувство растекалось, пока все волоски на теле не встали дыбом. Я скользила взглядом по комнатке, задерживалась на тенях, искала причину, по которой инстинкты говорили мне, что что-то не так.

Я прислушалась к звукам снаружи, к храпу лошади и шорохам животных. Вот. Слева от дома захрустели под ногой листья.

Я как можно тише подошла к окну и выглянула в тонкую щель между ставнями в сторону, которую посчитала востоком, пытаясь понять, стало ли небо светлее.

Перед окном мелькнула тень.

Я отпрянула, во рту пересохло от страха. Мелькнула еще одна тень.

Я, не подумав, побежала к сумке и повесила ее на шею, оставила еду и плащ. Я забралась по лестнице, надеясь, что она не заскрипит, старалась двигаться быстро и не шуметь. Я добралась до второго этажа, когда загремел засов.

Я прошла по комнате, залезла на кровать и выглянула в окно, но не видела, кто пришел. А если это солдаты? Если они нашли меня? Я застыла, слушая, надеясь, что они уйдут. Уходите. Прошу, уходите.

Снизу раздался грохот, потом другой: дверь ударилась о грязный пол. Я выглянула, пытаюсь оценить высоту. Слишком высоко для меня. Если меня услышат, если я пострадаю, прыгнув, мне конец.

Я подняла голову. Балки висели низко над окном, и я подумала... Я услышала, как кто-то шевелит угли в костре, шаги были близко к лестнице, и времени думать не было. Я забралась на подоконник, отвернулась от ночи, потянулась и добралась до балки. Я потянула и успокоилась, подняла себя, встала на выступ и уткнулась локтями в крышу. Холодный воздух бил по спине, я застыла от страха.

И услышала мужской голос:

— Наверху, — сказал он с лормерианским акцентом. Не солдаты.

Но это не радовало. Мышцы на руках кричали, я втянула себя выше, прикусила губу, чувствуя, как кожа на костяшках правой руки снова трескается. Я втащила тело на крышу, солома заглушала звуки. Ужасный миг, и мои ноги не могли найти опору, я безумно размахивала ими, пока не впилась кулаками в солому и не взмахнула одной, а потом другой ногой, дотянувшись до балки. Слава Дубу, я была в штанах, ведь в юбке так не получилось бы.

Подо мной раздались шаги двух человек, они стучали по лестнице, и я испугалась так сильно, что чуть не отпустила солому.

Я лежала на животе, сумка была подо мной, и я задержала дыхание.

— Она вылезла через окно, — сказал другой голос, женский, к моему удивлению, хоть и грубый, как и у мужчины, и с таким же акцентом. — На пыли на кровати есть следы. Она прыгнула.

— Не сломав ноги? Нет уж. Она может быть на крыше, — ответил ее спутник.

— Так посмотри.

Я сжалась, когда огромные руки с волосатыми костяшками появились в дюймах от моего лица; я видела обгрызенные края грязных ногтей в свете луны. Я приготовилась ударить его, но солома провалилась, и я услышала его ругательства.

— Там ее нет. Солома гнилая, она бы упала и сломала не только ногу, если бы залезла туда. Ты права, она спрыгнула. Услышала нас и убежала.

— Тебя можно за версту услышать, ты такой шумный.

— Она не ушла далеко, ее плащ еще теплый. И она оставила еду. Может, вернется за вещами, когда решит, что безопасно. Стоит подождать.

— У нее две сумки. Другой нет. И лошади не видно. Я бы на ее месте не вернулась. Я бы убежала как можно дальше, — уверенно говорила женщина, и ее спутник хмыкнул в ответ.

Я услышала, как их шаги движутся по лестнице, я вдохнула, а потом поняла, что если они обойдут дом и посмотрят наверх, то увидят меня, висящую на крыше, как паук. Я придвинулась к краю, но мужчина убрал солому, с помощью которой я могла попасть в дом.

И мне приходилось оставаться там.

* * *

Я услышала, как они ушли, и ждала, готовясь к моменту, когда они обойдут и увидят меня, а то и найдут мою лошадь по следам и поймут, что я еще здесь.

А потом я услышала приглушенный стук в доме, я застыла. Они не ушли. Они ждали. Они знали, что я здесь, пытались меня обмануть. Я услышала скрип лестницы, кто-то был подо мной, ждал у окна. Они долго стояли там, я чувствовала, как безумно бьется сердце в груди, чувствовала даже кончиками пальцев. А потом, к счастью, лестница закрипела снова, и воцарилась тишина.

Прошли долгие минуты, я держалась изо всех сил за крышу, едва дышала, руки и ноги дрожали. Ожидание стало невыносимым, и я приблизилась к проему, слушая. Они ушли? Я сменила хватку, и солома вырвалась из крыши.

Нужно прыгать, или я упаду.

Мы с Лифом прыгали с сеновала в амбар внизу после сбора урожая, падали с пятнадцати футов в сладко пахнущее сено. Став старше, Лиф делал сальто, а потом катился по траве, но я была не такой храброй или глупой.

Край крыши, казалось, был в тринадцати футах над землей. И подо мной не было сена.

Я подвинулась, пока не оказалась параллельно краю. Здесь проходила широкая балка, и я прижалась к ней, крепко держась. Нужно было откатиться, как только я коснусь земли, и сразу бежать. Перекатиться и бежать. Я опустилась, ноги ничего не касались, и я запаниковала, хотя знала, что так будет, и схватилась за новый пучок соломы.

Он вырвался из крыши, и я упала. Я не успела понять, что случилось, а уже оказалась на земле, не могла дышать, боль пронзила ребра, легкие не двигались... Потом боль отступила, и сладкий воздух полился в мои легкие. Было больно, но я вдохнула. Я выбила из себя воздух. Да, но только это. Я думала, что сломаю спину.

Я перекатилась на бок, вытащила из-под себя сумку, повернула голову и посмотрела на светлеющее небо. Я проверила свое состояние. Меня хорошо встряхнуло, но ничего не было сломано или растянуто. Шок приковывал меня к земле, хоть часть меня кричала, что нужно подняться и бежать. И она становилась все громче, а я сидела, не двигаясь, потрясенная чуду, что я невредима. Я посмотрела на дом, пытаюсь призвать смелость, чтобы войти в него. Если кто-то там есть, то они вышли бы, услышав мое падение.

Я вытащила из сумки нож и приблизилась.

Двери не было, ее сбили с петель. Я придвинулась к порогу, ждала, пока глаза привыкнут к темноте. А потом я забыла о тишине и с криком подбежала к самодельной постели.

Плаща, еды и зажигалки не было. Матрас лежал у камина. У меня остались только сумка, карты, еще один нож и почти пустая фляга с водой. Заразы. Я встала и ощутила неожиданный запах. И застыла.

Мята и ладан. Слабый запах задержался среди пыли.

Сайлас был здесь.

* * *

Я вбежала в рошу, отвязала лошадь, закрепила седло и упряжь. Она понюхала мой карман в поисках еды, но я оттолкнула ее раздраженно.

— Ничего нет, — сказала я. — Так что не повезло тебе, — она тихо заржала, и мне стало хуже. Это не ее вина. И могло быть хуже, я могла потерять ее, Сайлас и остальные могли ее найти. Я погладила ее нос и быстро извинилась.

Сайлас был там. С теми людьми? Но я слышала два голоса, и шагали двое. Если он и пришел, то позже, пока я была на крыше.

Если это был он. Я точно ощутила запах ладана? Я могла ошибиться. Я оставила лошадь и пошла по тропе к дороге, слушая и разглядывая землю, шурясь в тусклом свете. Четыре пары следов шли в одну сторону, а три — в другую. Следы одной лошади. У него коня не было. Или он оставлял его на дороге. Нет, он бы так глупо не поступил. Я пошла к своей лошади.

Когда я забралась в седло, я ощутила себя сделанной из железа, все было тяжелым. Я хотела уже сорваться с места, но замерла. Те, кто был там, знали, что у меня две сумки. Знали, что я — женщина. И значит, они видели меня раньше, преследовали. Беженцы, наверное. Беженцы из Лормеры, покинувшие или намеренно не попавшие в лагерь. Они могли быть возле Тирвитта и увидеть меня, последовать за мной пешком. Я должна была радоваться, что это не солдаты. И все же... это означало, что я подозрительна. И уязвима.

Я отцепила косу от головы, она упала на спину. Я вытащила нож и начала резать ее у шеи. На это ушло немного времени, и вскоре я держала косу в одной руке, а голова казалась невероятно легкой, утренний ветер играл с моими короткими волосами. Я посмотрела на грязную косу и бросила в лес.

Издали я могла показаться юношей, и я надеялась, что этого хватит, чтобы обмануть тех, кто будет искать жертву, и солдат, с которыми я пересекусь. Если они не подойдут ближе. Я опустила взгляд на грудь и скривилась, поправила рубашку, чтобы она сидела свободнее, прикрывая изгибы. Мне нужен был плащ. Воздух охлаждал шею, я повела лошадь к дороге и задумалась, стала ли похожей внешне на брата.

* * *

Я двигалась с солнцем по правую сторону, пока мы не добрались до главной дороги, все еще названной Королевской, идущей между Тирвиттом и Тремейном, развилка вела и в Трессалин. На дороге я старалась выглядеть угрожающе, настороженно выглядывала пеших путников на дороге и в лесу, на лугах по бокам. Мы порой останавливались, но не рядом с деревнями и поселениями, и я старалась постоянно продвигаться. Вскоре стало понятно, что лошадь выносливая, но мы все равно медленно продвигались, как казалось мне.

Я миновала других путников, движущихся в ту же сторону по дороге, одних или парами, всегда в капюшонах, как Сайлас, и потому я задерживала дыхание, проезжая мимо, а потом понимала, что они слишком толстые или низкие для него, что у них другая походка. Многие не поднимали головы, хотя некоторые смотрели пустыми глазами, со страхом, и это пронзало меня. Они всегда сначала отводили взгляд, боясь меня, и я знала, что это беженцы

из Лормеры. Я переводила лошадь на другую сторону дороги, чтобы показать им, что я не собираюсь вредить. Но я не могла забыть их лица. Их пустые взгляды. Что они видели, что стали такими?

Наступил день, и стало очевидно, что я неправильно оценила скорость нашего передвижения. К обеду, после пяти часов пути, мы едва миновали Ньютаун, и все еще нужно было миновать тридцать миль. Я спешила и прошла пару миль, дав лошади двигаться медленнее, пить из луж, когда нужно. Когда я вылила последние капли из фляги, я уже хотела наполнить ее из той же лужи, но передумала, когда увидела, как неаккуратно она пьет. Я не так сильно хотела пить. Я подумала о людях, что мы миновали, и задумалась о том, как пили они. Когда ели в последний раз.

Я не видела кого-то еще верхом до вечера, когда дороги начали расширяться, земля была истоптанной многими прохожими. Желудок сжимался от нехватки еды, во рту пересохло, голова болела от жажды. Мы дошли до новой группы беженцев, я направила лошадь мимо них, на их спинах были свертки, страх ощущался вокруг них. Вдали я увидела группу, едущую к нам верхом на конях, они быстро приближались. И беженцы тут же бросили свертки и побежали в заросли, некоторые всадники направили лошадей за ними в поля. Я двигалась дальше, но сердце забилось быстрее, мои руки вдруг заскользили на поводьях, костяшки правой руки болели.

Всадники приближались, и я увидела зеленые туники трегеллианской армии, страх увеличился. Я вспотела, хоть и была без плаща. Остальные беженцы разбежались, и я осталась одна на дороге, а солдаты приближались.

— За ними, — кричал один из них, его синяя лента отмечала, что он — лейтенант, его товарищи поскакали за беглецами в поля. — Окружите их. Ты, — он посмотрел на меня. — Слезай. Медленно.

Дрожа, я сделала, как сказали, и осталась рядом с лошадью.

Лейтенант соскочил с седла и выхватил меч, глаза его пылали гневом.

— Вонючий вор. Где ты взял эту лошадь? На колени, лормерианская мерзость.

— Я не в бегах.

— Молчать, — он возвышался надо мной, скалясь, рука тянула ко мне.

Я отпрянула, ударилась о лошадь, она испуганно заржала.

— Я из Трегеллана. Из Тремейна. А это в Трегеллане.

— Конечно, — он схватил меня за волосы и заставил опуститься на колени. Я вскрикнула, потянулась за ножом.

Крик донесся со стороны луга.

— Человек убит! — кричал мужчина.

Лейтенант сильнее сжал мои волосы, я заскулила.

— Он убил его! — снова закричал голос. — Ублюдок убил его!

— Стой здесь, — рывкнул мне лейтенант, опустив мою голову так, что я чуть не коснулась грязи. — Не двигаться, — сказал он и отпустил, кожу головы покалывало, холодный воздух касался ее.

Я не собиралась слушаться. Я тут же вернулась в седло, правая нога не успела встать в стремя, а лошадь уже бежала. Я оглянулась через плечо, но никто даже не смотрел на меня, они окружили что-то в траве, не двигаясь. Солдаты отовсюду бежали к ним, кто-то тащил с собой пленников, ужас был на лицах беглецов и, к моему ужасу, солдаты радовались, их глаза горели, они хищно скалились. Я проверила, чистая ли дорога впереди, а потом снова

оглянулась. И увидела, как лейтенант провел мечом по горлу одного из беглецов.

Я развернулась, рот был раскрыт в беззвучном крике. Мы бежали.

* * *

Через много миль мы с лошастью начали замедляться. Голова пульсировала от боли, шея болела от постоянных поворотов головы, чтобы проверить, что нас не преследуют. Каждый раз, когда я оглядывалась, я видела, как убивают беглецов, видела дикие лица солдат. Солдат Трегеллана. Мой народ. Народ логики и порядочности. Не как лормерианцы.

Они обращались с лормерианцами как с животными. Они хотели спасти жизни. Они были людьми.

Лагерь, наемники, дороги без торговцев, солдаты вспыхивали в голове... Я не ожидала этого. Кирин не говорил, что все так. Кирин тоже был лейтенантом.

Может, он не был беженцем. Может, то были преступники, опасные преступники, и у солдат не было выбора.

На колени, лормерианская мерзость.

Я вспомнила куклу на земле, брошенную туфлю. Дикие глаза солдата, когда он схватился за мои волосы и заставил меня опуститься на колени. Как все неправильно.

* * *

Я не видела никого, пока мы не оказались за тележкой с мешками и детьми, малыши серьезно смотрели на мое приближение. К моему удивлению и облегчению, если честно, двух мулов направляла женщина.

Я не успела себя остановить и крикнула:

— У вас нет немного воды, добрая женщина?

Она с подозрением посмотрела на меня. У детей стали огромные глаза, их пухлые пальчики впились в край телеги. Она порылась рядом с собой и вытащила флягу, встряхнула ее и бросила мне.

Я забыла поблагодарить ее, сорвала пробку и выпила. Выпила до дна, но этого было мало. Я поздно поняла, что это мог быть весь ее запас.

Я посмотрела на нее, а она — на меня с настороженным выражением лица.

— Спасибо, — скромно сказала я, бросила ей флягу, отметила, как она изящно держала флягу большим и указательным пальцем, а потом бросила ее в телегу. — Куда направляетесь?

— Трессалин.

Я была разочарована, ведь надеялась, что она едет в Тремейн, и я смогу немного побыть с ней.

— А вы? — спросила она.

— Тремейн.

— Там пункт проверки, — сказала она.

— Где?

— В конце Королевской дороги, у ворот города. Проверка для посещения Тремейна. Так у и Трессалина. И во всех городах. Иначе там было бы полно беженцев.

Полно? Сколько их вообще здесь?

— С каких пор? — спросила я.

— С тех, как Спящий принц проснулся и начал сжигать все в Лормере, заставляя их всех хотеть прийти сюда. Чтобы пройти, нужны документы. Беженцев не впускают. Иначе придется идти в один из лагерей на востоке.

— Я родилась в Тремейне, — сказала я. — Я из Трегеллана.

Она окинула меня взглядом, остановилась на моих свободных штанах, обрезанных волосах.

— Если сможешь доказать, все будет в порядке.

Мы разглядывали друг друга, и это был тяжелый момент. Она ударила поводьями. И мулы повернули налево в Трессалин, а я направила лошадь к Тремейну, к проверке. У меня не было документов. Я не могла ничего объяснить там.

И я не хотела сталкиваться с солдатами.

Я не могла ехать в Тремейн. Так было и к лучшему. Мне нужно было найти воду, а неподалеку текла река.

Я посмотрела на небо, солнце двигалось к горизонту, воздух стремительно холодел, дыхание вырывалось паром. Я весь день добиралась сюда, времени не было. Мне нужно было попасть в Скаррон дотемна.

В двух милях от стен Тремейна я остановила лошадь, сверилась с картой, планируя маршрут вне главной дороги, вдали от проверок, в поисках пути к реке. Убедившись, что рядом никого нет, я съехала с седла, с усилием размяла ноги. Желудок громко урчал. День в седле истощил меня, забрал всю энергию. Мне нужна была еда, иначе я рухну. И нужен новый плащ. Я не протяну ночь без него.

Все же придется войти в Тремейн.

Я ощутила слабость, ведь была так близко к старой жизни, к аптеке, грудь сдавило.

При мысли, что у ворот солдаты, мне стало не по себе.

Я представляла свое возвращение в Тремейн триумфальным. Все было бы под контролем, все неудачи были бы забыты. Я не была бы в украденных вещах, без синяка на костяшках, и голова не болела бы после нападения солдата.

Выбора не было. Я должна найти девушку, вернуть маму. Я могу поволноваться об аптеке, войне и всем остальном позже.

Я вспомнила, как меч перерезал горло.

А потом увидела тонкую, едва заметную тропу, идущую справа по холму. Я ударила поводьями и повела лошадь по тропе, сердце колотилось в груди. Мы обошли холм, узнавание ударило меня, когда я увидела это.

Нашу ферму.

Я издала придушенный звук. Она не изменилась. Мы ушли не так давно, так что я не должна была удивляться, что она выглядела как раньше, словно в любой момент могли выйти Лиф и папа из двери, или мама появиться в окне. Я должна быть там с семьей. Вместе этого половина из них была мертва или попала, я была в бегах, а мама заперта боги знают где. И все из-за меня.

Нужно вернуть ее. Я обязана.

Если я найду еду и плащ, мы продолжим. Я буду в Скарроне к рассвету. Я все еще помнила, как попасть из нашей фермы в Тремейн через ворота башни с часами. У реки. Вряд ли там есть проверка.

Глава 16:

Я не в первый раз ошиблась. Когда я прибыла к воротам часовой башни, я столкнулась с двумя солдатами с мечами, их выражения лиц были недружелюбными и замкнутыми.

Третий был на вершине башни, стрела целилась в меня. Было поздно бежать, и при их виде все во мне сжалось, пальцы на поводьях задрожали.

— Слезай и назови свое дело, — сказал один из солдат.

Я, дрожа, послушалась, оставила одну руку на луке седла, ноги были готовы оттолкнуться, если на меня захотят напасть.

— Девушка, — удивленно сказал один из мечников. — Ну, ну. Хорошие штаны. Посмотрим твои документы, — я уставилась на него, пытаюсь придумать причину — любую — из-за которой у меня их нет. — Оглохла? Документы. Покажи нам их.

— У... меня их нет. Меня обокрали по пути. Они были в моем мешке... другом мешке. И плащ я тоже потеряла, — я старалась говорить приятным тоном, но это было сложно, грудь сдавило. Я хотела бежать.

— Откуда ты? — спросил мужчина.

— Изначально — отсюда. Я родилась в Тремейне. Но больше здесь не живу. Здесь остались родственники, и я пришла к ним.

Он убрал меч и сунул большие пальцы за пояс, а я тихо выдохнула, немного напряжения пропало.

— Откуда ты пришла?

— Трессалин, — соврала я. — Хотела передать родне новости. Срочные новости.

— Одна? Одна едешь по стране на хорошей лошади? — ему нравилась эта власть, которой он обладал. Я слышала это в его голосе, видела на его лице. Он осмотрел мои мешковатые штаны, грубо остриженные волосы и перевязанную руку. — Откуда ты пришла еще раз?

— Пусти ее, Тук. Она не Спящий принц, не звучит как лормерианка. И уже пора спать, — сказал другой страж. Мужчина сверху чистил наконечником стрелы ногти, лук висел на плече, он не слушал нас.

— Как там тебя зовут? — спросил крупный Тук.

— Эр... ика. Эрика Данн, — в Тремейне, как и везде, Даннов было много. Это имя было распространенным.

— Никогда о такой не слышал, — улыбнулся Тук.

— А я слышал, — сказал вдруг сверху лучник. — И узнал. Ты же племянница Тарви Данна?

— Да, — сказала я, пытаюсь скрыть удивление. Тарви был одним из мясников, с которым торговал отец, был известен хорошим мясом и тем, что у него была лишь одна нога. Повезло, что его семья была очень плодovitой. — Одна из многих, — добавила я и улыбнулась лучнику.

Тук нахмурился.

— Правила есть правила. Никто не пройдет без документов. И никто не выйдет и не войдет после заката. Ой, — он посмотрел на темнеющее небо и улыбнулся. — Может, завтра я буду щедрее.

— Тарви разозлится, если узнает, что ты ее прогнал. Он ее ждет, наверное, — лучник почесал ногу стрелой и убрал ее.

— Да, ждет, — пропищала я.

Тук посмотрел на него, потом на меня.

— И все же...

— Разве не Тарви поставляет нам мясо? — невинно сказал лучник.

Тук мрачно посмотрел на него, но лучник разглядывал ногти. Вздохнув и кивнув, он отошел, и я повела лошадь сквозь ворота, вяло улыбаясь, сердце бешено колотилось. Я посмотрела на лучника, а тот подмигнул мне, и я была готова поцеловать его.

Мы прошли пару ярдов, когда сзади раздался грохот цепей. Я обернулась и увидела, как закрылись железные ворота.

— Что вы делаете? — спросила я.

— Я же говорил. Никто не выйдет и не войдет после заката.

— Но мне нужно уехать ночью! Я здесь, чтобы передать новости, буду здесь около часа.

Я не могу остаться.

Тук усмехнулся.

— Боюсь, придется. Ты хотела войти, ты вошла. Уверен, твой дядя сможет тебя принять. Хочешь, чтобы я пошел с тобой и убедился?

Я покачала головой и быстро повела лошадь прочь, борясь с желанием оглянуться и проверить, не следует ли он за мной. Мы двигались к площади города.

* * *

У таверны было еще больше солдат, один прислонился к колодцу и говорил с незнакомой женщиной. Мешки с песком были собраны в одном углу площади, большие бочки в телеге тянул мрачный мул. Но только это и было признаками войны, хаос других частей страны здесь почти отсутствовал. Два мальчика бегали друг за другом у пекарни, и я видела, что их мама общается с самим пекарем, остальные сплетничали и смеялись, звенели колокольчики магазинов, закрывались двери. Пахло хорошей едой, мясом, овощами, хлебом и сладостями. Пахло домом. Мы с Лифом часто бегали вокруг пекарни, как те мальчики, мы с Лирис ждали у колодца Кирина. Все было окутано воспоминаниями того, что я потеряла: друзей, родителей, брата. Моей старой жизни.

По другую сторону от площади в окне наверху мерцал свет, я работала в этой аптеке. Я застыла и смотрела. Она не изменилась. Я хотела подняться по ступенькам, открыть дверь, снять с крючка фартук и приняться за работу.

Мальчики пробежали мимо, весело крича, и я пришла в себя и пошла дальше, опустив голову. Я двигалась по площади, словно призрак, прошла лавку мясника, где работал Тарви, башмачную, куда часто ходила мама. Я остановилась у лавки бакалейщика, заглянула и поняла, что там еще есть клиенты — и я могу их знать — я не смогла войти. Сначала мне нужен плащ, а потом я вернусь. И найду выход отсюда.

Я покинула площадь и пошла по торговому ряду к портным. В каждом окне горели свечи, двигались семьи, и я хотела домой, к себе домой. Прежняя жизнь была всюду. Я прошла мимо пустой кузни, где работал Кирина, мимо дома продавца соли. Я немного знала его дочь, и я подняла голову, замерла, увидев круг с линией на двери. Знак был знакомым, и я нахмурилась.

— Эррин?

Я развернулась, потянулась за ножом, рука замерла, когда я увидела, кто меня позвал.

Кэрис Дэплвуд, мама Лирис и вторая мама для меня стояла отчасти в тени, в ее руках была корзинка.

— Это правда ты?

Язык прилип к нёбу.

— Я видела тебя на площади, — сказала она, шагнув вперед. — Я подумала, что схожу с ума. Но я должна была понять... Что ты делаешь, дитя?

— Я... я... мне нужен плащ и немного еды. А потом я должна уйти.

— Что значит «должна уйти»? Где Лиф? Где Трина? Давно вы вернулись? Где остановились?

Сердце колотилось, горло сжалось, и знакомое липкое ощущение поползло по плечам. Я хотела ответить. Я хотела бежать. Я не была к этому готова. Я смотрела на нее и качала головой.

Где Лиф?

Без лишних слов Кэрис бросила корзинку на землю и взяла одной рукой меня за руку, а в другую руку — поводья. Она быстро повела нас прочь, ничего не говоря, а груз в моей груди все рос и рос. Мы пересекли мост, и я увидела молочную ферму Дэплвудов, масляно желтые кирпичи, что были мне знакомы так же, как и моя ферма. Кэрис отпустила поводья и повела меня к входной двери. Я запаниковала и попыталась вырваться. Ее хватка была крепкой для женщины ее возраста, и я была занята попытками дышать, чтобы бороться.

Она открыла входную дверь и позвала Лирис. Я купала в свете и тепле, запахе жареного мяса, и мне хотелось плакать.

— Я отведу лошадь в амбар, — сказала она, похлопала меня по руке и ушла.

От звуков шагов я вздрогнула и приготовилась к удару увидеть лучшую подругу впервые после похорон отца.

Она встала передо мной, светлые локоны выбились из-под чепца, ее сливочная кожа покраснела от жары. Она склонила голову, напомнив мне этим Сайласа. Мы смотрели друг на друга, и я поняла, что готова бежать.

— Эррин? — сказала она, окинув меня взглядом. Я сглотнула, глаза покалывало от ее пристального взгляда. — Это ты? Ты выглядишь... — она замолчала. — Ну, штаны мне нравятся, — сказала она. — Это Лифа? Ты похожа на него с такими волосами. Я думала, это он, — она заглянула мне за плечо, а потом посмотрела на него. — Он с тобой? Вы вернулись? Эррин? Эррин, ты в порядке?

Где Лиф?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я смотрела на нее, кровь шумела в ушах, сердце отбивало слишком быстрый ритм.

Лиф.

Его не было в моих планах, ни когда я шантажировала Сайласа, ни когда хотела уйти с мамой в Конклав, ни когда отправилась в путь. Я не включала Лифа в наши планы.

Я думала о будущем реалистично, и его не было в будущем. Я не ожидала его в будущем. Я просто говорила себе, что он когда-то вернется домой.

Я знала все это. Но не хотела принимать.

А теперь я была в Тремейне — дома — и не могла этого игнорировать.

Он не был узником в Лормере, он не был ранен. Он не боролся, чтобы вернуться к нам.

Боль, сильная и скованная, появилась в моем сердце, словно что-то мертвое, и вспыхнула без предупреждения. Он мертв. Брат мертв. Он не вернется домой. Боль была острой, заставила меня упасть на колени, прижала к холодному деревянному полу, и я не могла дышать. Боль была такой сильной, что сдавила мне легкие.

Руки Лирис обвили меня, от нее пахло мукой, маслом и добром, и я взвыла, уткнулась головой в ее плечо, как животное. За своими стенаниями я слышала шаги. Они приблизились, а потом удалились, но я цеплялась за подругу, а она обнимала меня. Когда мои пальцы сжимали крепче, ее делали так же, пока мы не впились друг в друга так, что

могли оставить синяки.

Слезы остановились, и я обмякла в ее руках.

Впервые за четыре месяца я могла дышать.

— Тебе нужно искупаться и поесть, — сказала она красивым переливчатым голосом. —

И поспать.

— Не могу, — сказала я хрипло, как ворона. — Мне нужно уходить.

— Эррин Вастел, ты не можешь уйти. У нас комендантский час, и ворота закрыты. А даже если не были бы, я бы тебя не отпустила. Ты дома.

И снова полились слезы, но эти слезы были теплыми и крупными, я могла дышать с ними.

* * *

Она сидела на стуле у кадки и смотрела на меня, чуть прищуриив глаза. В соседней комнате слышался шепот ее родителей, они ужинали. Лирис не подпускала их ко мне после моего упадка, провела меня через теплую кухню, вытащила оловянную кадку к огню, наполнила ее кувшин за кувшином горячей водой. Она помогла мне раздеться и залезть туда, тихо ворча при виде синяков на мне, из-за моей худобы, а потом вымыла мне волосы. Наконец, она размотала мою руку, перевязала ее заново настоящим бинтом, натерев раны мазью, что тут же начала работать.

Хоть ей было сложно, она ждала, пока я заговорю. Она не спрашивала, где мы были, почему я не писала. Она приняла все это терпеливо, тихо говорила о Кирине, о медленном танце, что они исполняли осенью, пока он не поцеловал ее и не сделал предложение. Она рассказывала о том, что он стал солдатом, что это было потрясением, но она думает, что все будет в порядке.

Она не думала, что грядет война.

Я подумала о нападении в лесу, о стреле, попавшей в Кирина. О големах в Алмвике, лагере в Тирвитте. О наемниках, что охотились на меня, о солдате, заставившем меня встать на колени, а потом перерезавшем другому человеку горло. Я подумала о Лифе, который не вернется из Лормеры. Близилась война. Даже если Спящий принц не пойдет в Трегеллан, война была здесь. Хуже всего было знать, что если бы я была на ее месте, жила там, где всегда жила, я бы тоже думала, что Трегеллан — мирный рай.

Невинность ее слов, их нормальность — без ругательств, чудищ, алхимии, тайн — что-то натягивали во мне, и я решила, что не хочу, чтобы она знала о моей жизни в Алмвике, не хочу, чтобы она знала о моих худших поступках — создании ядов, нападениях на людей и пожаре. О краже. О нападении на ее суженого. Я не хотела, чтобы она видела меня такой. И не хотела пугать ее. Я хотела, чтобы она оставалась невинной.

Но я должна была что-то рассказать, она ждала, что я сниму с себя груз.

Я не упоминала Эликсир или Сайласа. Не описывала нападки Анвина, людей в лесу. Я не рассказала о големах или том, что случилось со мной по пути сюда. Я просто объяснила ей, как сломалась мама — не упоминая о звере — и как я пыталась ее лечить. Я справлялась, пока не поняла, что придется рассказать, что маму забрали, а меня не было рядом, чтобы защитить ее. И что я пыталась теперь ее вернуть.

— Это не твоя вина, — тут же сказал она, дав мне новый кусок мыла, я жадно его понюхала.

— Конечно, моя. Нельзя было оставлять ее одну. Боги, Лир, это, наверное, было ужасно. Солдаты ворвались и забрали ее. Она даже не знала, что происходит. Я сделала это с ней,

потому что я...

— Что ты?

Я покачала головой.

— Не важно.

— Эррин, не говори так.

— Прости.

— Мне не нужны извинения, — заявила она, и я опешила. — Жаль, ты не видела себя, когда прибыли. Ты была похожа на труп. Волосы, синяки. Ты словно ни разу не ела после того, как покинула дом. Давно ты так жила? Кто о тебе заботился?

— Я.

— Нет, Эррин. Ты не заботилась, — ее голос был нежным, но твердым, и она снова напомнила мне Сайласа, жалость в его глазах, когда он впервые увидел хижину. — Я не глупая. Я знаю, что ты рассказала не все. Откуда у тебя были деньги на дом? Что ты ела? Как жила?

— Я... — я беспомощно смотрела на нее.

— Я не могу тебя заставлять. Но я хотела бы, чтобы ты писала мне, как и любому из нас, — сказала она, качая головой. — Ты должна быть здесь. Мы — твой народ. Мы бы позаботились о тебе.

Ее слова вызвали воспоминание, от которого было больно. Когда господин Пэнди пришел выразить соболезнования, я не открыла дверь, не хотела говорить, что уйду. Мама была наверху в своей комнате, а Лиф занимался делом на ферме. Я стояла за черными шторами и смотрела в щель, как он стучит в дверь раз, потом другой. А потом с печальным взглядом он оставил на крыльце корзинку и ушел, шаркая, словно он был привязан к дому невидимыми веревками, и каждый шаг давался с трудом. Когда я открыла корзинку, то обнаружила склянки зелий от горя, печали и для сна. И торт. Кривой и страшный торт, подгоревший снизу и сырой внутри.

Он приготовил нам торт. Вкус был отвратительным, но я съела все. Мы ушли в Алмвик на следующий день, и я так и не поблагодарила его.

— Мне было стыдно, — тихо сказала я, говоря с быстро остывающей водой в кадке. — И сейчас стыдно.

— Почему? Ты не сделала ничего постыдного.

Я фыркнула.

— Долги. Необходимость продать все. И уйти.

— Это не твоя вина. Как мне тебя убедить?

— Разве не моя? Если бы я убрала вилы, папа не упал бы на них. Он бы еще был здесь, как и Лиф с мамой. Но вместо этого Лиф и папа мертвы, маму заперли боги знают где в Трессалине, и она...

Лирис склонилась и брызнула мне водой в лицо, удивив меня. Я подняла голову.

— Хватит, — сказала она со сталью в голосе. — Ты не виновата в смерти отца. И ты не в ответе за поступки Лифа и за то, что с ним случилось. Ты знаешь, какой он... Боги, я любила его как своего брата, но он был безрассудным. Ты не могла его остановить, никто не мог. И ты не виновата в случившемся с мамой. Это не твоя вина. Хватит себя наказывать.

— Лирис, — сказала я.

— Эррин, — отозвалась она с такой же мольбой в тоне. — Тебе нужно поесть. И поспать. Я оставила одну из своих ночных рубашек на кровати. Если ты готова надеть платье

сейчас, — она улыбнулась.

— Не могу. Мне нужно уходить. Нужно кое-кого найти. Если я найду ее, то и маму верну.

— Уверена, ты найдешь ее. Но пока что останься и отдохни. Мы поговорим утром с мамой и папой и решим, что делать. Это займет время, но я знаю, что все захотят помочь.

Я покачала головой.

— У меня нет времени. Нужно найти ее как можно скорее. С этим не поможешь.

Я хотела бы рассказать о звере и о причине нехватки времени.

Лирис, понимающая и ничего не спрашивающая Лирис, вздохнула.

— До утра ты все равно не сможешь уйти. Врата закрыты. И охраняются. Так что твое задание подождет. Так что одеться и поесть ты можешь, — она помогла мне вылезти из ванны и укутаться в халат, а потом повела меня по лестнице в ее маленькую чистую комнату. — Я принесу тебе ужин, — сказала она, закрыла дверь и оставила меня одну.

Я сбросила халат и натянула льняное платье через голову, вздохнув от ощущения мягкой и чистой ткани на моей мягкой и чистой коже. Я села на кровать и попыталась просчитать, где может быть Сайлас. Если он идет пешком, то нас разделяет еще миль тридцать, даже если он идет и ночью. Но если он с лошастью... Я решила отдохнуть пару часов. И на рассвете я буду у ворот. Мы помчимся ветром в Скаррон. Я не дам ему обогнать себя.

* * *

Человек шел по темным улицам, его били ветер и дождь, его плащ развевался за ним, капюшон закрывал лицо. Он звал меня снова и снова, выл вместе с ветром.

Я молчала и смотрела, разрываясь между желанием бежать к нему и бежать от него. Он повернулся, и его рот раскрылся при виде меня. Он стоял, неподвижный, а погода бушевала вокруг него. Он медленно поднял руку в перчатке и поманил одним пальцем к себе. Я смотрела и не знала, идти или остаться, он склонил голову.

— Эррин? — тихо сказал он. — Пожалуйста.

Не обдумав выбор, я пошла к нему. Его руки потянулись ко мне, и он улынулся. Молния вспыхнула над нами, я была в десяти шагах от него, потом в пяти, всего в двух. Я подняла руку, чтобы обхватить его ладонь...

Ничего. Они не встретятся. Что-то мешало нам, было между нами. Мы бились с невидимый барьер, двигались по нему выше и ниже, пытаюсь найти брешь.

— Мой брат мертв, — сказала я. — Ты был прав, — я опустила голову, пальцы скользнули по преграде между нами.

— Где ты? — сказал он. — Почему я не могу до тебя достать?

— А где ты? — спросила я.

— Где всегда был.

— Я в Тремейне, — сказала я и тут же пожалела. Теперь он знал, что я почти там.

Его светлое лицо повернулось к темному небу.

— Тремейн, — прошептал он. Ветер унес слово, едва оно сорвалось с его губ. Он посмотрел на меня. — Почему?

Я отвернулась от границы между нами, не слушая его, а он звал меня, и голос его терялся в буре.

* * *

Я проснулась от тихого храпа с пола у кровати. Я перекатилась на спину, растянулась и вздохнула от ощущения кровати под собой. Впервые после того, как мы покинули ферму, я

спала на настоящей кровати, мягкой и удобной. Меня словно обнимали, и я наслаждалась этим, ерзая в центре, делая углубление под свое тело.

Еще час спустя я так и не уснула, смотрела наверх и злилась на сопение Лирис и ее способность спать. Кровать, такая роскошь после матрасов и полов, на которых я спала, была очень мягкой. Я пыталась лежать в разных позах, но перья меня не поддерживали, я словно тонула в них. Я знала, что уже не усну, потому отодвинула одеяла. Ноги скользнули на холодный деревянный пол. Опираясь о кровать, вытянув перед собой руки, я дошла до окна и открыла ставни. Темно. Все еще. Признаков рассвета не было.

Закрыв ставни, я пробралась по комнате и взяла халат Лирис с двери, а потом открыла ее и вышла. В доме было тихо, пока я кралась по ступенькам на кухню, пол был холодным подо мной. Я зажгла от печи спичку и коснулась ею свечей на камине, а потом пошла к кладовой. Желудок урчал слишком громко в тишине ночи, я проспала ужин.

Надеясь, что Дэплвуды не против, я взяла себе холодную курицу, хлеб и масло, а еще налила большой стакан молока, выпила в три глотка и налила еще. Я принесла еду на стол, села на стул, на котором всю жизнь сидела в этом доме, поджав под себя ноги, чтобы согреть их.

Я разрывала курицу, когда услышала шорох сзади.

Кэрис Дэплвуд прошла мимо, открыла кладовую и налила себе стакан молока и села напротив меня. Я разжевала мясо, проглотила и ждала.

— Лирис сказала, что твой брат умер, — сказала она после паузы. — Мне очень жаль, Эррин. Он был особенным, глупым и смешным мальчиком. Я любила его. Все мы любили.

Я покачала головой, прогоняя волну горя. Она знала Лифа. Все здесь знали Лифа. Я не могла дышать из-за воспоминаний о нем.

— Твой брат, пусть хранят его боги, был гордым. Ты такая же. Но ты осторожнее него. Несмотря на резкость ее слов, они не были злыми.

— Я слышала, что ты хочешь уйти, забрать маму. Лирис сказала, что ее забрали из-за ее состояния.

— Да. И я уеду.

— Ты знаешь, где она?

— Трессалин. Я еду туда.

— Через Тремейн? Интересный маршрут, — Кэрис хитро смотрела на меня.

— Я должна сначала кое-что сделать.

— Лирис так и сказала. И сказала, что не добилась от тебя ничего. Ты стала скрытной.

— Это не секрет, — соврала я. — Мне нужно попасть кое-куда, а потом я смогу забрать маму, только и всего.

— Глупо звучит, как по мне. Тебе повезло, что ты так далеко заехала, не пострадав. Знаю, ты не слабачка, но все равно путь опасен, — я вспомнила пальцы, впившиеся в мои волосы, и какой беспомощной я была в тот миг. Я задрожала. Я не рассказывала Лирис об этом и, глядя на Кэрис Дэплвуд, я была рада, что так поступила.

— Удача любит смелых, — слабо улыбнулась я.

— И смерть, — тут же возразила она. — Трус живет дольше героя. Тебе стоит остаться здесь, продумать план.

— Нет времени.

— Лирис знала, что ты так скажешь, — она сделала глоток молока. — И что ты будешь делать, получив Трину? Куда пойдешь?

— У меня есть план.

— И у твоего брата был, — сказала она, и я притихла. — Я не хочу тебя отговорить. Я не верю, что кого-то из Вастелов удалось бы отговорить от глупости. Но я скажу так: у тебя есть дом здесь. Какими бы ни были проблемы, как бы все ни было плохо. Мы — твоя семья, а это твой дом.

Я кивнула с комком в горле, она погладила мою руку.

— Дверь будет открыта для тебя, Эррин. И всегда была. И мы всегда будем здесь. А теперь... — она встряхнула руками, и вся сентиментальность исчезла, — врата не откроют до рассвета, так что ты застряла здесь. Но если ты не против общества старушки, я побуду с тобой.

— Вы не старая, — тут же вырвалось у меня, но я смотрела на нее в свете свечей и понимала, что она именно такая. Лирис была на год старше меня и Кирина, одного возраста с Лифом. Кэрис и Идрис двадцать лет пытались завести ребенка, но им не удавалось. А когда это случилось, Кэрис не поверила в это. И хотя у нее прервался цикл, она подумала, что это из-за ее возраста, на это списала и то, что стала толстеть. И когда у нее отошли воды, она поняла, что у нее все же будет ребенок.

И теперь Кэрис был шестьдесят один год, ее волосы были с седыми и белыми прядями. Свет свечей, заманчивый для молодых, нагонял тени под ее глаза и щеки, играл на морщинах, что обрамляли ее рот и уголки глаз. Я же видела ее такой, какой она была в нашем детстве — не такой седой, не такой уставшей от забот, а острой на язык и вспыльчивой, но самой доброй женщиной в мире. Я подняла стакан и выпила, она сделала так же, и я заметила, что когда она отставила стакан, ее ладони остались чуть скрюченными.

* * *

Когда пришло время уходить, я получила еще молока, курицы, хлеба и сыра, а еще яблоки для лошади и половину сливового пирога. Мы спорили, стоит ли будить Лирис, чтобы я попрощалась, но я ворчала на нехватку времени, и Кэрис не настаивала.

Кроме еды, она дала мне новую одежду. Я была в синей тунике и подходящих мне черных штанах. Я не знала, чьи они, и мне было все равно: они не принадлежали Анвину. Я сказала Кэрис сжечь старую одежду. За час до рассвета Кэрис подравняла мои волосы, а еще одолжила свой старый зимний плащ, темно-зеленый с кроличьим мехом. С чистыми волосами и одеждой, а еще документами, что я — Эрика Дэплвуд, которые Кэрис вложила мне в карман, постукивая по переносице, я чувствовала надежду, когда залезала на лошадь, которая тоже выглядела бодрее.

— Скоро увидимся, Эррин, — тихо сказала с порога Кэрис. — Пообещай мне это.

— Обещаю, — сказала я, развернула лошадь и пошла со двора в поле.

Я скользила взглядом по спящему Тремейну, проезжая его. Он был мирным, безопасным и нетронутым. А я разрывалась, потому что хотела вернуться сюда и жить здесь. Но не могла из-за мамы. И я не знала, смогу ли из-за того, что видела за стенами города.

В этом проблема знания чего-то: забыть это уже не получится. Если посмотреть на это или произнести вслух, то это становится настоящим. Я смотрела на врата впереди и заметила, что утром стражи были другими. Они бегло посмотрели на мои документы и выпустили меня, а я оглянулась в последний раз на Тремейн, сердце разрывалось на клочки, пока я покидала город.

Я заставила лошадь ускориться, и мы отправились к Скаррону и морю. Я найду девушку и верну маму. А потом буду принимать решение.

Глава 17:

Скаррон — маленький рыбацкий поселок в самой северо-западной части Трегеллана на устье лимана, где река Аурмера впадала в море. Река начиналась где-то в горах, где было около сотни водопадов, и бежала в море. Ходили слухи о пещерах пиратов и скрытых в них сокровищах, говорили, где-то там есть фонтан молодости. Я думала, что это все выдумки, но теперь сказки оживали, и я бы не отказалась проверить эти слухи, если бы выпал такой шанс.

Спустившись с гор, река бежала между Трегелланом и Таллитом. Семьдесят миль длиной, она становилась все шире, пока не впадала в море. Река была бурной, ее было опасно пересекать, потоки были беспощадными. В ясные дни за Аурмерой можно было увидеть Таллит, то, что от него осталось. Замок стоял высоко на утесе над гаванью, руины семи башен были там, медленно обваливались в море внизу.

В Скарроне жили рыбаки, и они стали самыми крепкими людьми в Трегеллане, чтобы ловить рыбу в этих водах. Их кожа была обветренной, лица были в морщинах, вырезанных солью, морем и воздухом. Скаррон был из тех поселков, где люди рождаются и умирают. Его редко кто-то покидал. Еще реже появлялся кто-то новый. Так что если девушка прячется, как это делал Сайлас, я легко смогу ее найти, ведь ее будут считать там «новенькой» еще пятьдесят лет с момента ее появления.

* * *

Я уже была как-то раз в Скарроне с мамой, лет восемь назад. Она забрала нас с Лифом с фермы на пару дней, и мы прибыли туда. Мы приехали в темноте, так что море увидели только утром, когда выбежали из гостиницы на пляж. Но мы ощущали запах моря всю ночь, соленый воздух врывается в открытые окна. Мне снились тогда странные сны о женщине с рыбьей чешуей и зеленой кожей, улыбающейся мне, и рот ее был полон острых зубов, она манила меня в воду. Я хотела пойти к ней. Когда я проснулась, я хватала воздух ртом, словно тонула.

Мне нравился Скаррон. Нравилась горстка обветренных домов, построенных в беспорядке у гавани. Мне нравился веселый начальник порта с громким голосом, который радостно показал нам с Лифом, как вязать узлы, как приманивать омаров и выкапывать моллюсков. В море все сияло, ветер все очищал. И место было вдали от всего. Оно было само по себе, как Алмвик, было почти отдельной страной, честной, полноценной. И я понимала, почему девушка отправилась туда.

* * *

Пейзаж снова изменился, пока я ехала на север, я укуталась в плащ плотнее, борясь с холодным воздухом. Деревьев становилось все меньше, и они были вечнозелеными, пригибались от бурь. Я останавливалась каждые пару часов, чтобы поесть, попить и размять ноги и руки. Я кормила лошадь яблоками, давала немного сыра, а сама пила молоко и радостно жевала свежий хлеб, что дала мне Кэрис.

Я то ехала, то шла, чтобы мышцы не затекали. Мы миновали Томан, и я перестала видеть солдат, а если они и попадались, то не требовали мои документы. После Томана деревушки становились все меньше, там вмещалось всего пятьдесят или шестьдесят людей, и почти все были фермерами, так что таких мест на моей карте не было. Я игнорировала любопытные взгляды жителей, пока проезжала мимо. Их, казалось, не тревожило

происходящее на юге и востоке. Я искала взглядом армию, но, как и в Тремейне, все было спокойно, и это меня даже злило. В сотне миль в лесах убивали юношей. Беженцы спешили по дорогам, но их ловили и сгоняли в лагеря. А война еще даже не началась. Как люди здесь могут оставаться такими? Они не знают?

Небо позолотело по краю, облака выглядели синяками на нем, а потом небо начало темнеть. Я спешила, медленно пошла впереди лошади, мы двигались по дороге. Вдали появились несколько огней, и мы побрели к ним, пока мир вокруг нас становился синим, потом лиловым, а затем черным.

Когда мы добрались до окраины Скаррона, огни почти погасли, и поселок притих. Как и во всех рыбацких поселениях, большинство жителей уже спали, чтобы проснуться очень рано и поплыть в море. Страх вгрызлся в мою уверенность, я спешила и повела лошадь мимо маленького круга домиков, в ночи было слышно только стук копыт.

Нет, не только это. Но я не сразу заметила этот естественный звук, пока мы приближались. Но когда я ощутила запах, я услышала его. Море и его рев вдали. Что-то во мне вспыхнуло, и я хотела побежать к нему. Но не стала. Я пошла дальше, уговаривая себя, что еще будет время, не этой ночью, значит днями или неделями позже. Если повезет. Если очень повезет.

Я не знала имени этой девушки. Не знала, сколько ей лет, одна ли она. Я не подумала о гостинице, не думала, что она мне нужна, а спросить было не у кого. Я даже не чувствовала запаха таверны. Казалось, вся деревня уснула.

Я повела лошадь по небольшой площади, прислушиваясь, а потом уловила нечто приятнее: знакомый звон металла о металл. Я направилась туда, к небольшому сараю у маленького домика, что был чуть вдали от остальных, и привязала лошадь к ограде. Я постучала в дверь и ждала. Звон продолжался. Звук оборвался, и я постучала снова, а потом открыла дверь и уставилась в мерцающие глаза мужчины, у которого все лицо было в морщинах. В одной руке он держал молот, а в другой кривой и ржавый крюк.

— Ты не отсюда, — сказал он, оглядев меня.

— Нет. Не отсюда. Я кое-кого ищу. Она...

— Лормерианка? — перебил он. — Димия?

Имя звучало знакомо. Я подавила улыбку облегчения.

— Да. Димию. Можете сказать, где я ее найду?

Он пронизательно посмотрел на меня.

— Родственница?

— Подруга, — не совсем ложь.

Он окинул меня взглядом и пожал плечами.

— Она тебя ждет?

— Нет.

— Уже очень поздно, дорогуша. Не думаю, что она ждет в такое время гостей, и я чувую, что близко буря. Почему бы тебе не пойти в таверну и не попросить там комнату?

— Я не могу остаться. Мне нужно увидеть ее сегодня. Это очень важно. Это насчет войны.

— Войны?

Я уставилась на него.

— В Лормере.

— Я думал, она давно закончилась.

— Там новая война. Со Спящим принцем.

Он пожал плечами.

— Мы ничего не знаем о войне, милая.

— Невозможно, — сказала я. — Совет собирал армию, отсюда ведь кого-то из мужчин забрали? На Королевской дороге проверки, беженцы, ворота городов закрывают на ночь в Трессалине и Тремейне. Все на востоке бьют тревогу, всюду солдаты. Совет присылал сюда весть?

— Ах, мы не тревожим их, а они не трогают нас.

— Но... как вы отвозите рыбу на продажу? А люди, что приходят сюда?

— В такое время года сюда никто не приходит. А ближайший рынок в Томане. Мы прекращаем торговать после урожая, запасаемся на зиму. А зимой дорога очень опасна. Мы получим новости весной, и я этому не удивлюсь.

Он не беспокоился из-за того, что я сказала, и во мне снова кипел гнев, красный и пульсирующий.

— Слушайте, мне нужно сегодня найти Димию. Это важно.

— Буря близко, милая. Тебе нужно укрыться.

— Прошу. Умоляю вас. Просто скажите, где она.

Он моргнул, а потом разочарованно покачал головой.

— Иди на площадь и поверни налево к гавани. Иди по той тропе, пока не увидишь проход к утесу. Пойдешь по той тропе, а на развилке повернешь от моря к суше, и ты увидишь ее домик в конце тропы. Ты его не пропустишь, там только один дом.

— Спасибо, — я кивнула и начала закрывать дверь.

— Стой, — сказал он и последовал за мной. — Лошадь не бери. Там слишком узко.

— Я могу где-то ее оставить?

Он подумал.

— Можешь оставить ее здесь. Под навесом она будет в безопасности в бурю. Я отведу ее, когда закончу.

Я посмотрела на него, а потом на лошадь, размышляя.

— Спасибо, — сказала я. — Я скоро за ней вернусь.

— Не спеши, — сказал он. — Фонарь у тебя есть?

— Нет.

— Вот, — сказал он, указав на масляную лампу на стене. — Возьми, — я осторожно подняла ее.

— Спасибо.

— Не стоит. Друзьям Димии здесь рады. Будь осторожна. Буря тут будет скоро, и будет сильной. Смотри под ноги.

Он вернулся к работе, а я оставила его.

Следуя его указаниям, я вернулась к крохотной площади. Я насчитала девять домов вокруг колодца, дальше по тропе был дом кузнеца, у гавани было пять домов, а еще дом Димии. Здесь не было Дома правосудия, гостиницы. Небольшой магазин явно был и чьим-то домом. Как мог никто не знать о Спящем принце? К ним не доходили послания или они забыли их прочитать? Я думала об этом, пока шла по тропе к утесу, слушала, как море бьется о камни ниже, смотрела, как тучи катятся по небу и закрывают звезды. Я ускорила шаг, пока они не закрыли луну, повернула на развилке направо и пошла прочь от моря.

Дом появился неожиданно, вырос из темноты. Там не было второго этажа, но он был

большим. Я сосчитала два окна по обе стороны от двери. Я опустила фонарь за собой и посмотрела на одно из окон, пытаюсь разглядеть, есть ли за ним свет. Да, у стены виднелось оранжевое пятно света.

Я убрала капюшон, пригладила волосы, жалея, что я не попала в гостиницу и не умылась. Но было уже поздно. Я открыла деревянную калитку и пошла по голому саду. Капля дождя упала мне на нос, потом на щеку. Я надеялась, что Димия гостеприимна.

Я отряхнула одежду, глубоко вдохнула и постучала в дверь.

Глава 18:

Дверь распахнулась, и там стояла девушка, силуэт ее озарял свет в комнате. Она посмотрела на меня, застыла и снова посмотрела, щурясь, а потом взглянула поверх моего плеча в ночь. А я смотрела на нее.

Черные длинные волосы. Зеленые глаза.

Она не была алхимиком. Она не могла быть той, кто делает Эликсир.

Она взглянула на меня, нахмурилась, и выглядела такой же растерянной и разочарованной, как и я.

— Кто ты? — спросила она.

— Я Эррин. Эррин Вастел.

Она приоткрыла рот, странное выражение мелькнуло на ее лице.

— Тебя кто-то послал? — ее тон стал высоким, ломким. Она впиалась взглядом в мои глаза, ожидая ответа.

— Нет. Прости, — я замолчала, пытаюсь собраться с мыслями. — Ты Димия?

Она замерла, во мне появилась надежда, что это не она.

— Да, — тихо сказала она. — Я Димия.

— О, — я не смогла скрыть укол разочарования, она вскинула брови, а потом оглянулась на дом. — Стой... Ты одна?

— Что? — она прищурилась, взглянув на меня.

— Ты живешь одна?

— Что это за вопрос?

— Прости, я не об этом... Я кое-кого ищу, — Димия все еще выглядела встревоженной и рассеянной, мне стало не по себе. — Я вижу, что не тебя, — сказал я.

Она медленно покачала головой.

— Да. Видимо, не меня.

— Просто... Я говорила с местным, и он сказал, что здесь живет девушка из Лормеры.

Она замешкалась.

— Я из Лормеры.

— А если я скажу «Сестры» или «Конклав», это для тебя что-то означает? — она покачала головой. — Другие лормерианцы в Скарроне есть? — попыталась я.

Она еще раз покачала головой.

Глаза покалывали слезы разочарования. Я должна была знать. Должна была понимать, что если она здесь, то прячется, как это делал Сайлас. А не живет в доме, известная всем. Было бы слишком просто, если бы я узнала, что она здесь, от старого рабочего с металлом. Но... Сайлас говорил, что обычные люди живут с алхимиками. Могла она врать, чтобы защитить зельеварщицу? Быть слугой или прикрытием.

— Уверена? — спешно сказала я. — Ты точно одна? Точно не знаешь, о чем я говорю?

Ее взгляд на меня мог заморозить воду.

— Я не соврала.

— Ясно, — сказала я. — Но если ты встретишь кого-то, кто поймет мои слова, передай ей, что меня можно найти в таверне. Она в опасности. Спящий принц идет за ней.

Я не была готова к ее реакции.

— Что? Что ты сказала? — осведомилась она. Она впилась в дверной косяк. Уже бледная в свете лампы, она побледнела еще сильнее, и веснушки на ее носу, щеках и лбу резко проступили. — Где он? Он идет в Лормеру? Он уже там?

Я кивнула, настороженно глядя на нее.

— Он сидит на троне Лормеры. Он сделал это за три месяца.

— Нет... — ее голос оборвался.

— Весь Трегеллан готовится к войне, — продолжила я. — Во всех главных городах солдаты, проверки на дорогах и у ворот городов. В Лормере умирают люди. Сотни людей. Он убивает верующих, пытаюсь найти Сестер. И девушку.

— Я сказала уже, что не понимаю этого. Я не знаю Сестер. Я была здесь еще до урожая... — она посмотрела на ночь позади меня. Вспышка молнии заставила нас вздрогнуть, она пришла в себя. — Три месяца, — сказала она. Я едва слышала ее слова за гулом грома в небе. — А королева? Она в союзниках у Спящего принца? Какие новости о принце — короле — Лормеры? Он скрывается? Собирает народ? Они сражаются? Он в этом Конклаве?

— Он мертв. Король мертв. Его убили в ночь, когда Лормера пала.

— Врешь, — Димия смотрела на меня, ее глаза пылали.

Я хотела возмутиться, но поняла, что она не оскорбляет меня. А просит.

— Мне очень жаль, — прошептала я. Я знала, что такое горе.

Она закрыла глаза. Она обхватила себя руками, словно боялась рассыпаться. А потом отвернулась от меня и прошла в дом, оставив дверь открытой. Она подошла к камину и взяла кубок, осушила его. Я смотрела, как она наполняет его снова.

— Лучше заходи, — натянуто сказала она.

Как только слова слетели с ее губ, разверзлись небеса, и я вошла в ее маленький аккуратный дом и закрыла за собой дверь. Я повернулась к ней, а ее плечи дрожали, и я, не раздумывая, пересекла комнату и коснулась ее руки.

Она вздрогнула, словно я ударила ее ножом, развернулась, вскинув руку, и ее лицо выражало ужас за следами слез.

— Прости, — пролепетала я, подняв руки, чтобы показать, что не наврежу.

Громкий стук заставил нас обернуться, дождь превратился в ливень и хлестал по окнам, оставляя струи на толстом зеленоватом стекле. Вспышка озарила комнату, загрохотал гром, и я задрожала. Она отвернулась, прислонилась к стене у камина, а я смогла осмотреть комнату. Один кубок, одно кресло, книга, оставленная перевернутой в нем. Она читала, когда я пришла. Двери в другие комнаты были открыты. Со своего места я видела маленькую кухню и спальню с лоскутным одеялом поверх узкой кровати. Я подвинулась, будто хотела выглянуть в окно, и увидела, что последняя комната была пустой. Здесь не было места, чтобы кто-то спрятался. Больше никто здесь не жил. Только Димия, и у нее не было золотых глаз и волос цвета луны. Она говорила правду. Я подошла к ней.

— Знаю, мои слова мало значат, ведь я из Трегеллана, но мне нравился ваш король, —

тихо сказала я. — Я видела его, когда он навещал нашу страну.

— Мереку нравился Трегеллан. Он хотел сделать Лормеру хоть немного похожей на Трегеллан.

На миг ее слова удивили меня, а потом я поняла, почему. Люди редко звали правителей по имени.

— Ты его знала?

Она повернулась ко мне.

— Немного, — ее щеки порозовели, она смотрела вдаль. — Я работала какое-то время в замке. Он был добр ко мне.

— Он был похож на хорошего короля.

Она кивнула, и ее лицо снова исказилось от боли.

— И стал бы таким, — прошептала она, слезы оставляли блестящие следы на ее лице. — Прости, — она глубоко и судорожно вдохнула и закрыла глаза. А когда открыла их, то смотрела на меня. — Расскажи мне все. Что еще я не знаю о происходящем в Лормере? Ты сказала, что он охотится на верующих.

Я рассказывала о злодеяниях Спящего принца, а ее лицо становилось все бледнее, она все сильнее опускала плечи. Лортуна, Хага, Мокхэм. Вестник стал Серебряным рыцарем, храмы грабили, головы насаживали на колья, устраивали выставки сердец. Убивали верующих, сжигали припасы еды. Големы.

А потом я рассказала ей о лагерях для беженцев. О людях на дорогах. О жестокости солдат. Мне было плохо, пока я это описывала, в голове всплывала потерянная кукла, туфелька. Теперь я понимала, почему кто-то бросил туфельку позади.

Когда я закончила, она залпом осушила кубок, глаза ее снова были полны слез.

— И как Совет Трегеллана помогает Лормере?

— О чем ты?

— Какую помощь они предложили? Людей для армии? Оружие? Еду? Лекарства?

Я покачала головой.

— У нас новая армия, только недавно призванная. У мужчин не было выбора, им сказали сражаться, многих до сих пор учат. Если до этого дойдет, то и женщинам придется сражаться. А еду и лекарства мы не... — она уставилась на меня, и я покраснела. — Но некоторые люди сбежали, я уже говорила. Лагеря...

— Которые ты описала как сущий ад? — перебила она меня, и я замолчала. — Спящий принц убивает невинных, а ваш народ закрыл границы. Могущественный Трегеллан, демократичный и цивилизованный, отвернулся от убийства короля и его народа и решил смотреть за своим домом, пока на пороге не прольется кровь? Понимаю, это из-за последней войны. Из-за того, что мы победили?

— Конечно, нет, — но, возражая, я задумалась, что она может быть права. Почему мы не стали действовать раньше? Почему не предложили больше помощи? Но вслух я этого не сказала. — Никто не был готов к этому. Совет пытался вести с ним переговоры.

— С чудовищами переговоры не ведут, — сухо сказала Димия. — Поверь, можно лишь действовать.

Вдруг мне стало стыдно за свою страну. Я покачала головой и не могла смотреть ей в глаза.

— Мне жаль, что я принесла плохие вести.

— А мне жаль, что ты искала не меня.

Мы молчали, я слушала, как стучит дождь. В город идти будет неприятно.

— Мне лучше уйти, — сказала я, но не хотелось покидать тепло ее дома.

Она посмотрела на меня.

— Тебе лучше остаться. Там буря, тебя сдует в море раньше, чем ты пройдешь за мою калитку.

— Да... Но ты не знаешь меня. Я могу быть кем угодно.

— Как и я. Мы равны. Садись, — сказала она и кивнула на кресло у огня.

Мне было некуда идти, я устала, мой поиск оборвался, и я послушалась, подняла книгу и переместила ее на подлокотник. Она наполнила свой кубок и дала мне, и я взяла его и сделала пару глотков. Насыщенное красное вино с привкусом дыма, темных ягод окутало мой язык. Я сделала еще глоток и протянула кубок ей, но она помахала рукой, и я оставила кубок, обхватив его руками.

— Почему бы тебе не рассказать, зачем ты ищешь девушку из Лормеры? — сказала она после долгой паузы. — Ты сказала, что она в опасности. Почему?

Было опасно говорить об этом с лормерианкой, но она точно не собиралась бежать и докладывать на меня королю.

— Это не просто девушка. Она алхимик. Вот почему.

— В Лормере нет алхимиков.

— Так все думают. Но они есть. У них есть своя версия Конклава, скрытая от правителей, — она нахмурилась, и я объяснила. — В Конклаве живут трегеллианские алхимики. Он скрыт. Хорошо скрыт. В Лормере сделали так же, но не скрылись, а прикрылись религиозным орденом. Скрылись на виду.

— Ты алхимик?

— Нет.

— Зачем тогда она тебе?

— Я надеялась, что она поможет мне. Что мы поможем друг другу, — Димия выглядела растерянной. — У меня есть свои проблемы, — добавила я.

— Какие?

Я сделала еще глоток вина, наслаждаясь его теплом. А потом объяснила, как только могла, об угрозе эвакуации, о болезни мамы, хоть и не упомянула зверя. А потом рассказала, как Сайлас дал мне зелье, что лечило ее, но он не смог дать мне больше, и я скрывала от него местоположение девушки, пока он не согласился помочь.

Она вскинула брови и прижалась к стене у камина.

— Ты его шантажировала?

— Нет. Не так. Он сказал, что поможет, что не винит меня за такое. Я ему поверила и... рассказала о ней, — я сделала паузу. — Он предал меня. Дождался, пока я уйду домой, чтобы забрать маму и вещи, и ушел без меня.

Она протянула руку за кубком, и я передала его ей.

— И он тоже движется сюда. Чтобы найти девушку, которой здесь нет.

— Наверное. Не знаю, кто из нас будет расстроен больше. Без обид.

Она пожала плечами.

— Где теперь твоя мама?

— В приюте, — тихо сказала я. — Пока я была с Сайласом, пришли солдаты и забрали ее. И они нашли... Кое-кто умер в нашем доме. Я его не убивала, — поспешила добавить я, когда ее глаза расширились. — На мужчину напали в лесу у дома, Сайлас привел его ко мне.

Я училась у аптекаря, и он надеялся, что я могу его спасти. Я пыталась, но он умер, но успел рассказать мне, где девушка. Мне пришлось бежать. И я решила найти девушку одна, чтобы сказать ей, что ей нужно в Конклав, сопроводить ее туда. Я надеялась, что алхимики будут рады и помогут в ответ.

Димия протянула мне кубок, и я сделала глоток.

— Но ее здесь нет. Что будешь делать теперь?

Я слизнула с губ вино.

— Мне нужно вернуть маму. Они думают, что она в депрессии, горюет, но все куда хуже, и если я не заберу ее... У нее осталась только я, — сказала я, голос оборвался. — Я потеряла отца, дом, возможность учиться и брата за этот год. Не могу потерять еще и ее.

Рот Димии был раскрыт. Я видела, как на ее горле трепещет пульс, она пыталась взять себя в руки.

— Ты потеряла брата? Лифа?

Я потрясенно уставилась на нее.

— Ты знала и его? — я смотрела на нее. — Ты встретила его в замке?

— Да, — сказала она отстраненно, хмурясь. — Он...

Я кивнула, ее ладони закрыли лицо, она склонилась, словно на нее давил весь мир.

Мама, Лирис, Кэрис, Димия. Все эти люди горевали по моему брату.

Я не знала, остались ли у меня слезы после прошлой ночи, но они все же нашлись.

— Мне очень жаль, — сказала я, когда они прекратились, я все еще судорожно дышала.

Она уже взяла себя в руки и неподвижно стояла у камина со сдержанным выражением лица.

— Не стоит.

— Потому я должна вернуть маму. Остались лишь мы с ней.

— Он бы тебя не бросил, — сказала тихо Димия. — Если бы мог помочь, то не бросил бы, — я подняла голову, а она на миг улыбнулась. — Я знала немного твоего брата и поняла, что он любил тебя. И вашу маму.

Я не могла смотреть на нее.

— Спасибо, — передо мной появился кубок, и я благодарно приняла его.

— А если я помогу тебе? — вдруг сказала она. — Чем ты отплатишь взамен?

Слова сорвались с ее губ так быстро, словно сбежали, а не были произнесены.

— Что?

— Ты сказала, что училась на аптекаря?

— Да. У меня нет лицензии, но я хороша в этом. Могу делать лекарства. И яды, — ее брови поднялись, а я пожала плечами. — Приходилось, — сказала я.

— Хорошо. Это я могу использовать.

— Для чего?

— Для борьбы со Спящим принцем.

Я окинула ее взглядом. Она была похожа на олененка, ее руки и ноги были тонкими, а глаза большими. Казалось, порыв ветра ее сломает.

— Ты хочешь с ним бороться?

Она ответила не сразу, обдумав мысль.

— Да, — сказала она. — Хочу. Кто-то должен. Твой народ не станет с ним воевать, пока он не нападет сам. Мерек мертв. Если не я, то кто? И он будет не первым монстром, с каким я встретилась.

— О чем ты? Ты уже боролась с монстрами?

Она не слушала меня, а смотрела в окно.

— Сегодня мы уйти не сможем. Путь будет опасным.

— Мы? — растерянно спросила я.

Она кивнула.

— Я же сказала, я помогу в обмен на услугу. Будь моим аптекарем. Делай лекарства, что исцелят солдат, которых я соберу. И яды, чтобы мы использовали их на его народе, на этом Серебряном рыцаре и предателях, последовавших за ним.

Я уставилась на нее. Кто она? Как она может собрать людей? Как она может спасти лормерианцев? Помочь мне?

— Твой народ? Какой у тебя народ?

— Люди Лормеры, — она взмахнула рукой. — Мои соотечественники. Твой народ им не помогает, тогда это сделаю я. Ради Мерека. И твоего брата. Я соберу всех, кого смогу, в Лормере, всех, кто пожелает, и найду способ бороться с ним, — в свете огня в ней было что-то королевское, а в ее глазах блестела сталь. Она не врала.

— Ты умеешь воевать?

— Нет, — сказала она и покраснела в свете огня. — Не умею. Но я найду тех, кто умеет. И у меня есть ты. Может, хватит и яда в бокале его вина, как в сказке. Разве не так он стал Спящим принцем в ваших сказках... и истории?

Я кивнула, хмурясь.

— Хорошо. Это начало. А что ты хочешь от меня в этой сделке?

Я глубоко вдохнула.

— Мне нужно забрать маму из приюта в Трессалине и найти для нее безопасное место. Изолированное. И нужно зелье для нее, — я сделала паузу. — И нужно какое-то время держаться подальше от армии Трегеллана.

Она быстро моргала.

— Вряд ли я смогу помочь тебе с зельем. Но, думаю, что я смогу помочь вернуть ее.

Она залезла в дымоход, я услышала звяканье монет, а потом она вытащила мешочек. Он был полон монет, раздулся от них. Королевский выкуп.

— Думаю, я смогу убедить кого-то отпустить ее под опеку дорогой и дальней кузины? — я кивнула с ошеломленным видом. — Хорошо, — продолжила она. — А этот дом достаточно изолирован. И у моря. Думаю, для исцеления это полезно.

Мои глаза расширились.

— Ты дашь нам жить здесь? В своем доме?

— Вряд ли он мне понадобится во время войны. Мы далеко от Лормеры, — она криво улыбнулась. — На кухне ты сможешь делать яды и зелья, что потребуются мне, а в это время заботиться о матери. Конечно, когда начнутся сражения, ты будешь нужна мне в нашем лагере. Но это случится не сразу. Сначала нужно найти и организовать людей. Если ей не станет лучше, когда мы начнем сражаться, ты сможешь найти для нее сиделку. Ты не будешь на поле боя, так что не переживай.

— Ей не станет лучше. Никогда не станет. У нее необычная болезнь. Если кто-то поймет, что она...

Димия подняла мешочек, монеты снова звякнули.

— Мы найдем молчаливую сиделку. Ты будешь удивлена, узнав, на что готовы люди ради денег, — она посмотрела мне в глаза. — Или не будешь. Что скажешь? Мы

договорились?

— Зачем? — спросила я. — Зачем ты это делаешь? Ты меня не знаешь, так зачем делаешь это для меня?

Она открыла рот, глядя мимо меня на дождь, бьющий по окну.

— Потому что ты немного напоминаешь меня.

Я тоже повернулась к дождю, стекающему по стеклу.

— Что ты делала в замке?

Она отвела взгляд.

— Служила. Я была слугой.

Я хотела спросить еще, но остановилась, кусочки соединились в моей голове. Слуга, что завет короля по имени. Слуга с полным мешочком монет. Слуга, уверенная, что может приказывать людям, созвать мужчин для боя. Вдохновить на сражение. Теперь я, похоже, понимала. Я вспомнила понимающий взгляд солдат, когда Кирин сказал, что я была последовавшей из лагеря. Я намеренно не думала о том, что она знала моего брата.

— Эррин, — тихо сказала она, и я посмотрела на нее. Она была серьезной. — Это не прекратится. Спящий принц на Лормере не остановится. Ваш Совет это знает. Он придет сюда. И сделает с людьми Трегеллана то же, что и с моими. Их будут убивать. Головы их насадят на колья. Они будут убегать, — она опустила кубок и пересекла комнату, замерла, а потом взяла меня за руки. — Я не говорю, что могу победить его. Я понимаю разницу между нами, и у него есть големы и люди. Но я должна попробовать. Если я смогу передать весть в Лормеру, что они еще могут надеяться и бороться... В прошлой войне они проигрывали твоим людям. А потом... они сплотились. Им дали повод надеяться и сражаться. Я бы дала им такой повод. Помоги мне. А я помогу тебе.

Кирин говорил, что самой большой слабостью Лормеры было то, что они не пытались отбиваться. А теперь эта девушка, служанка из Лормеры, хотела, чтобы это произошло. Кто верил в то, что она сможет?

Я убрала руки и встала, прошла мимо нее к окну. Я прижалась лбом к холодному стеклу, смотрела, как новые капли дождя смешиваются со старыми, пока не становятся ручейками, стекающими по окну. Вспышки молний озаряли горизонт. Я видела, где начинается утес. Где заканчивается суша.

Зельеварщицы здесь не было, а без нее я не могла найти Конклав или получить Эликсир. Может, ее тут никогда и не было, может, Эли ошибся из-за боли. Как я могла быть уверена в его словах? Проверить можно было бы, если бы появился Сайлас, ищущий ее, а что потом? Мне придется идти за ним и снова просить? Я тихо выдохнула, и от этого запотело стекло. Нет. Этот мост уже сожжен. Я была уверена лишь в том, что должна вернуть маму. У меня осталась только она. Это мой долг.

Я попыталась все обдумать, глубоко дышала, а время шло, и каждая минута казалась вечностью. Что мне выбрать?

— Ну? — сказала позади меня Димия. — Ты присоединишься ко мне?

Я повернулась к ней.

— А ты сможешь мне забрать маму? Что бы ты ни услышала о ней?

Она на миг прищурилась, но кивнула.

— Клянусь.

— Тогда я буду твоим аптекарем.

Она помрачнела.

— Мне нужно, чтобы ты тоже поклялась, Эррин Вастел. Никакого шантажа и предательства.

Я покраснела и протянула руку.

— Клянусь. Я не предаю тебя. Я просто хочу безопасности для мамы.

Она, казалось, вечность смотрела мне в глаза. А потом она кивнула и сжала мою ладонь своими руками.

— Вот так-то, — от ее слов я задрожала, стало не по себе. — Спасибо. Завтра мы отправимся в Трессалин. Я выкуплю твою маму, а потом мы доставим ее сюда. А пока что нужно отдохнуть, — сказала она. — В другой комнате есть место для сна, хотя мебели там нет. Боюсь, я не привыкла жить так просторно. До нашего отбытия завтра я попрошу плотника оборудовать комнату до нашего возвращения с твоей мамой. А этой ночью можешь занять мою кровать.

Я покачала головой. Она не возражала, собрала одеяла и подушки и попыталась соорудить подобие кровати.

— Тогда спокойной ночи, — сказала она, замерев на пороге своей спальни. Она, казалось, хотела что-то сказать, но плотно закрыла дверь. Я сняла плащ и устроилась на груди выданных одеял. В новом доме. Из всех невозможных вещей, произошедших со мной за эту неделю, эта была самой странной.

* * *

Во сне я была в броне, и часть меня знала, что это из-за обещания, данного Димии. Я посмотрела на себя: кираса закрывала грудь, наручи были на руках. Я знала, что броня должна быть тяжелой, но так не было, и я взмахнула руками, словно держала в них меч.

— Что это?

Человек стоял за мной на пороге, надув губы, глаза его закрывал капюшон.

— Я тебя обогнала, — сказала я. — Я с Димией.

— С Димией? — он улыбнулся.

— Она не зельеварщица. Тут нет нужной тебе девушки.

— Разве? — его тон был осторожным.

— Если и есть, то она прячется от нас.

— Умная. И что теперь ты будешь делать с этой Димией?

— Спасать свою маму. А потом мы будем воевать.

— Со мной?

— Со Спящим принцем. Я помогу ей.

Он перестал улыбаться.

— Да?

Я кивнула.

— Это меняет, — медленно сказал он, — многое.

Глава 19:

Казалось, я едва закрыла глаза, когда она разбудила меня следующим утром. Она уже была одета, волосы свободно ниспадали на плечи. Я сонно села, застонав от резкой боли в бедрах и пояснице, и потянулась к чашке, что она протягивала мне.

— Который час? — спросил он.

— Судя по свету, еще час до рассвета, — сказала она, подняв сумку и потянувшись за

своим плащом. — Мне нужно сходить в деревню, а потом мы уедем.

Я следила за ней, пока вставала и приводила себя в порядок. Она ходила по комнате, касалась всего, гладила спинку кресла, легонько постукивала по столу, проводила пальцем по корешкам нескольких книг. Будто это был ритуал. Будто так она прощалась, и от этого мне стало не по себе. Она же сказала, что мы сюда вернемся.

Но так не думала.

Наконец, она повернулась ко мне.

— Идем.

Мы пошли по вязкой тропе к городу, пользуясь фонарем старика. Я старалась не отставать от нее, чувствовала себя неуклюжим ребенком. Она была ниже меня, но несла себя так, словно была намного выше, ее голова была высоко поднята, плечи — расправлены, а волосы ниспадали на плечи, черные, как крыло ворона.

Когда мы добрались до города, во всех домах горел свет, даже в магазине, хотя до рассвета еще оставался час. Рыбаки уже ушли, а их жены не спали, носили воду, болтали с соседями, готовили еду и разносили истории по площади. Они останавливались, оборачивались при виде Димии, улыбались и махали ей.

Небольшая толпа расступилась, когда она подошла, словно она была кораблем в океане, а они — волнами. Все приветствовали ее, она говорила с плотником, швеей, бакалейщиком, и все общались с ней, как с королевой. Я плелась за ней к дому кузнеца, чтобы забрать лошадь, и не удивилась, когда он ей смешно поклонился. Пара слов, и он привел к ней пухлого пони с седлом и поводьями.

— Не так хорош, как конь, — сказал он, сцепляя руки и помогая ей забраться в седло. Она изящно пожала плечами и движением, что было грациознее, чем я ожидала, поставила ногу в стремя и забралась в седло. Она была удивлена, а потом обрадовалась и поправила юбки.

— Позаботьтесь о ней, мисс, — сказал он мне. — Она теперь одна из нас.

— Я могу позаботиться о себе, Джавик, — улыбнулась она, он просиял в ответ, показывая просветы меж зубов и красные десна, поклонился и отошел.

— Как далеко Трессалин? — спросила Димия, поправила упряжь и повернулась ко мне.

— Нужно двигаться вдоль реки в Тремейн, но не заходить в него. Если обойдем, то окажемся на юге Королевской дороги.

— Сколько потребуется времени?

— День или два.

— Где мы будем спать? Я не могу прибыть в Трессалин и просить отдать твою маму, если я буду выглядеть так, словно и за собой поухаживать не могу.

— У тебя есть документы? — спросила я.

Она похлопала по карману.

— И деньги на еду и жилье.

Я не хотела оставаться в Тремейне.

— Посмотрим, куда мы доберемся, а потом составим план. По пути есть деревни и гостиницы у дорог. У меня есть карта.

Почему-то она почти улыбнулась.

— Тогда ты за главную.

* * *

После восьми часов пути, где мы то ехали верхом, то шли пешком, моя спина болела, та

же участь постигла и руки с бедрами. Голова болела. Лицо Димии было белым и напряженным, костяшки ее пальцев — бескровными, пока она сжимала поводья, но она не жаловалась, и я молчала. Вместо этого мы проходили милую за милей лиловой и коричневой пустоши, огибали небольшие леса и отдельно стоящие дома и фермы. Небо было оранжевым на горизонте, ветер бил в спину, подгоняя нас вперед, быстро двигался туман, и я взбодрилась, ведь Трмейн уже был близко, милях в трех от нас.

Я дремала в седле, покачиваясь от шага лошади, когда голос Димии прервал мой отдых.

— Что это? — спросила она, и тон ее голоса заставил меня развернуться в седле. Я увидела, на что она смотрит, и мне стало не по себе. Я впиалась в поводья.

— Это кладбище, — выдавила я.

— Здесь хоронят умерших? Мы можем задержаться?

— Нет времени, — тут же сказала я.

— Ненадолго. Я такого еще не видела.

— У вас нет кладбищ?

— Нет. Умерших сжигают. У королевской семьи и лордов есть семейные склепы, которые они могут посещать.

— Там хранят пепел?

— Нет, — она выглядела растерянной. — Это комнаты для размышлений. Туда ходят вспоминать семьи.

— А, кхм, обычные люди?

— У них такой привилегии нет.

У них. У них нет. Не говоря ничего, я повернула лошадь, и она последовала за мной. Мы спешили, привязали наших скакунов. Димия провела руками по дереву на входе на кладбище, посмотрела на крышу, а потом на деревянные скамейки по бокам от ворот.

— Красиво, — сказала она.

— Это покойницкая, — сказала я ей и не удивилась, когда она нахмурилась. — Врата трупов. Когда приносят умерших для похорон, их укладывают здесь головой вперед. Священник читает молитву, а потом гроб разворачивают ногами вперед и вносят на кладбище, пока кто-то звонит в колокол.

— Зачем?

— Чтобы дух запутался и не последовал за живыми, — таким было старое поверье. Она кивнула и прошла через врата на кладбище. Все во мне сжалось, я глубоко вдохнула и пошла за ней.

* * *

Димия шла впереди меня, поворачивая голову влево и вправо, чтобы все увидеть. Я заметила, что она идет строго по тропе. Как-то раз, когда я была маленькой, мы пришли оставить цветы на могиле бабушки, и я обрадовалась горкам влажной земли и бегала вокруг них, заявляя, что я — королева кротов. Мама ударила меня по ногам и подтащила к себе, покраснев от унижения. Я не знала, что это свежие могилы. Я вообще об этом ничего не знала. Мрачное воспоминание вызвало улыбку. Мама бы одобрила осторожность Димии.

Она замирала часто, чтобы прочитать надписи на надгробиях. Чаще всего она останавливалась у детских могил, ее губы безмолвно двигались, пока она читала, а потом она шла дальше.

— Зловеще, да? Под нами отдыхают кости, — ее голос был странным, тяжелым, и в сумерках я поежилась. Я оглянулась на врата, чтобы убедиться, что лошади еще там. — Все

рядами, почти как посеvy, — продолжила она. — Поле мертвых, — она посмотрела туда, где первый ряд мавзолеев стоял напротив другого. — Странно строить здания для трупов.

Я потрясенно моргала.

— Это памятник их жизням, а не телам. Тебе это может казаться странным, но для меня страннее, что вы сжигаете тела. Сжигаете руки матерей, что держали вас. Губы отцов, что целовали вас в лоб, когда вы плакали. Разрушаете тела, что даровали вам жизнь. Мы возвращаем их земле. Мы относимся к умершим с уважением.

Она развернулась ко мне.

— Ты ничего не знаешь о смерти.

— Я знаю достаточно, — рывкнула я, забыв на миг, что у нее ключ к возвращению моей матери. — Я ее видела. Знаю ее запах. Пыталась с ней бороться. Что еще мне нужно знать? — я скользнула взглядом по склепам у дальней стены, она проследила за моим взглядом. Она кивнула, словно что-то вспомнила. А потом повернулась и пошла дальше.

Я пошла за ней, нервы были напряжены, а она продолжила тур среди мертвых Тремейна. Мы часто проходили могилы с кругом на них, и в центре кругов была полоса. Символ беспокоил меня, потому что я где-то его недавно видела, а потом вспомнила: на двери торговца солью в Тремейне.

Я замерла перед одной из могил с этим символом и невольно схватилась за куст ежевики, что раскинулся рядом, собрала остатки ягод в ладонь. Я знала, что это означало что-то еще, но не могла вспомнить.

Я не хотела — или все это время хотела — но пошла в западную часть кладбища. Здесь стояли высокие склепы из серого камня, наверху были написаны фамилии. Она назвала это полем мертвых. В этой части кладбища сравнение очень подходило. Склепы напоминали маленькие дома, у некоторых были окна, а у некоторых внутри — алтари для подношений.

Почти везде были листья дуба или остролиста, порой вместе они были вырезаны над окнами и дверями, суеверия, связанные со старыми богами и обычаями. Гробницы были ухоженными, не было трещин на камнях, краем глаза я заметила, что Димия смотрит на них, порой проводя пальцами по вырезанным листьям.

Туман накатил и принес за собой дым костров из деревни. Рука сжалась в кулак, раздавливая ежевику в нем, лиловый сок побежал между пальцев. Я посмотрела вправо, и мое сердце заколотилось.

В десяти или двенадцати футах от меня была наша гробница. На двери были вырезаны имена моих бабушки с дедушкой и прабабушки с прадедушкой.

И отца.

Я отвернулась на памятник, что был позади меня, крылатый ангел спал на каменной кровати, где был вырезан пересеченный круг: место упокоения Джефриса Маллигэна. Я пыталась думать о датах и словах, пока меня мутило, просила себя не поддаваться панике. Димия прошла мимо меня, все еще глядя на склепы, а я считала мысленно до десяти.

Я дошла до семи, когда она вскрикнула, и я медленно повернулась к ней.

Она смотрела на гробницу. Ее рука была протянута, но застыла в воздухе. Ее рот беззвучно двигался, она читала имена, написанные там.

— Лиф Вастел, — сказала она вслух.

— Мой дедушка. Отец отца. Брата назвали в честь него.

Я подошла к гробнице, и каждый шаг был словно по трясине, было больно переставлять ноги. И вот имя: Азра Вастел. Мой отец. Его имя было вырезано на двери под именем его

матери, которая умерла за десять месяцев до моего рождения. Слова уже потускнели, выглядели старыми, хотя были тут не дольше шести месяцев. Я прошла мимо Димии и схватилась за железную ручку. Дверь застряла, но поддалась, и затхлый запах гробницы смешался с дымом в воздухе.

Я вошла внутрь, подождала, пока глаза привыкнут к слабому свету, льющемуся в грязные окна. Я начала различать силуэты каменных дисков на стенах, имена совпадали с теми, что были на двери. Здесь были и пустые диски для меня, мамы и детей, что могли быть потом. Я с болью под ребрами поняла, что на одном из дисков нужно будет написать имя Лифа. У него не будет гроба. Он не будет лежать здесь и превращаться в пыль вместе со всей семьей, возвращаясь к земле. Он будет сожжен как лормерианец. Или еще хуже.

Я глубоко вдохнула, задержала дыхание и выдохнула так сильно, что вокруг меня закружилась пыль.

Воздух задвигался, Димия прошла за мной. Я повернулась, а на ее лице была душераздирающая жалость. Я растерялась, а потом слезы упали на мою руку. Я снова плакала. Тихо, будто я была диким зверем, а она боялась, что я ее укушу, она шагнула ко мне и подняла руки. Она замерла, обвив меня руками, осторожно удерживая, словно не зная, что делать. Неловкость ее напомнила мне Сайласа. Я отпрянула, и она тут же меня отпустила.

— Прости, — сказала она, и я не знала, за что именно она извиняется.

— Я здесь впервые, — сказала я, голос отдавался странным эхом от камня.

Она огляделась, заметила диски, маленький пустой алтарь, каменный выступ, напоминающий стул.

— Потому ты не хотела приходить. Нужно было сказать.

— Так выглядят ваши склепы? Для вашей знати? — спросила я у нее.

— Нет. Они не такие, — она покачала головой, и мои губы тут же дернулись в гневе. — Они... холодные, — быстро сказала она. — А это место проще, но оно настоящее. Склепы знати изрезаны их объемными портретами. Лица, руки, все из мрамора. И напоминают музеи, а не склепы, — она криво улыбнулась. — Это не место, куда ходят горевать. Это место, где запугивают. Себя чувствуешь маленьким, но здесь... здесь себя чувствуешь частью чего-то.

Она кивнула себе странным способом и вышла из склепа, оставив меня с семьей. Я шагнула, коснулась диска с именем отца, когда она снова появилась на пороге.

— Лошади беспокоятся, — сказала она. — И дым пахнет все сильнее. Будто что-то рядом горит.

Я пошла за ней. Ветер сменил направление, слабый запах дыма стал сильным, ударял нам в лица резкими порывами. Небо потемнело, близилась ночь, наступая без предупреждения, как бывает осенью. Луну уже было видно, она убывала, теряла свою полноту, и синий дым проносился мимо нее, и это привело меня в чувство.

— Нам пора, — я прогнала раздражение. — Скоро стемнеет.

— Где мы укроемся на ночь?

Я напряглась, но выбора не было.

— Тремейн близко, всего в двух милях, если ты хочешь в гостиницу.

— Там дом алхимика.

— И там родилась я. И Лиф, — она не ответила. — На закате врата закроют.

Димия посмотрела туда, где небо начало чернеть по краям, словно чернила растекались по бумаге.

— Тогда нужно торопиться.

* * *

Мы пошли в сгущающейся темноте к лошадям, они тихо возмущались, пока мы отвязывали их. Мы выехали, миновали тихое кладбище, легким галопом умчались в ночь, запах дыма становился все сильнее. В половине мили от стен города мы увидели источник дыма. Алым и оранжевым в темноте пылали останки одного из хранилищ на окраине деревни. Амбары, где лежали припасы на зиму, погреба с яблоками и грушами. Коровники и домики овец, конюшни, где прятали скот в холода. Все было сожжено дотла. В воздухе задержался дым, запах горелого сена и зерна. Жареного мяса. Горло сжалось, когда я подумала, что животные могли быть в своих загонах, когда начался пожар, они были в ужасе, попав в ловушку.

Димия с долей любопытства посмотрела на меня.

— Ты знаешь, чье это? — спросила она.

— Притвеллов. Друзей моего отца. Они разводили овец и коров для еды. Это была их еда на грядущую зиму, — я покачала головой.

— Похоже, тут уже ничем не помочь.

Я нахмурилась, глядя на останки здания. Руины все еще дымились. Почему никто не пытался потушить пожар? Если ветер раздует горящие угли, в деревне может загореться солома, а потом огонь легко распространится по Тремейну. Где люди? Где солдаты? Почему никто не спасает и не горюет?

Я повернулась к Тремейну, холодный страх расцветал во мне. Я ускорила лошадь, я слышала, как пони Димии топает позади меня. Запах дыма становился сильнее, и уши лошади прижались к голове, она остановилась, не слушаясь меня. Она бросалась в стороны и отказывалась двигаться. Пони Димии вырвался вперед. Димия цеплялась за его шею, он встал на дыбы, его ржание больше напоминало крик. Он пытался сбросить ее, и было видны белки его глаз.

Я спешила, чтобы помочь ей, но стоило это сделать, моя лошадь бросилась в сторону, откуда мы прибыли. Я смотрела в ужасе ей вслед. Димия заскулила, ее пони бросился ко мне. Он промчался мимо, и я схватила его за поводья и удержала достаточно долго, чтобы Димия успела съехать с его спины. И он тоже убежал, оставив мои пальцы красными и покалывающими, пострадавшими от впившейся в них кожи поводьев.

Димия прижалась к дереву, она была бледной и дрожала.

— Что с ними такое?

— Понятия не имею, — сказала я, но это было не совсем так. Моя лошадь была армейской, привычной к бою. Она могла убежать только от чего-то ужасного. И неестественного.

— Что теперь нам делать?

— Понять, что происходит, — сказала я с большей смелостью, чем ощущала. Я вытащила из-за пояса нож.

* * *

Мы нашли первое тело у ворот, ноги были согнуты под странным углом, а горло перерезано. Кровь была темной, загустела, не выглядела свежей. Тук, вредный солдат, был пронзен своим же мечом, прикованный к стене, которую должен был защищать. Димия застонала, и я проследила за ее взглядом. Солдат, что соврал, чтобы я прошла через ворота, что подмигнул мне, свисал с вершины башни. Один его голубой глаз был открыт. Другой

пронзила стрела, и я отвернулась, молясь, чтобы стрела была не его, и чтобы смерть его была быстрой. Я не знала его имени.

Димия взяла меня за руку, и я сжала ее ладонь крепче, когда мы вошли, осторожно минуя павших людей. Впереди, в стенах города, горели огни. Мы шли медленно по торговому кварталу, туниками закрывали носы и рты, глаза слезились от дыма. Свет огня был довольно ярким, чтобы мы увидели разрушения на главной площади.

Все пропало. Каждый магазин — пекарня, лавка с мелочами, главный магазин — стал черной оболочкой, едкий дым исходил от них. Аптека стала развалинами, окна торчали, как оставшиеся зубы, дверь исчезла, все внутри было темным, как в пещере. Дом правосудия был дымящейся грудой камней, золотые кирпичи почернели, потрескались, стекло отражало оставшееся пламя. Зелень деревни была затоптана и вырвана, ямы на земле выглядели как шрамы.

Люди лежали неподвижно среди обломков, руки были вскинуты, ноги исчезали в гудах камней. По их телам было понятно, что без толку искать, кому можно помочь, никто из лежащих вот так не поднимется снова. Что Кэрис сказала — смерть любит смелых? Смерть любит всех одинаково. Зеленые туники солдат, лишенных оружия, красная и синяя шерстяная одежда местных. Мои друзья. Соседи. Я боялась смотреть на лица, отворачивалась, чтобы никого не узнать. Димия сжала мою руку, я посмотрела на нее, слезы расчищали дорожки среди сажи на ее щеках.

Мы бесшумно шли по площади, а оттуда направились к кузне и району из кирпича. Я прислушивалась к голосам, отчаянно надеясь, что хоть кто-то выжил. Мы миновали дома, что были опустошены, двери были сорваны с петель, окна на первых и вторых этажах разбиты. Вещи были разбросаны, казалось, что великан прошел, поднимая дома, встряхивая их, а потом бросая на землю. Медные котелки, сломанные горшки, деревянные стулья, кровати были разбиты или погнуты, ничего не осталось целым, все было разорвано и разрушено с ужасающей тщательностью.

Я заглянула в дом, где жил Кирина. Я увидела внутри тень и отвернулась, прикрыв рот.

— Ты их знаешь? — тихо спросила Димия. — Здесь есть твои люди?

Мои глаза расширились, я отпустила ее руку и побежала, спотыкаясь о вещи, разбросанные по земле. Я ощутила, как рассекла левое колено, как камни впивались мне в ладони. Мне было все равно. Я встала с усилием на ноги, прошла мимо таверны, внутри ее оболочки все еще раздавался треск, пылали брошенные бочки с алкоголем. Легкие горели от дыма и усилий, ноги едва могли двигаться, но я не останавливалась. Они жили на краю, возле часовой башни. Это далеко. Они должны были уцелеть.

И дома их выглядели нетронутыми. Но потом я увидела, что дверь свисает, а внутри — тьма.

— Не надо, — сказала Димия, но я пошла туда, оттолкнула ее и оставила позади, приближаясь к дому.

Я подошла, сердце колотилось в груди. Я увидела у кухни огонек. Надежда вспыхнула во мне, и я бросилась к порогу.

— Лирис? — тихо позвала я. — Кэрис?

Свет стал ярче, владелец свечи подошел ближе.

Он не был мне другом.

Темноволосый мужчина стоял передо мной, зубы его были такими же черными, как и волосы, в другой его руке был нож. Я яростно закричала и взмахнула ножом, он бросил в

меня свечу, горячий воск залил мою ладонь, и я выронила оружие.

— Тут девушка! — крикнул он, я развернулась и побежала.

— Беги! — закричала я испуганной Димии, и она послушалась, подняла юбки и побежала.

Я схватилась за нее, пробежав рядом, и мы помчались прочь от фермы, колени болели. Я оглянулась и увидела других людей, бородатых, худых и вооруженных до зубов, они выбегали из коровников и дома, как муравьи из муравейника. Их руки были красными от крови, и я крепче схватила Димию, таща ее за собой.

Я вела нас по площади, надеясь, что в лабиринте улиц торгового квартала они нас упустят, мы бежали по узким переулкам влево, потом вправо, спотыкались об обломки и вещи, дым слепил нас. Где-то за нами раздавались голоса, эхо шагов заставляло нас двигаться быстрее.

Когда мы вырвались на площадь, я ускорила шаги, все силы направив на то, чтобы миновать ее быстрее, мы направлялись в район гильдии, где можно было забраться на стены и спрятаться. Мы пробежали половину пути, когда Димия закричала и заставила меня остановиться.

Из тумана, словно в кошмаре, вышел голем и преградил нам путь.

Я пыталась отпрянуть, но было поздно: его огромная рука вытянулась и схватила меня за руку, глиняные пальцы сломали мое запястье.

— Эррин! — завизжала Димия, он поднял меня в воздух, черные точки плясали перед моими глазами, рука, казалось, оторвется. Было так больно, что я не могла дышать. Он поднял меня на уровень головы, словно смотрел. Я свисала в его хватке и увидела краем глаза мужчин. Они остановились, некоторые смотрели на Димию, другие — на голема. Они пытались подобраться к Димии, но не хотели попасть под руку голема.

— Беги, — закричала я ей, голем развернулся, забирая меня с собой. Я полетела по воздуху, луна вспыхнула надо мной. Звезды зажглись в глазах, когда я ударилась о стену здания, что-то в спине с тихим хлопком треснуло. Через миг боль вспыхнула с такой силой, что я не могла даже кричать, задыхалась в агонии. А потом я уже ничего не чувствовала, я лежала на земле и смотрела в ночное небо.

Все почернело.

* * *

Проснулась я еще на земле. Я быстро моргала, слишком потрясенная, чтобы двигаться. Краем глаза я увидела вспышку, Димия появилась в поле зрения, она махала длинным деревянным шестом с горящим концом. Она стояла чуть вдали от меня, боролась с големом, который пытался обойти шест и дотянуться до нее. Не было видно мужчин, и я подумала, что меня оглушило, тишина была звенящей. У голема не было рта, Димия тоже не шумела, слышно было лишь шипение ее факела, когда он касался глины голема, и шорох ее сапог по земле, когда она уклонялась от атаки.

Она вонзила пылающий шест в руку голема, заставив его отпрянуть и пропасть из виду. А потом он бросился, и она отскочила в сторону, а я откатилась с пути.

Нет. Я не смогла откатиться.

Я пыталась пошевелить пальцами ног, коленями, бедрами. Не знаю, двигались ли они, но я их не чувствовала. Я не чувствовала ног. Не чувствовала ничего. Я была в агонии. Он бросил меня в стену здания. И треснула тогда моя спина.

Я сломала спину.

Глава 20:

Я услышала крики слева и заскулила беспомощно, сапоги пробежали мимо меня, я закрыла глаза, но заставила их открыться, старалась не кричать. Я просила ноги двигаться, но ничего не чувствовала.

— Туда, — закричала Димия, и в поле зрения появилась толпа, мужчины и женщины были с факелами, как у Димии, все атаковали голема. Димия сражалась вместе с ними, скалилась и толкала шест в его руку, которая пылала. Она хотела боя, она его получила. Люди присоединились к ней. У нее была своя армия.

Но я уже вряд ли буду ей аптекарем.

В третий раз она толкнула факел в протянутую руку голема, и в этот раз он замер. Димия и остальные осторожно отпрянули. Сначала ничего не произошло. А потом голем вдруг опрокинулся и не шевелился.

Димия посмотрела поверх его тела на меня. Она бросила факел и подбежала ко мне.

— Эррин? — сказала она и потянулась ко мне.

— Нет, — сказала я и попыталась улыбнуться ей, успокоить ее. — Не двигай меня. — У меня сломана спина.

— Нет, — она смотрела на меня. — Нет.

Я глубоко вдохнула и поняла, что ощущаю спокойствие.

— Слушай, — тихо сказала я. — Мою маму зовут Трина Вастел. У нее такая же болезнь, как у и алого варульва. В книге об этом есть. Ей помогло зелье под названием Эликсир жизни. Я думала, что ты — алхимик, что умеет делать Эликсир. Если мама будет получать зелье в ночи перед полной луной и во время ее, то с ней все будет в порядке. Иначе она тебя ранит. И если ты получишь немного... Прошу, найди ее. Прошу, помоги ей.

Димия кивнула, на меня капали ее слезы.

— И ты хорошо сражалась, — сказала я. — Я не думала, что ты такая. Но ты убила его. Хотела бы я...

Пальцы в перчатке обхватили ее плечи, и она отошла.

Вместо нее появился Сайлас Колби.

— Глупая ты, — сказал он, глядя на меня и кривясь. — Почему ты ушла без меня?

— Ты бросил меня, — сказала я, глядя в его янтарные глаза. — Анвин тебя видел.

— И ты его послушала? — Сайлас смотрел на меня, его глаза пылали. — Я бы не бросил тебя, — он покачал головой. — Не бросил, — повторил он.

— Нам нужно попасть внутрь, — сказал женский голос.

Он кивнул, но смотрел на меня.

— Я тебя подниму.

— Ты не можешь, — сказала та же женщина. — Сайлас, ее спина сломана. Это будет жестоко, — она понизила голос. — Она не перенесет этого.

— Она сможет.

Пауза, воздух словно рябил.

— Ты же не... — женщина появилась в поле зрения, темнокожая, темноволосая, в ее руках было по тонкому мечу, губы она недовольно сжимала. Ее глаза расширились, когда она посмотрела на него, намеренно игнорируя меня, и я поняла, что знаю ее.

— Я могу, — сказал он.

— Сайлас, она не одна из нас.

Он развернулся, и хотя я не видела его лица, то, как сжалась женщина, сказало мне все, что нужно было знать о выражении его лица. Он повернулся ко мне, на его белых ресницах были слезы.

— Все хорошо, — сказала я ему.

— Будет хорошо, — сказал он. Он не мигал, смотрел яростно вперед, пока осторожно запускал руки под мою сломанную спину. Я не чувствовала его руки, а он обхватил меня и прижал к груди. Я не любила боль, но так было хуже. Эта пустота. Я, казалось, могла улететь в любой момент. — Идем, — сказал он с напряжением.

Я смотрела на него, пока мы шли, но он глядел лишь вперед, тревожно поджав губы. Краем глаза я увидела, что рядом с ним идет Димия и смотрит на меня, и я слабо улыбнулась, и она смогла ответить мне тем же. Я скользнула взглядом по зданиям по бокам, мы вернулись в торговый квартал. Мы остановились у одного из домов, я снова увидела пересеченный круг, поняла, что мы у дома торговца солью. И снова вернулось надоедливое чувство. Я знала символ, пыталась понять, откуда. Из книги? Из уроков?

Мы пошли снова, миновали порог, и воздух становился холоднее, словно мы попали на молочную ферму. Но тут было темно, путь освещали факелы, и я чувствовала, что шаги Сайласа изменились, стали короче. Мы спускались.

— Где мы? — прошептала я.

— Тише. Отдыхай, — шепнул он, и я ощутила гул в его груди, пока он говорил. Я хотела сказать ему, чтобы он не скрывал ничего, но вдруг ощутила усталость. Я слышала, как открывают двери, а потом снова закрывают, и это повторялось столько раз, что я сбилась со счета. Я прикрыла глаза, и онемение сковало меня.

* * *

Наверное, я потеряла сознание, потому что в следующий миг я ничего не видела, и я уже не была в руках Сайласа, а лежала на спине. Я увидела каменный потолок. Я не чувствовала, на чем лежу, но по высоте казалось, что это какой-то стол. Комнату озаряли свечи в нишах в стенах. С потолка свисали сталактиты, их были тысячи, они были острыми, как иглы, белыми и блестящими. Мы были под землей.

Конечно, можно было обойти все королевство и не найти это место. Конечно, они погружали гостей в сон, а потом приводили сюда.

Мы были в Конклаве. Под Тремейном. Он был здесь. Вот что значил тот символ.

Алхимики. На двери и на могилах. И символ был в лунных татуировках Сайласа: круг, пересеченный линией в центре. Символ алхимика. Все это время он был у меня под носом.

— Прочь, — приказал Сайлас незнакомым людям, и я слышала, как они ушли. Женщина, что возмущалась ранее, ушла последней. Я увидела ее, когда посмотрела в сторону, ее плечи были высоко подняты и напряжены. Осталась только Димия, она нервничала и смотрела на что-то позади меня.

— Тебе нужен Эликсир, — тихо сказала она. — Без него ты... — она замолчала и поджала губы.

Я посмотрела на нее.

— Но ты сказала, что ты не алхимик.

— Она и не алхимик, — сказал Сайлас слева от меня, и я посмотрела в его сторону.

Рядом с моим столом стоял другой, и он был за ним, ставил треногу на кусок шифера. Мое сердце забилось быстрее, когда он поставил под нее металлическую мисочку, а на

вершину другую, тонкую, блестящую в свете свечи. Я смотрела, как он достает щипцы, стеклянные флаконы с порошками и листьями, два глиняный горшочка, сверток бумаги, что зашуршал по грубому дереву стола, когда он опустил его, пипетки, ложки и керамические палочки для помешивания. Я раскрыла рот и уставилась на него.

— Это ты? — сказала я. — Ты зельеварщик?

Он кивнул, но не смотрел на меня, а продолжал расставлять предметы. Ничего особенного я не видела, такие предметы были и в аптеке, но в таком месте видеть это было странно, и трепет чего-то, похожего на страх, пробежал по коже моей головы.

— Все это время это был ты? — спросила я, и он снова кивнул. — Но девушка...

Его янтарно-золотые глаза посмотрели на меня, и я притихла. Он словно видел меня насквозь, читал меня, и хотя моя кожа пылала, я не вздрогнула и не отвела взгляд.

Он первым отвернулся.

— Что ты чувствуешь?

Я закрыла глаза, пытаюсь оценить состояние тела.

— Ничего, — сказала я, открыв глаза, голос вырвался всхлипом.

Он глубоко вдохнул.

— Попробуй пошевелить носками, — попросил он.

Я сосредоточилась на этом, он пристально смотрел на меня, а потом покачал головой.

— Пальцами?

Я попыталась, и он выдохнул и взглянул на кивнувшую Димию.

— Они двигались? — спросила я с надеждой.

— Мизинец, — сказала Димия.

— Еще раз, — сказал Сайлас, и я послушалась. Он кивнул, и от облегчения у меня закружилась голова.

— Хорошо. Это хорошо, — сказал Сайлас, но его руки в перчатках закрыли лицо, не сочетаясь с его словами.

Когда он убрал ладони, то посмотрел на них, глубоко вдохнул, и с этим вдохом комната словно стала меньше, словно он втянул ее в себя. Воздух стал напряженным, окутал меня, как вуаль, и волосы на моей шее встали под шерстью моей туники. Это я чувствовала.

— Готова? — спросил он. — Может не сработать. Я никогда... Не с таким большим. Но попробовать стоит.

— Спасибо, — прошептала я.

Он кивнул и приступил к работе, откупоривал склянки, разворачивал свертки, смотрел на весы. Когда он снова взглянул на меня, я улыбнулась, и он кашлянул.

— Начнем, — он открыл квадратик воценой бумаги, отмеченной кругом, пересеченным линией, и я вскрикнула. — Что? — спросил он, тревога пробилась сквозь его привычный тон, он просыпал белые кристаллы из пакетика на стол.

— Это соль?

— Да, — он смел просыпавшуюся соль на руку. — А что?

— Это не давало мне покоя. Я видела символ. Понимала, когда мы пришли, что это что-то из алхимии. Но не знала, что это была соль. Великий очиститель.

Он шумно выдохнул и насыпал белые кристаллы на бронзовые весы, балансировал их, пока не кивнул.

— Соль отсюда. Кристалл, что формируются, когда вода протекает сквозь камень. И она блестит там, — он указал на сияющий потолок, а потом высыпал соль в ступу и начал толочь

ее. — Сал Салис. Отличается от морской соли. Таковую в еду лучше не добавлять. Поверь, я понял это жестоким образом, — он закатал рукава туники. Я видела, как напрягаются его мышцы, пока он работает, и, несмотря ни на что, было увлекательно смотреть, как они двигаются, пока он превращает соль в порошок, а потом добавляет в миску. — Разожги, пожалуйста, огонь, — сказал он, выведя меня из транса.

Димия появилась рядом с ним, улыбнулась мне и чиркнула огнивом. Я ощутила укол зависти, когда увидела, как она работает рядом с ним. Я хотела быть частью этого.

Я молчала, а он говорил ей, что передать ему. Я следила, как он добавляет это в миску, пытаясь называть травы, растения, порошки, вещи, что я знала, и что никогда не видела, и о существовании которых и не догадывалась. Бархатцы, вьюнок, ангельская вода, тоник алхимика, листья лавра, мандрагора, ипомея, кора тиса, пшеница. Названия крутились в моей голове, и я пыталась все запомнить.

Смесь грелась, странный травяной запах исходил от нее, и я сморщила нос.

— Будет намного хуже, — Сайлас пропал из поля моего зрения. Когда он вернулся, он принес два глиняных горшочка, он заглянул в миску и поставил горшочки рядом. — Почти, — сказал он скорее себе, чем нам с Димией. Он придвинул горшочки, и я увидела на них символы.

На первом был треугольник с крестом на его основании, и оттуда он вытащил ярко-желтый камень. Из второго, отмеченного кругом в короне, он вытащил красный камень. Он поставил каждый камень в плоское медное блюдо с такими же символами, как на горшочках, и поставил их перед треногой.

— Тебе пора уходить, — он посмотрел на Димию, она неохотно кивнула и посмотрела на меня.

— Скоро увидимся, — сказала она, подошла и коснулась моей руки. Показалось, что я это ощутила. Я улыбнулась ей, и она ушла. Я повернулась к Сайласу.

Он вытащил тонкую свечку, маленький тупой нож, стеклянный инструмент в форме дудочки и хрустальный флакон с плоской металлической подставкой и расставил их перед собой. Он делал это так отточено и уверенно, что я злилась, что не могла сесть и все рассмотреть. И тут я осознала, что вижу настоящую алхимию. От начала и до конца. Не результат после погружения в сон, а, возможно, последнего зельеварщика, делающего Эликсир на моих глазах.

Сайлас громко выдохнул, нарушив мои размышления. Он молниеносно зажег свечу от огня под белой миской и этой свечой зажег красный и желтый камни. В комнате тут же запахло металлом и серой, и я хотела закрыть нос. Он поднял белую миску руками в перчатках и вылил содержимое в хрустальный флакон. Он прижал тонкий стеклянный инструмент к флакону и держал над дымом красного камня, и я смотрела, как дым проникает по тонкой трубке во флакон, где он вступил в реакцию и осел на дно кроваво-красной жидкостью. Когда красный добрался до половины, он остановился и повторил процесс с желтым камнем. Желтый слой был тяжелее красного и опустился на дно флакона.

Когда места для других капель не осталось, он отставил флакон, отсоединил трубку и закупорил его. Не слушая мой вскрик, он левой рукой в перчатке потушил желтый, а потом красный камни. От них и его перчатки поднялся дымок.

Он встряхнул флакон, не обращая внимания на боль, и жидкость внутри стала бледно-розовой.

Он решительно сжал губы, нахмурился и посмотрел на меня. Глядя на меня, он снял

перчатки и положил на стол. Глаза его пылали, он взглянул на свои руки, и я сделала так же. И я вскрикнула, забыв о спине, забыв обо всем.

Каждый палец на его левой руке был черным. Большой палец еще был розоватым, как и вся правая рука, но левая была цвета бездны.

Я не могла отвести взгляда, это было неправильно.

В его горле раздался тихий звук, он смотрел на меня, а я — на его руку. Я пыталась найти слова — хоть какие-то — чтобы спросить, что это, но они пропали. Вместо этого мой рот раскрылся, лицо исказилось, наверное, в ужасе.

Он увидел это и замкнулся. Он опустил взгляд и вернулся к работе. Открыв флакон, он осторожно наклонил его, пока одна капля зелья не оказалась на кончике его левого большого пальца. Он опустил флакон на железную подставку.

Он поднял ножик и чиркнул им по пальцу там, где была капля Эликсира. На миг кровь на ране была красной, а потом превратилась в жемчужно-белую, коснувшись Эликсира. Он склонил палец, и белая капля упала во флакон, поверх бледной жидкости появился блеск цвета слоновой кости.

Я посмотрела на его большой палец и успела увидеть, как он почернел. Кожа менялась, тьма растекалась по нетронутому участку кожи на его руке. Она поднялась к его запястью, остановившись так, что эта тьма стала ужасным подражанием перчатки, что он снял. Мне стало не по себе.

Он подошел ко мне с флаконом Эликсира в здоровой руке, но я смотрела на другую. Он положил почерневшую руку под мою голову, и холод проклятой кожи был шоком, он поднял мою голову и вылил все содержимое флакона мне в рот. У зелья был металлический привкус, я посмотрела на него со страхом и жалостью.

Он взглянул на меня, и взгляд его казался старше.

— Проглоти, — сказал он, и я послушалась. Он опустил мою голову и отошел, а потом вернулся со вторым флаконом, от которого пахло маком.

Этот я выпила, не мешкая, ведь хотела забвения.

Последним я помнила, как он снова подхватил меня. Он был в изорванных и обгоревших перчатках, закрывающих пострадавшую плоть.

* * *

Мне снился сон, но я знала, что это так, и за ним я чувствовала боль в теле, где-то в пояснице срастались кости. Понимание, что я во сне, не казалось важным, понимание ускользало от меня, едва я задумалась об этом. Я оказалась на краю комнаты с высоким потолком, большими стеклянными окнами и плиткой на полу. Я никогда здесь не была, но понимала, что это богатое место. Самым удивительным в комнате был мужчина из серебра на троне, вырезанном из золота.

Спящий принц.

Я ждала, что меня охватит ужас, скажет мне бежать, но этого не было. Я не могла разглядеть его черты, только золотые неподвижные глаза. Он поднял голову и увидел меня. Он мягко улыбнулся с одобрительным видом. Я была в длинном красном платье, похожем на мантию, из мягкого бархата, похожего на кожицу персика, когда я потерла его пальцами. Он протянул руку ко мне, и я пошла к нему без страха. Он обхватил мое лицо руками и заправил волосы мне за уши.

— Ты здесь, — сказал он, и его голос был светом солнца, медом, теплым и насыщенным. — Я очень рад.

Голос Сайласа был хриплым и острым, каждое слово было предупреждением, а этот голос был гладким, бархатным и манящим. У него были золотые глаза, как у Сайласа, такие же белые волосы, хотя его были длинными и сияющими. У него были такие же высокие скулы, он тоже был странно бледным. И его губы так же игриво изгибались.

— Я думала, что ты — Сайлас, — сказала я. — Все это время я так думала.

— Кто такой Сайлас?

— Мой друг. Он... спас меня.

— Да? Как?

— Твои монстры сломали мне спину.

— Ах, это была ты. Я не знал. Как им не стыдно. Я накажу их потом за это.

— Он сделал Эликсир. Исцелил мою спину.

— Как интересно, — сказал Спящий принц. — Значит, это мужчина? Очень интересно.

Скажи, милая, вы все еще в Тремейне? Ты и твой друг.

— Мы прячемся. От тебя.

— Ты не спрячешься от меня, любимая.

Он прижался губами к моему лбу, я чувствовала, как его губы изогнулись на моей коже, он улыбнулся, и по моему телу растеклось тепло.

Он отклонился, глядя на меня голодными глазами, и мои начали закрываться в предвкушении его поцелуя.

Вместо этого он вонзил руку мне в грудь, разрывая платье, ломая мне ребра, пока мое сердце, еще бьющееся, не оказалось в его груди. Я начала терять сознание, а он поднес сердце к улыбающимся губам и лизнул его, попробовав на вкус.

— Нужно больше соли, — он улыбнулся.

Глава 21:

Я закричала, проснувшись, руки впились в грудь, я была убеждена, что там дыра. А потом я перекатилась, меня тошнило, но ничего не выходило. Я прижалась к подушке, приступ прошел, и я наслаждалась холодом ткани, царапающей мою разгоряченную кожу, и ждала, пока сердце успокоится.

Рука в перчатке нежно легла на мой лоб, я открыла глаза и увидела Сайласа над собой.

— Соль, — сдавленно сказала я. Сон таял, но оставил неприятный привкус. И тут я вспомнила голема, треск в спине. Алхимию.

Я села.

Я смогла сесть.

Меня охватила радость, я взглянула на него, а потом проверила ноги, пошевелила пальцами ног. Я рассмеялась, смогла согнуть колени, качнуть бедрами, помахать руками. Повязку с моей правой руки убрали, и кожа на костяшках была ровной и новой. Сработало. Я была целой.

— Я исцелилась. Ты сделал это. Ты исцелил меня.

Он смотрел на меня без эмоций.

— Да.

А потом я вспомнила всю ночь, вспомнила, как тьма растекалась по его руке, поглощала его кожу, и содрогнулась.

Он тут же отвернулся.

— Я оставлю тебя отдыхать.

— Нет, прошу. Прости, — сказала я.

Он прервал меня, глаза его пылали, а губы кривились.

— Я не хочу тебя расстраивать, — его голос был подобен ножу.

— Нет. Просто... — я пыталась прогнать воспоминание и смягчить тон. — Сайлас...

— Не надо. Я не хочу твое сочувствие.

— Нет. Конечно, нет, — я сглотнула, успокаивая себя. — Скажи хоть, это больно?

Он медленно выдохнул, сделал два шага по комнате и опустился на деревянный стул.

— Это не больно, — сказал он сухо, слова были полны осколков стекла, царапающих мою грудь изнутри.

Он склонил голову, и я смотрела, как он разглядывает потрепанные перчатки, и порой было видно потемневшую кожу.

— Что это?

Он долго молчал, смотрел на свои руки, а я ждала, покачивая носками, радуясь, но и ощущая вину.

— Это не заразно, если это тебя тревожит.

— Нет, — сказала я, повысив голос, вдохнула и заговорила осторожнее. — Сайлас, прошу. Я аптекарь. Я видела... болезни раньше.

— Это не болезнь.

— Тогда что...

— Это проклятие, — рявкнул он, глядя на меня. — Проклятие зельеварщиков. У всех алхимиков есть проклятие. Это — мое. И называется оно Нигредо.

— Это... пропадет? Лечится? — я старалась говорить ровно, отгоняя страх.

— Если бы у меня был Эликсир, да. Тогда это снова была бы нормальная кожа.

— Ты можешь сделать еще? — спросила я.

— Могу. Но на мне он не работает. И никогда не работал. Я мог бы использовать Эликсир других зельеварщиков. Конечно, и они борются со своим Нигредо. Пока я не даю им свой Эликсир... Понимаешь проблему?

Я кивнула, промолчав. Он склонил голову и принялся играть с перчатками, опустив плечи, и я хотела подойти и обнять его. Но знала, что он не позволит, потому замерла, позволяя тишине строить стену между нами, пока молчание не стало невыносимым.

— Почему? — спросила я. — Почему так происходит? Я о проклятье.

Он медленно поднял голову, словно забыл, что я здесь. А потом безрадостно улыбнулся.

— Алхимия, Эррин. Какой у нее принцип? Какое главное правило? Что говорят в учебниках?

— Превращение. Превращать основные металлы в другие вещества, — сказала я. — Но ты человек.

— А в венах человека кровь, полная железа... — медленно сказал он, и мой рот от ужаса раскрылся. — Каждый раз, когда алхимик исполняет превращение, часть его меняется, и никто не знает, какая именно. Ногти, уши, легкие, сердце... — он замолк.

Я открыла рот, чтобы спросить, изменялся ли он где-то еще, но он покачал головой.

— Только моя рука. Пока что. Но будет хуже, я уверен. Если я продолжу.

— Тогда нужно остановиться, — что-то мелькнуло на его лице, но я не успела понять, что это. — Это того не стоит, — сказала я. — Ты мог умереть. А если в следующий раз это будет не рука, а твое сердце или легкие?

Он посмотрел на меня.

— Это спасло тебе жизнь. И может спасти еще многих.

— Но из-за этого умрешь ты, — он отвел взгляд. — Погоди. У всех алхимиков есть проклятье? И у Спящего принца? Когда он делает голема всякий раз, что с ним случается?

Сайлас покачал головой.

— Если бы.

— А почему нет?

— Ты знаешь, что Аурек и Аурелия были первыми алхимиками? Они родились с этим, у них были лунные волосы и золотые глаза, но никто не знал, что это значит. Когда им было по восемь, у Аурика пошла кровь из носа, капли попали на железные шарики, которыми он играл. И они превратились в чистое золото. С согласия короля проводили эксперименты, и они открыли, что кровь Аурика превращает основные металлы в золото, если коснется их, а еще, что ужасно, оживляет глину, если ее коснуться. Кровь Аурелии сначала ничего не делала, пока один настойчивый ученый не добавил ее кровь в воду и не выпил это. Он тут же заметил, что синяки пропали, а подагра унялась. Брали все больше крови, и те, кто пил это, исцелялись от всего, что их тревожило.

Я скривилась от отвращения, но не была удивлена.

— Я же рассказывал, что у Аурика было много детей, и их растили во дворце? Они пытались использовать кровь детей, надеясь, что они унаследовали дар, но ничего не получилось. Не сработало. Они пробовали с маленьким и большим количеством крови, но железо оставалось железом, а вода — водой. Они чуть не убили девочку, забрав у нее слишком много крови. Потому Аурелия забрала их, когда Таллит пал, чтобы люди перестали пытаться использовать их.

— О боги, — прошептала я, пугаясь того, что всплывало в воображении.

— Люди пытались использовать и кровь Аурика, пока он спал. Они брали у него кровь, но яд, что усыпил его, казалось, остановил и его силы. И Аурелия спрятала его тело и забрала детей. Она думала, что алхимия умрет с ней, и решила прожить тихо до конца. Но дети поняли, что могут делать кровь алхимической. Кто-то из них пытался сделать зелье, чтобы разбудить отца, и один из них случайно порезал палец, капля крови упала в миску. По легенде, пошли пузыри, дым, а когда все утихло, на дне миски был кусок золота. Они нашли способ быть алхимиками, как их отец. Но какой ценой.

— Нигредо.

Сайлас покачал головой.

— Проклятие аурумщиков зовется Цитринитас. Как и Нигредо, оно влияет на них физически. Но они превращаются в золото. Они могут сделать столько золота, сколько пожелают, и каждый раз часть их тоже будет становиться золотой, — он замолчал и склонил голову. — Я всегда думал, что им не повезло сильнее. Если Нигредо остановит мое сердце, его хоть никто не попытается вырезать из груди, чтобы продать.

Я закрыла руками рот.

— Аурелия была в ярости, — сказал он, продолжив рассказ. — Она пыталась помешать им делать это, но они потребовали право выбора, и она сдалась, сказав, что с девятнадцати лет они смогут решать за себя. Она запретила все другие формы экспериментов, боясь того, что может получиться. И кто мог винить ее после того, что она видела в Таллите? Сестры поддержали это правило. Отсюда и неспособность делать свои яды. Мы можем создавать Опус Магнум, только его. Нас никогда не учили.

Я повторила беззвучно «Опус Магнум», а он продолжал:

— Аурелия вышла замуж, у нее появились свои дети, и она предложила им такой же выбор, — он посмотрел на свои руки. — Аурелия не знала, что за проклятие будет у них, но вскоре стало ясно, что оно отличается от Цитринитаса. Мы не знаем причину этого, но что-то в крови отличается от Аурика и Аурелии. Вся современная алхимия начинается с одинакового базового зелья, делаешь ты Эликсир или золото. Разница в крови.

— О, Сайлас, — выдохнула я, голова кружилась. — Так зелье, что ты зовешь Эликсиром, придумали, чтобы разбудить Спящего принца?

— Изначально, да. Ты знаешь выражение «клин клином вышибают»? — спросил он, и я кивнула. В аптеке его использовали часто. То, что ранило, могло лечить в правильных дозах. — Они сделали то, что ты пыталась с Эликсиром. Разобрали остатки яда из флакона, найденного в комнатах крысолова. Они разложили его на составляющие: соль, ртуть, серу и остальное, и экспериментировали. Они думали, что это разбудит его, а он, проснувшись, восстановит Таллит.

— Они этого хотели?

— Такой была их цель. Поднять Спящего принца, восстановить Таллит, перестать прятаться и вернуться домой.

Я не успела задать вопрос, занавеска отдернулась, и темнокожая женщина появилась в проеме. Я вспомнила ее имя — Ниа, дочь торговца солью. Мы покупали соль для аптеки у него, и она ее доставляла.

Она смотрела не на меня, а на Сайласа.

— Твоя мать здесь.

Он кивнул.

— Спасибо, Ниа. Скажи ей, что я скоро буду.

Ниа вскинула брови, но промолчала и покинула комнату, занавеска качалась после ее ухода.

— Я ее знаю, — сказала я. — И я думала, что нравлюсь ей.

— Она забавно относится к чужим. Интересно, если учесть, что она не алхимик, а супруга.

— Ее муж — алхимик?

— Жена.

Я попыталась представить женщину-алхимика с серебряными волосами и янтарными глазами. Так должна была выглядеть Аурелия.

— А это Конклав.

— Добро пожаловать.

— Я жила над ним всю жизнь.

Он кивнул.

— Да. Кстати, я слышал о твоей маме. Мы вернем ее. Она будет здесь невредимой. Я сдержу обещание. Я всегда выполняю обещания.

Я чувствовала себя ужасно виноватой за все: за шантаж, за недоверие. И за то, что попросила его впустить сюда мою маму, хоть он и не знал, чем она стала. Он заслуживал знать.

— Ты просил объяснить, — сказала я. — И я соврала. Насчет матери, — он посмотрел на меня. — Она не просто подавлена горем. Царапины на ее руках. Я думаю, что на нее напал алый варуль. Обратил ее.

— Что?

— Алый...

— Я знаю, что это, — тихо перебил он. — Этого не может быть. Это сказка, Эррин.

— Да, но так мы думали и о Спящем принце, но ошиблись.

— Алый варуль — просто сказка. Это я знаю.

— Нет. Ты не знаешь, какой она бывает. Это она сломала мой зуб, — я отодвинула языком губу, чтобы показать ему и напомнить. — Ты видел ее глаза, они были красными. И руки как когти. Сайлас, в полнолуние она пытается мне навредить. Что-то случилось в лесу, и я думаю... нет, я знаю, что это было. Только это все объясняет.

Он вздохнул.

— Эррин, я видел твою маму. Я дважды сидел с ней. Обещаю, она не чудище из книжки, она печальна и потеряна. Знаю, тебе было сложно в Алмвике...

— Не опекай меня, — рявкнула я.

— Я не опекаю. Правда. Знаю, тебе было сложно мириться с ее поведением, ведь на тебя много свалилось, и ты искала этому объяснения, особенно, когда она не реагировала на твои лекарства.

— Забудь, — я свесила ноги с кровати, и он вскинул руки.

— погоди. Прости. Я тебя выслушаю, — я не двигалась, и он продолжил. — Слушай, мы освободим ее и приведем сюда, а потом посмотрим, хорошо? Мы вернем ее до наступления следующего полнолуния и посмотрим, что можно сделать. Если Эликсир поможет, то, так и быть, я сделаю его для нее.

Я посмотрела на его руки в перчатках, на груз, того, что он предлагал, как я и просила. Его жизнь в обмен на мамину.

— Я тебе не позволю, — сказала я так тихо, что он мог меня не услышать.

— Я пообещал, — вдруг сказал он, глядя на меня. — Когда я рос, я видел, как отец истязал себя, чтобы спасти жизни. Каждый раз в нашу дверь стучали, и я боялся, что кто-то пришел просить помощи. Два года назад его позвали помочь, он пошел делать Эликсир. И Нигредо остановило его сердце.

Я закрыла руками рот, что сам открылся под ними.

Он опустил голову.

— Это не убило его сразу. Я сделал Эликсир, чтобы исцелить его. Это... был мой первый раз. И он не сработал, было слишком поздно. Эликсир может исцелить все, но не может завести мертвое сердце. И потом... стучать начали мне. И я понял, что тоже не могу отказать. Как, если мой отказ может означать смерть или много страданий? И я решил. Никакого брака. Никаких детей. Никаких отношений. Я поклялся в верности Сестрам. Так я никогда не поставил бы жену в положение своей матери, чтобы она не смотрела, как я убиваю себя, чтобы спасти других. И чтобы дети не беспокоились, умру ли я, если сделаю Эликсир. И чтобы не заняли потом мое место.

— Сайлас...

— Когда я увидел тебя, лежащую там, я не думал. Даже если бы Нигредо забрало мое сердце, я бы сделал это. С радостью, — он встал и пересек комнату, и почему-то на три шага ко мне ушло очень много времени. Он опустился передо мной на колени, его руки легли на мои колени. — Я не мог потерять тебя, Эррин. Я бы этого не пережил.

— О чем ты говоришь?

Он посмотрел на меня и сглотнул. Я проследила за этим и встретила с его взглядом.

— Я не знаю, — прошептал он.

Я медленно взяла его за руки, сняла перчатки и коснулась черной кожи, переплела свои пальцы с его. Он закрыл глаза, и я смотрела на него, его белые ресницы и высокие скулы. Его кожа порозовела, губы приоткрылись. Я поняла, что его руки дрожат, и легонько сжала их. Он открыл глаза, и его зрачки были огромными и черными в центре золота, мое сердце трепетало, как птица. Когда он склонил голову, все во мне сжалось.

— Сайлас, твоя... ой, — мы развернулись, на пороге стояла красная Димия. — Простите, это твоя мама.

— Что с ней? — спросил он, звуча недовольно, как я себя и ощущала.

— Я тебя жду.

За Димией появилась женщина. Она была высокой и тонкой, а лицом напоминала сокола. Она была в длинной мантии с рукавами в форме колоколов. И хотя мантия была черной, с коротким плащом, когда она уперла руки в бока, я заметила золотую вышивку на рукавах. Прическа оставляла ее лицо открытым, водопад волос закрывал ее шею и голову, но на лбу волосы были уложены волной. Она повернулась к Димии, и я увидела, что ее капюшон такой же, как и все здесь, треугольный.

Она уставилась на нас.

— Я тебя предупреждала, — сказала она, глядя на Сайласа. — Я говорила, что ты слишком юн, но ты не слушал. Ты настаивал, что знаешь себя.

— Матушка, прошу, — сказал Сайлас, взяв меня за руку.

— Ты поклялся жизнью Сестрам, Сайлас. И ты ответишь им.

Глава 22:

Мы прошли за ней по коридорам в тишине. Сайлас шел передо мной, оглядываясь с задумчивым видом, а Димия — позади меня. Коридор, по которому мы спускались, был шире, чем я ожидала, тут могла проехать небольшая карета. Стены были из камня, мерцающего солью, озаренного свечами. Такое количество свечей стоило дорого, но потом я вспомнила, кто здесь жил.

— Это построил Конклав? — спросила я, чтобы нарушить давящую тишину, вздрогнув, когда голос отразился эхом. Я думала, что шепчу.

— Мы думаем, что это осталось от подземной реки, — ответил мне Сайлас. — Ее тут давно нет, но следы остались. В полу и стенах остались окаменелости. Ниже есть пещеры, что мы еще не осматривали, и их очень много.

Земля была пыльной, но гладкой, чуть вытопанной в центре, где за годы прошло много людей. Колонны сталагмитов выглядели так, словно были сделаны из воска, и я касалась их пальцами, пока мы проходили, а потом потерла пальцы, удивляясь тому, какими мягкими они казались.

Мы завернули за угол в проход теснее, в конце была большая красная занавеска. Мать Сайласа отодвинула ее, чтобы мы вошли.

— После вас.

Комната была пещерой, в которой стояли три деревянных стола со скамейками по обе стороны. Два крайних стола были полны людей, большинство были с белыми волосами и золотыми глазами, но были и нормального вида темно- и светлокожие люди, старые, юные, мужчины и женщины, поколения алхимиков и не алхимиков. Не меньше пятидесяти пар глаз

посмотрели на нас, когда мы вошли, и никто не был рад, лица были каменными и холодными, как сама комната.

За центральным столом сидели четыре фигуры. Каждая была в такой зловещей мантии, как и у мамы Сайласа. Сестры Нэйт.

Я сглотнула, Димия шагнула ближе ко мне. Я оглянулась на нее. Ее лицо было бледным, от этого проступили ярче веснушки. Сайлас слева от меня вздохнул, и я на миг коснулась его руки в перчатке.

— Садитесь, — приказала мать Сайласа, и я последовала за ним к центральному столу. Димия держалась возле нас. Никто не улыбался, не приветствовал нас. Вместо этого взгляды скользили по Сайласу, мне и задерживались на Димии.

В конце центрального стола было место, там мы и сели. Краем глаза я заметила, как Ниа шепчет что-то на ухо беловолосой женщине, сидящей рядом с ней.

Мать Сайласа подошла к нам и встала возле своего сына.

— Мы еще не представились, — сказала она, глядя на нас с Димией. — Я — Сестра Надежда из Сестер Нэйт. С нами сегодня Сестра Мудрость, Сестра Мир, Сестра Честь и Сестра Смелость.

Каждая по очереди кивала, но дружелюбным их поведение назвать нельзя было. Сестра Мир даже скривила губы.

— Я Эррин... — начала я, но замолкла, когда справа раздалось шипение. Я повернулась и увидела море смотрящих на нас лиц, вздрогнула, когда встретилась с их холодными взглядами.

— Мы знаем, кто ты, Эррин Вастел, — голос Сестры Надежды был строгим.

Я посмотрела на Сайласа, склонившегося напряженно вперед и оглядывающего комнату.

— А ты, конечно, Твайла Морвен, дочь Амары Морвен, — продолжила Сестра Надежда, хоть и намного теплее. Я посмотрела на ту, к которой она обращалась, и обнаружила Димию. — Мы искали тебя.

— Что? — я перевела взгляд с Сестры Надежды на Димию.

— Наследница Пожирательницы грехов, ранее Донен Воплощенная.

От ее слов по комнате прошла дрожь, и я вспомнила. Донен Воплощенная, живая богиня. Пропавшая.

— Это ты? — сказала я, стараясь связать изображение сражающейся с големом девушки с тем, что я знала о невинной девушке, которой суждено было выйти за принца. Мертвого принца. Ох. Конечно, она так расстроилась, она должна была стать его женой. — Но ты сказала, что ты Димия, — сказала я, и все снова зашептались. — Ты сказала, что не знаешь, о чем я, когда я упомянула, что тебя ищут алхимики.

— Она не знает? — Сестра Надежда посмотрела на Димию, потом Сайласа и меня.

— Нет, — заявила Димия, глядя на Сестру Надежду. — Нет, — она повернулась ко мне. — Клянусь, я не врала. Я не знала, что они меня ищут. Я объясню, почему обманула тебя. Но наедине. Прошу. Прошу.

Ее руки были сцеплены перед ней, взгляд ее был умоляющим, и я кивнула.

Димия — Твайла — закрыла благодарно глаза и повернулась к Сестре Надежде.

— И? Зачем вы меня искали?

Губы Сестры Надежды дрогнули, словно ее слова были горькими.

— Это тебе расскажет твоя мать.

— Мама?

— Она в пути. Уже была в пути еще до того, как мы узнали, что ты здесь, словно судьба подсказала ей. Она объяснит, это ее долг, — лицо Сестры Надежды было мрачным, немного злым и похожим на лицо Твайлы, она хмурилась.

Ее слова напомнили мне о моем долге. Я посмотрела на Сайласа, вскинула брови и губами сказала ему: «Моя мама.

Он кивнул и повернулся к Сестре Надежде.

— Маму Эррин забрали в приют в Трессалине. Она в депрессии от горя. Я помогал ей. Кто может забрать ее и привести сюда?

— Никто, — сказала Сестра Мудрость, что молчала до этого. — Кого из нас это тревожит?

Сайлас вскинул брови.

— Меня.

Сестра Надежда посмотрела на него.

— Мы не можем сейчас никого послать пересекать Трегеллан.

— Тогда я пойду сам.

— Сайлас, — предупреждение.

— Я обещал ей...

— Чего стоят твои обещания, брат Сайлас? — тихо сказала Сестра Мир. — Ты даже клятвы не держишь.

— Довольно! — рявкнула Сестра Надежда, мы вздрогнули. Сайлас смотрел на стол, а я прожигала взглядом Сестру Мир, которая смотрела в ответ спокойными карими глазами. Не алхимик. Никто из Сестер не был алхимиком. — Оставьте нас, — приказала Сестра Надежда алхимикам за другими столами.

Они не возражали, тут же встали и покинули комнату. Ниа шла последней и посмотрела на меня с ненавистью. Что я ей сделала?

— Ты понимаешь, какой ущерб нанес? — Сестра Надежда повернулась к Сайласу, оскалила зубы, когда остались только мы и Сестры. — Плохо выдать чужаку наши секреты, но сказать ей... Ты мог все разрушить, и все еще можешь. Время покажет.

— Отец рассказал тебе наши секреты. Ты тоже была чужаком. Не вижу проблемы.

— Ты знаешь, что я не это имела в виду.

— Кто-то объяснит мне, что происходит? — спросила я. — Простите, если вы расстроены из-за моего... нашего... Я не знала, что он монах, когда это началось, и я не хотела навредить. Не беспокойтесь, я ни за что не предаю вас. Поверьте, я умею хранить секреты. И мне бы стоило рассказать...

— Что? — Сестра Надежда повернулась ко мне, ее глаза пылали. — Что за секреты ты утаила, Эррин?

Краем глаза я увидела, как Сайлас качает головой.

— Я просто хотела сказать, что я не трусиха. Я не подставляю вас. Никого из вас. Ни за что.

— А если тебя поймут? А если тебя запрут в темной комнате без еды и воды, пока ты не заговоришь?

— Мама, — предупредил Сайлас, но я остановила его.

— Я знакома с голодом, — сказала я. Губы Сестры Надежды дрогнули, я, казалось, шагала в ловушку.

— Конечно. А если тебя будут пороть?

Я вскинула брови.

— Пару часов назад голем сломал мне позвоночник. Вряд ли теперь я боюсь порки.

Ее губы снова дернулись: потрясение, отвращение, я не знала точно.

— А если тебе вырвут ногти? — сказала она. — Сломают пальцы по одному молотком?

Я побледнела.

— А если будут клеймить раскаленным железом?

— Хватит... — прошептала я.

— А если они будут делать это не с тобой, а с Твайлой или твоими друзьями из Тремейна при тебе? А если это сделают с моим сыном? Или твоей матерью? А если сейчас люди ищут ее, зная, что так тебя можно сломать? На что ты пойдешь, чтобы спасти родню, Эррин? Как далеко зайдешь?

— Хватит! — закричала я, звук зазвенел в пещере.

Сначала все молчали. Сайлас смотрел на стол, сжав кулаки так крепко, что его костяшки, что были без Нигредо, побелели.

— Я люблю маму, — сказала я. — Я готова почти на все, чтобы спасти ее. Вы бы не поступили так, чтобы спасти Сайласа?

Она не ответила. А тишину нарушила Твайла.

— Мы уходим, — сказала она вдруг, отодвинув лавочку от стола. — Эти люди никак с нами не связаны.

— Я сказала, что ты никуда не уйдешь, пока не выслушаешь свою мать.

Твайла ударила ладонью по столу, и гул разнесся по комнате.

— Я устала от таких женщин, указывающих мне, кто я и что должна делать.

Сестра Надежда посмотрела на нее.

— Твайла, скоро ты поймешь, что сделает Спящий принц с нами, что заставит нас делать, если найдет. Что он сделает с тобой. Я понимаю, почему ты считаешь меня жестокой, прости за это. Но ее люди, — она указала на меня, — не будут страдать так, как мои, если он найдет нас. Он не может ранить их так, как нас. Она помеха, и если бы ты знала...

— Не может ранить? — я заговорила раньше Твайлы ледяным тоном. — Вы видели состояние Тремейна. Сотни людей погибли. Мужчины, женщины, дети. Я жила с рождения в этом городе. Я училась в аптеке, что теперь стала развалинами. Сегодня я увидела тела, что когда-то лечила. Мои друзья пропали. Может, мертвы, — говоря это, я поняла, что так и может быть. Дэплвуды, господин Пэнди. — У вас множество пещер внизу, где можно прятать детей и слабых. А вы ничего не делаете. Думаете, что вы лучше нас, раз вы алхимики? Что вы дороже, потому что делаете золото?

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — сказала мне Сестра Надежда, качая головой. — И это не твое дело. Твайла, прошу. Послушай нас.

Я пропустила ее слова мимо ушей.

— Мы не будем прятаться. И не будем дрожать в тени. Мы будем с ними бороться, — сказала я, наслаждаясь словами.

— И если вы не будете нам помогать, то тоже станете нашим врагом, — добавила Твайла. — И пусть боги помогают вам, если вы попытаетесь мне помешать.

Она склонилась к столу, пылая от ярости, и в этот миг я поняла, почему она стала воплощением богини. Я почти в это поверила.

За занавеской послышался шорох, одна из Сестер резко встала, пересекла комнату и отодвинула ткань.

Там явно подслушивала группа алхимиков и простых людей. Я поняла, что это те, кто помог Твайле одолеть голема. И Ниа тоже.

— Простите, Сестра. Но мы тоже хотим сражаться, — сказал высокий мужчина с каштановыми волосами, и другие кивнули.

— Это наш народ, — Ниа выступила вперед, держа за руку беловолосую женщину, вместе с которой раньше сидела. — Мы хотим бороться.

— Его нельзя одолеть в бою, — сказала Сестра Мудрость.

— Может, нет, — ответила Ниа. — Но она остановила одного из големов, — она указала на Твайлу. — Мы это видели. Вместе мы можем лишить его части воинов, сделать его уязвимым.

— И мы можем биться с людьми. Убивать их, — сказала я. — Серебряный рыцарь ведет армию людей, мы можем сражаться с ними, если не можем одолеть мечом его.

Сестра Надежда уставилась на меня.

— Я могу научить их сражаться, — сказал Сайлас, вставая. — Я могу сражаться мечом и луком. Я научу желающих.

Сестра Надежда взглянула на него.

— Сайлас, ты знаешь, что его можно одолеть только одним способом. Это не дуэль, а пустая трата.

— Его не остановить, — тихо сказал он, глядя с нее на меня, а потом печально улыбаясь. — Ты это знаешь.

Сестра Надежда посмотрела на других Сестер, тихо переговаривающихся между собой.

— Как пожелаете, — сказала она и посмотрела на толпу в дверях. — Сайлас, найди девушкам место для отдыха, пока Амара не прибыла. А я... пошлю весть Совету. Твоя мать — Трина Вастел, да? — она взглянула на меня.

— Да.

Она снова кивнула, развернулась, и подол ее мантии вился за ней по полу, как змея.

— Эррин, — она остановилась в дверях. — Прости. Мне жаль, — она с другими Сестрами прошла мимо толпы, теперь уже выглядя не так уверенно.

— Что нам делать? — спросила Ниа у Сайласа.

— Встретимся завтра после завтрака. Я составлю график тренировок, — он звучал уверенно, кивнул им, его губы дернулись, когда они серьезно кивнули в ответ.

Они ушли, а он повернулся ко мне и улыбнулся, и словно вспыхнула молния. Без предупреждения его туманные глаза засияли, улыбка озарила его лицо. Я не сдержалась и улыбнулась в ответ.

Шорох ткани по камню заставил нас обернуться и увидеть задвинувшуюся занавеску.

Твайла ушла.

Мы не говорили, а поспешили за ней, догнав ее в коридоре.

— Простите, голова болит, — сказала она пустым голосом. — Я хочу лечь.

— Конечно, — сказала Сайлас. — Я отведу тебя в комнату, где ты можешь отдохнуть, ладно?

Она кивнула, но не обернулась. Сайлас вскинул брови, я покачала головой, растерянная ее внезапной переменой.

Коридоры казались бесконечными, пока он вел нас в наши комнаты, часто поворачивая,

пока я не решила, что мы ходим кругами. Я пыталась считать свечи на стенах по пути: одна, две, три, поворот налево, пять свечей, еще раз налево, небольшой спуск, направо... Но вскоре я сбилась. Твайла шла чуть впереди все время, опустив голову, мы с Сайласом молчали и не соприкасались, пока брели за ней.

Наконец, Сайлас окликнул ее, взял со стены факел, отдернул занавеску и показал пещеру с двумя кроватями у неровных каменных стен, между ними был столик. В углу был умывальник с кувшином и раковиной. Я видела во втором углу уборную за ширмой, в центре комнаты был большой ковер из коровы. Кровати были укрыты мехами и шерстяными одеялами, на каждой пухлой подушке лежало по ночной рубашке.

— Я несколькими комнатами ниже. Если позовешь, я услышу, — сказал он, глядя на Твайлу. Он взглянул на меня, покинул комнату, и я последовала за ним.

Он прошел чуть дальше по коридору и остановился, прижался к стене. В свете факелов его волосы казались прозрачными, словно были аурой. Я встала перед ним и увидела, как он смотрит на огонь, и это сияние отражается в его глазах. Он посмотрел мне в глаза и покраснел. Мое тело казалось теплым и тяжелым. И я осознала, как близко мы стоим, слышала его дыхание. Мы были одни. Он осторожно поднял руку и коснулся кончиков моих волос, и я старалась не прижаться к его ладони, чтобы не спугнуть его.

— Мне нравится, — он позволил нескольким прядям зацепиться за его пальцы, а потом опустил руку. — Когда ты это сделала?

Я улыбнулась.

— Ты заходил в дом недалеко от Тирвитта на следующую ночь после нашей последней встречи?

— Да. Пытался тебя догнать. Я видел на земле следы копыт, пошел за ними, но тебя не было.

— Вообще-то, я была на крыше. Я слышала тебя у окна.

— Ты была там? Но почему ты была на крыше?

— Незадолго до того, как ты пришел, меня обокрали. Два беженца ворвались в дом, и я спряталась там. Если бы ты остался на пять минут дольше, увидел бы, как я упала оттуда.

Его глаза расширились.

— Боги... если бы я знал, — он обхватил мои плечи руками, словно хотел притянуть к себе, но застыл и настороженно посмотрел на меня.

— Что ж, — медленно сказала я. — Я все же это сделала.

— Почему? Из-за меня?

Я подумала о наемниках, а потом солдатах.

— Нет. Когда-нибудь расскажу. Но не сейчас.

— Хорошо, — его взгляд скользнул по моим губам, и я самоуверенно облизнула их.

— Боги, — прошептал он, его пальцы сжались на мне. Все во мне сжалось в ответ, оставив странную боль позади.

Ниа прошла мимо нас и громко фыркнула.

— Спокойной ночи, — едко произнесла она.

Сайлас убрал от меня руку, и мы сердито посмотрели ей вслед. А когда он повернулся ко мне, то выглядел задумчиво.

— Почему ты решила сражаться? — тихо сказал он. — Я думал, ты хотела укрыться в безопасности.

Я пожала плечами.

— Хотела. Но это не работает. Я видела лагерь в Тирвитте. Люди там заперты, как звери. И Трегеллан меняется, люди становятся суеверными и жестокими... Он не остановится, и если он ухватится за все это... станет еще хуже. И он убил моего брата. И моих друзей. И почти убил меня. Я хочу попробовать вернуть ему должок.

— Я хотел что-то сделать с самого начала. Потому меня сослали в Алмвик. Я сходил с ума в замкнутом храме. Меня послали ждать Твайлу, решив, что так я буду занят в стороне, — он улыбнулся.

— Почему она представилась мне Димией? — спросила я.

Сайлас притих.

— Это ей рассказывать.

— Но ты знаешь?

Он медленно кивнул.

— Да. И я расскажу тебе как-нибудь потом, если захочешь.

Это мне не нравилось, но я понимала, что спрашивать бесполезно.

— Меньше вопросов — меньше лжи? — сказала я.

— Лжи не будет, если ты спросишь, но поговори сначала с ней.

Мы замолчали и слушали ритм капель воды, падающих чуть поодаль.

— Аптекарь, монах и воплощение богини собрались воевать, — сказала я. — Звучит как начало анекдота.

Он молчал, хмурясь.

— Я хочу... — начал он и покачал головой. — Нас, — сказал он. — Не знаю, как это сделать. Но я этого хочу. Уверен, — он помрачнел, и слова полились быстрее. — Когда я увидел тебя на земле, я точно знал, что для меня есть лишь один вариант, — он поднял левую дрожащую руку и погладил мою щеку.

В этот раз я прильнула к его ладони.

— Не обязательно все решать сегодня, — сказала я и легонько поцеловала его ладонь. — День был долгим. Нам нужно отдохнуть.

Слова были разумными, слетали с моих губ, и я хотела остановить их. Я не хотела отдыхать. Я хотела провести ночь, изучая это чувство. Но я знала, что это плохая идея. Нам нужно было думать о Спящем принце и моей маме, а еще о том, что от Твайлы хочет ее мама, и как мы с этим связаны. И мне нужно было узнать, почему Твайла соврала мне.

И нужна была уверенность в нем. Что он не оттолкнет меня снова.

— Время еще будет, — сказала я, надеясь, что я права.

Он смотрел мне в глаза, тревога залегла морщинками в уголках его глаз. Он медленно склонился и поцеловал меня в щеку, и прикосновение его губ было таким горячим, словно он меня заклеил.

— Спокойной ночи, Эррин Вастел, — он был так близко, что его дыхание касалось моих губы. — Но... Я сделал выбор. Это ты. Мы, если пожелаешь.

Я хотела запустить пальцы в его волосы, притянуть его лицо к себе. Касаться, пробовать. Но отошла от него.

— Спокойной ночи, Сайлас Колби. Увидимся утром.

Я чувствовала его взгляд, пока уходила.

— Нет, — окликнул он, когда я потянулась к занавеске. — Следующая. А я в четырех комнатах дальше. Если передумаешь.

Я улыбнулась ему и вошла в комнату.

* * *

Хотя я отсутствовала не долго, когда я вернулась, Твайла была в своей постели и была в одежде, кроме сапог, не переоделась в ночную рубашку. Ее накрывали одеяла, она смотрела на стену. Факелы еще горели. Я зажгла от них свечу и потушила их.

— Я не сплю, — сказала она, и я вздрогнула. Она повернулась и приподнялась на локте.

— Хорошо, — сказала я, села на кровать и укутала одним из одеял плечи.

— Прости. Грубо было так уйти от тебя из главного зала. Просто... Похоже, мне нужно о многом тебе рассказать. И начать, наверное, стоит с того, почему я соврала? — сказала она, и я кивнула. — Это долгая история. Начнем с того, что Димией звали девушку, которую Вестник использовал, чтобы разбудить Спящего принца.

Я резко вдохнула. Потому имя звучало знакомо. Я вспомнила людей, что пришли в Алмвик, спрашивая, не видели ли мы девушку и юношу. То была Димия с Вестником.

Твайла продолжала:

— Он забрал ее из замка в Лормере. Она была там слугой. Я слышала, как Вестник пришел за ней. Слышала музыку, которой он манил ее, — она замолчала, хмурясь. А потом глубоко вдохнула. — Имя Димии первым пришло мне на ум, когда я пришла в Скаррон. Часть пути меня сопровождал ее брат Таул. Мерек отправил его и других найти ее. А я не хотела больше быть Твайлой. Я покончила с ней и ее жизнью — жизнями — и когда Джавик спросил мое имя, я сказала, не подумав. Я уже покрасила волосы, так что смогла покинуть Лормеру незамеченной, и все совпало: новый цвет, новое имя. Новая жизнь, — она замолчала, а мне не хватало важного куска истории. Донен Воплощенная была важна для Лормеры. Они ведь ее не отпустили бы?

Словно прочитав мои мысли, она продолжила:

— Я ушла, и если Мерек этого и не хотел, он понял. Я должна была уйти, и он уважал это. Он помог мне. Его деньгами я платила за дом, ими же мы хотели спасти твою маму.

— Ты не была с ним помолвлена?

— Была, — Твайла опустила голову. — Я знала твоего брата, — сказала она, и ее голос изменился. — Когда я увидела тебя на пороге, то подумала сначала, что это он тебя прислал. А потом ты сказала, что ищешь лормерианку по имени Димия, и я поняла, что он тут ни при чем.

— Зачем бы он меня прислал?

Она замолчала.

— Я была помолвлена с Мерекком, но недолго у меня... были отношения с Лифом.

— Отношения? С Лифом?

Она кивнула.

— Его назначили моим стражем, мы сблизились. Потому я ушла из замка.

— Что случилось?

— Все оказалось не так, как я надеялась.

— Он тебя ранил? — тихо сказала я.

У нее появилось странное выражение на лице, словно она могла разлететься на кусочки, но в последний миг она собралась и посмотрела мне в глаза с вызовом.

— Я подумала, что ты — это он. Когда ты постучала. Вы одинаково стучите. Даже странно, что именно это у вас семейное. Но такое возможно. Я не удивлюсь, если твои родители так же стучали.

И теперь стало понятно, почему она смотрела с надеждой и страхом, когда открыла

дверь, почему была такой печальной у могилы моего отца. Но это не объясняло ее помощь мне.

— Ты была разочарована?

Она глубоко вдохнула и посмотрела на ладони.

— Сердце было. Но не разум. Чаще всего я воюю сама с собой. Обычно разум побеждает. И я рада этому.

— Прости, — сказала я, ведь не знала, как еще продолжить разговор.

— Ты не в ответе за это, — сказала она, хоть и опустила голову. — Он рассказывал о тебе. И твоей маме. О вашей ферме. И об отце.

Мне захотелось плакать, когда я представила, как Лиф в милях от нас рассказывает этой девушке о нас.

— Почему ты решила помочь нам? Если вы с ним... Если все закончилось плохо, зачем тогда помогать нам?

— Я не рада тому, что он мертв, — сказала она, не ответив на мой вопрос. — Что бы ни случилось, я не хочу, чтобы ты так думала.

Она закрыла глаза, словно молилась, а я смотрела на нее в свете свечи. У нее было овальное лицо, аккуратный подбородок. На щеках ее были веснушки, уголки рта опустились, делая ее печальной, хоть лицо ее и было расслабленно. Чем больше я смотрела на нее, тем больше думала, что она красивая, и это удивило меня, ведь сперва я так не думала. Лирис точно была красивой, я всю жизнь видела, как на нее реагируют люди, как они сразу улыбаются, увидев ее красоту. Красота Твайлы подкрадывалась незаметно. Может, и Лиф так ее увидел.

— Что ты видишь? — вдруг сказала она, и я покраснела. Она смотрела на меня зелеными глазами, что были темнее от света. — Скажи, что ты видишь, когда смотришь на меня?

— Девушку, — сказала я, и она улыбнулась. — А что еще я должна видеть?

— Ты похожа на него, — сказала она. — Ты еще не сказала, а я уже поняла, что ты его сестра. Такие же глаза, форма лица. Такая же улыбка. Ты очень на него похожа, — она замолчала и подогнула ноги под себя, сев на кровати. — Знаю, ты хочешь знать, что случилось. И я расскажу тебе все. Обещаю. Но не сегодня.

Я кивнула.

— Твайла, — сказала я неохотно, пробуя ее новое имя. — Когда он жил на ферме, Лиф... никогда не думал ни о чем другом. Когда мы потеряли ферму, он был расстроен. И вел себя ужасно, и... — я замолчала. — Я о том, что если Лиф о чем-то заботиться, то это правда. Все или ничего. Так что он мог на самом деле любить тебя.

Она помрачнела и поджала губы.

— Нет, Эррин, — сказала она напряженно. — Не мог.

Она закрыла глаза, а я глубоко вдохнула. Я не хотела знать больше, не хотела услышать то, что заставит меня думать о нем очень плохо.

— У тебя... есть братья или сестры?

— Братья-близнецы старше меня. Младшая сестра была, но умерла.

— Мне жаль.

— Как и мне.

Мы молчали какое-то время, а потом я сказала:

— Думаю, хуже всего то, что мы теряем часть себя, — я легла на спину и смотрела на

темную крышу. — Очень многое обо мне знал только Лиф. У нас было много общих воспоминаний — особенно, о том, что нельзя было делать — но теперь они есть лишь у меня. То, как мы просыпались по ночам и воровали мед на кухне. То, как прыгали в сено на ферме. Никто меня уже такой не увидит. А если я это забуду? Что тогда?

Я посмотрела на нее, а она вытирала лицо.

— Прости, — снова сказала я.

Она покачала головой.

— Нет, ты правильно думаешь, — она сделала паузу. — А сейчас нам стоит поспать, — сказала она. — Завтра будет интересно, видимо, — она посмотрела вдаль и резко отвернулась к стене.

Я слезла с кровати и умылась. Потом я сняла сапоги и переоделась в ночную рубашку, радуясь чистой одежде, а затем задула свечу. Я слышала, как она тихо плачет. Я лежала в темноте и думала о Сайласе в нескольких пещерах отсюда. Он знал, что ее зовут Твайла. И он ждал, что она придет через Алмвик, он ждал ее. Это было из-за Лифа? Он ожидал, что она придет сюда из-за него? Или дело было в том, что это главный город у границы меж двумя странами?

А потом у меня появилась ужасная мысль: потому он подружился со мной? Чтобы добраться до нее?

Я села на кровати и смотрела во тьму. Твайла притихла. Я спрошу его завтра. И даже если причина была такой, разве это уже имеет значение?

Нет. Я легла на кровать. Это ничего не меняло между нами.

Через пару мгновений я услышала еще один приглушенный всхлип и сжала кулаком одеяла. Я чувствовала себя ужасно виноватой за то, что мой брат с ней сделал. Порой мне казалось, что я совсем не знала Лифа.

Глава 23:

Я проснулась от шагов, пронесшихся мимо нашей комнаты. Я слышала голоса, что были громкими для ночи, и хотя я не могла разобрать слов, я слышала высокие ноты, панику в них. Я села и повернулась к Твайле.

— Что происходит? — спросила она, протирая глаза, и я покачала головой, сердце колотилось.

Сверху послышался гул, он разнесся эхом по камням.

— Что это? — выдохнула она.

Я отбросила одеяла, потянулась к штанам и заставила себя обуться.

— Поднимайся, — сказала я. — Что-то не так.

Она обулась, и Сайлас распахнул занавеску. Он посмотрел на меня, Твайлу, а потом снова на меня.

— На нас напали, — сказал он. — Не знаю, увидели ли нас, идущих сюда, или просто нашли, но они пытаются пробиться в главные двери.

— Что делать?

— Вам нужно найти Амару. Она прибыла час назад. Она в склепе. Выслушайте ее. А потом встретимся в зале, я буду вас ждать. Будьте готовы к эвакуации.

Я посмотрела на Твайлу, лицо ее было бледным и решительным в свете из коридора.

— Увидимся в зале.

— Сайлас! — позвал кто-то снаружи.

Он обернулся на голос, а потом взглянул на нас и быстро заговорил.

— Когда выйдете, поверните направо, прижмите левую ладонь к стене слева. И следуйте вдоль стены. Вы поймете, когда увидите. Но до этого руку не убирайте.

Он ушел, оставив нас с Твайлой, глядящих друг на друга.

* * *

Вне комнаты все бежали в сторону, противоположную той, что указал нам Сайлас. Держась вместе, мы прижали левые руки к стене и пошли. Алхимики и их спутники, люди разных возрастов и полов проносились мимо, некоторые были вооружены, некоторые держали детей, на нас не обращали внимания. Сверху раздался грохот, и я увидела, как с потолка полетела пыль.

— Скорее, — сказала позади меня Твайла. Не отрывая рук от стены, мы побежали. Земля превращалась в спуск, повороты становились внезапными, а коридор сужался. Шум остался вдали, я слышала только наше дыхание, и порой падали капли. Воздух становился холоднее, свечи стояли дальше друг от друга, оставляя участки тени. Каждый раз у меня сбивалось с ритма сердце. Но мы добрались до двери, а не занавески. Двери из темного дерева, на ней были выжжены два круга, заходящих друг на друга. В центре был маленький серебряный полумесяц.

— Наверное, сюда, — сказала Твайла, глубоко вдохнула, толкнула дверь и вошла. Я последовала за ней и закрыла за собой дверь.

А потом я остановилась. И могла лишь смотреть.

Я ожидала еще одну пещерку, похожую на комнату переговоров. Но я вошла в комнату размером с собор, потолок был в сотне футов надо мной, был полон белых сияющих сталактитов, что были вдвое меня выше, они, подобно тысяче мечей, были направлены на мою голову. Из стен торчали кости. Сотни, а то и тысячи черепов смотрели на меня со стен, аккуратно выставленные друг на друга. На некоторых из них были символы соли, огня, воздуха, они поблескивали золотом на их лбах.

Еще больше костей, наверное, рук и ног, образовывали замысловатые узоры, сердца, круги и звезды на стенах. На дальней левой стене из костей таза была сооружена роза, а на правой — кубок из ребер.

Люстра над моей головой была сделана из костей и свисала с невообразимо высокого потолка. Руки скелетов сжимали черепа, а в глазницах горели свечи, озаряя комнату и отбрасывая зловещие тени. Длинные кости ног соединяли руки на люстре. От этого строения вверх уходили позвоночники, а под конструкцией на нитях свисали маленькие кости, словно бусины.

Это было прекрасно и ужасно, и я содрогнулась. Храм под землей. Он же — склеп.

Я знала без слов, что все кости здесь принадлежали алхимикам. И я знала, что этот храм, склеп, был построен здесь задолго до того, как здесь спрятался Конклав, может, потому он и появился здесь. Эта работа была долгой, юные и старые кости собирали, чтобы получилось такое место. Это было отвратительно и красиво, во мне поднимались волны отвращения, но восхищение сбивало их, когда я замечала новые невообразимые узоры.

Я не знала, кому тогда принадлежали могилы на кладбище, но догадалась. Сайлас говорил, что алхимики образовывали семьи с не алхимиками. Они не могли быть частью этого места, но их отмечали на могилах.

У алтаря Твайла исчезла за ширмой, и я услышала голоса. Я пошла на звук, миновала

ряды церковных скамей. Я касалась каждой, пока проходила. Все они были разными, из разного дерева, разных размеров. Некоторые были изрезаны и украшены символами старых богов — Падуба и Дуба. Некоторые были простыми. Все они были потертыми, поколения согревали их пятymi точками и проходили службы, поколениями люди сидели и смотрели на своих предков.

Только алтарь не был украшен костями. Это была большая металлическая скульптура — два диска, один из золота, а другой из серебра — стояли над алтарем. Серебряный диск заходил на золотой, делая из него полумесяц, и я вспомнила луну. Алтарь был полон цветов и горящих свечей. Пахло благовониями и чем-то еще, даже не запахом, а тяжелым присутствием. Костями. Я чувствовала их, словно тысячи алхимиков были здесь и смотрели на меня.

Я нашла их в нише, скрытой за резной деревянной ширмой. Твайла напряженно сидела и смотрела на крупную женщину в черном, как и Сестры, но без их зловещей изящности. Видимо, это была Пожирательница грехов, Амара. Ее веки были тяжелыми, напоминали капюшоны, лицо ее было круглым и бесцветным, в отличие от дочери, красной от гнева. Я не видела между ними сходства.

— Я думала, ты работала одна, — сказала Твайла, когда я села рядом с ней. Пожирательница грехов посмотрела на меня, и я приветственно кивнула, странно обрадовавшись, когда она склонила голову, а потом отвернулась к Твайле. — Вот уж не думала, что ты дружила с монахинями.

— Монахини, — фыркнула Амара. — Это измененный культ похитителей трупов, и, что бы я ни сказала тебе, не забывай, что этот бардак — отчасти и их вина. Все мы сыграли свою роль.

— Не понимаю. Как они связаны с нами... с тобой?

Ее мама долго смотрела на нее.

— Это Сестры Нэخت. А я — Пожирательница грехов, Высшая жрица Нэخت.

Холодок пробежал по мне от ее слов, звучало так, словно их произнесло сразу сто женщин.

— Но ее не существует, так ведь? — сказала Твайла. — Хоть ты и говоришь о Нэخت и Дэге, их не существует. Их не было никогда.

Амара уставилась на дочь, а та спокойно выдержала ее взгляд.

— Вообще-то, они были, — сказала я, голос оказался слишком громким в благоговейной атмосфере. Амара повернулась и кивнула мне продолжать, не удивляясь моим познаниям. — И звали их, на самом деле, Аурек и Аурелия.

— Аурек и Аурелия? — спросила Твайла. — Спящий принц и его сестра?

— Ты знаешь их историю? — спросила я, и она кивнула.

А потом она повернулась к матери.

— Я знаю все о них. Теперь я умею читать, — она звучала гордо, с вызовом и до боли юно. — Продолжай, — сказала она мне.

— Дом Белмис изменил историю. Использовал для того, чтобы обеспечить себе власть. Они переименовали Аурека и Аурелию в Дэга и Нэخت для своих целей. И сделали их возлюбленными.

— Боги, вот так проснешься и все это узнаешь. Что твоя жизнь стала легендой, да еще и приукрашенной.

— Тебе его жаль? — Амара уставилась на дочь.

— Нет, — голос Твайлы был ледяным. — Он убийца. Ничто не может оправдать его поступков. Потому я хочу бороться с ним. Лормера натерпелась уже испорченных правителей.

— Интересно даже, что заставило тебя открыть глаза? — тихо сказала Пожирательница грехов.

Твайла оскалилась.

— Если бы ты не интересовалась, а сочла бы нужным рассказать мне, на что я подписываюсь, я бы справилась куда лучше. А вместо этого я верила всей лжи, что мне скамливали, пока это меня не разорвало.

— У меня не было выбора, Твайла. Я — Пожирательница грехов...

— Да, да, твоя важная роль. Надеюсь, она позаботится о тебе в старости, потому что боги знают, где мои братья, Мэрил умерла, а я тебе помогать не буду.

Пожирательница грехов отклонилась, потрясенная ядом в голосе дочери, и я тоже отшатнулась. Я уже видела богиню в Твайле, но сейчас она впечатляла иначе. Эта жестокость была свойственна богине войны. Спорить с Высшей жрицей Нэшт. Я поежилась, ведь оказалась меж двух женщин, словно забывших, что я здесь.

— Я много раз пыталась тебе сказать, что наша роль важнее, чем кажется.

— Ты кормила меня загадками. Я была ребенком, — сказала Твайла хрипло и с надрывом. — Как я могла тогда понять, что ты мне рассказываешь? Как я могла догадаться тогда, какой была королева? Ты знала, что в замке служанки не приносили мне еду, потому что боялись, что я отравлю их? Они не касались тарелок и ножей, пока не увидели, что мои стражи трогают их и не умирают. И все это время моими друзьями — моим успокоением — были твои боги. Я жила так каждый день четыре года, чтобы обнаружить, что все, во что я верила, оказалось ложью.

Твайла встала, словно собиралась уйти, но Пожирательница грехов схватила ее за запястье, двигаясь удивительно быстро, и крепко сжала.

— Тогда я расскажу тебе хоть немного правды. А потом решишь, будешь ли ты бороться сама без моих знаний. Если захочешь уйти, я тебя не остановлю. Но ты последняя из нас, и я должна попробовать.

— Если бы ты не дала Мэрил умереть, у тебя была бы она, — голос Твайлы прозвучал резко, и я знала эти нотки. Горе. Спрятанное глубоко.

— Я пыталась, — сказала Пожирательница грехов и отпустила руку Твайлы.

Твайла развернулась, и я увидела, как свет очертил ее профиль, и он был злым.

— Я должна тебе поверить? Я помню, мама, как у нее была горячка, когда она была маленькой и лежала в той ужасной комнате. Ты оставила ее умирать. А когда я спасла ее, ты убила козу. Так что не говори мне, что ты пыталась.

Пожирательница грехов резко вскинула голову.

— Думаешь, я такая холодная? Я знала, что ты спасла ее. Знала, когда покинула дом, что ты побежишь в деревню просить травы. Иначе почему я оставила тебя с ней? Я не могла попросить травы, потому что я — Пожирательница грехов, я не могу вмешиваться. Но ты могла. И я надеялась, что ты это сделаешь.

Твайла вскинула брови.

— Тогда зачем убивать козу?

— Жизнь за жизнь, таково правило. Ты брала травы, и та женщина знала, что ты сделала. И знали все, кому она рассказала. Мне пришлось сделать жертву. Я должна

подчиняться своим законам.

Твайла моргнула и отвернулась к узорам из костей склепа. Она беззвучно села. Ее мама не скрывала облегчения на лице.

— Прости нас, Эррин, — сказала она. — Я дойду до твоей роли в этом, — она посмотрела на дочь. — Ты никогда не спрашивала, почему именно мы Пожираем грехи. Я думала, что ты спросишь, но ты этого так и не сделала.

— Ты рассказывала мне. Мне было, вроде, шесть, когда ты позвала меня и сказала, что мы были еще до богов и королей, и что мы делаем это не для них. Кто-то должен был делать это, потому что грехи были всегда.

— Ты это помнишь?

— Была причина вспомнить. Когда я узнала, что боги были ложью. А теперь ты говоришь, что это не ложь, а искаженная правда.

— Когда мы пришли в Лормеру, не было ни богов, ни королей, ни королев.

— Когда мы пришли туда?

— Из-за моря.

Твайла склонилась вперед, словно хотела лучше услышать то, что говорила ее мама, а я уставилась на Пожирательницу грехов Лормеры, кожу на шее покальвало. Когда Пожирательница грехов склонилась, я последовала ее примеру, и из нас появился треугольник с выгнутыми углами.

— Правда в том, что тот яд, что был в вине принца и его семьи, яд, что заставил его уснуть, убил его отца, а потом и возлюбленную... сделал наш предок. Наш предок был помолвлен с сыном крысолова. Когда тот узнал, что Спящий принц осквернил его дочь, он вызвал будущую невесту сына с ее навыками и зельями и убил их всех за такой позор. В свете трех звезд она сварила убийственный яд.

Я смотрела на Твайлу, а та — на мать, раскрыв рот.

— Невозможно.

— Она не знала, что там был ребенок. Она окропила еду на пиру ядом. И когда еду понесли наверх, она услышала, как служанки на кухне сплетничают о дочери крысолова и ее состоянии. Ее семья не вредила невинным. И она пошла к Аурелии и призналась. Когда Аурелия пришла к ним с Эликсиром, король был мертв, Аурек и его возлюбленная были на волосок от гибели. Аурелия попыталась спасти их. Но яд содержал кровь — ее кровь — и сам был алхимическим. В телах возлюбленных началась война крови Аурелии и крови принцессы-ведьмы, пока рождение ребенка не ослабило дочь крысолова. Она умерла.

Во время рассказа я закрыли лицо руками, стараясь скрыться. Алхимия, яд, магия. Суеверия лормерианцев. Но это правда. Я ощутила укол в пояснице, напоминание о реальности этого.

— Крысолов убежал с ребенком, который прожил нормальную жизнь, но был проклят каждый век восставать из могилы и отдавать отцу сердце. Спящий принц был заперт в себе, война крови продолжалась. А наша прародительница сдалась Аурелии за свое преступление. Во имя нее — во имя Нэхт — мы живем изгоями, нас стыдятся, чтобы мы не забывали, что сотворила наша кровь. И с каждым поколением грехов в нас становится все больше.

Она закончила рассказ. За ее словами последовала звенящая тишина, и мне казалось, что стены сдвигаются вокруг меня. Я вдруг поняла с ужасом, что я под землей, под тоннами камней и земли. Если потолок обвалится, то это место станет нашей гробницей, и никто об этом не узнает. Мне нужно было небо, нужен был воздух. Нужен был звук.

— Королева все это знала, да? — спросила Твайла. — Потому что она решила сделать меня ядовитой. Из-за этого. Из-за нашего прошлого. Она насмеялась над нами. Над ними. Сделала наследницу убийцы палачом для предателей.

Амара кивнула.

— Хелевиса любила рассказы об алхимии и истории. Это был намек для тех, кто не поклонялся ей. Открыто сделать тебя отравительницей, учитывая твоё происхождение. Может, она надеялась приманить их через тебя.

Они снова замолкли. Гул вдали напомнил мне, что где-то над нами идет сражение.

— Потому что ему нужна Твайла? — спросила я. — Потому что он знает, что ее предки пытались убить его? Он хочет отомстить.

Амара посмотрела на меня, а потом повернулась к дочери.

— И потому что она может сделать это снова, — сказала она.

Твайла уставилась на мать.

— Что ты...? — но она не договорила. Вместо этого она рассмеялась. Я повернулась к Амаре, а та тряхнула головой и посмотрела на дочь. Твайла подняла голову к потолку и смеялась, звук эхом отражался от костей. — И мне не сбежать, да? Я отвергла две судьбы. Я пыталась спрятаться за юбками королевы, а потом бежала из королевства, но не укрылась от этого. Все по-прежнему. И я не могу сбежать от этого.

— Твайла... — сказала Амара.

— Мне говорили, что яд в моей коже, — Твайла посмотрела на меня, ее тон стал задумчивым, взгляд — далекий, она вспоминала. — Мне давали зелье каждый месяц и говорили, что это яд. Что от этого мое прикосновение ядовито. И я убивала предателей, коснувшись их руками. Конечно, это была не я. Они были отравлены до того, как я приближалась к ним. Твой брат доказал, что это ложь, когда он... — она замолчала, ее лицо просветлело. — Но правда была в другом. Не кожа, а моя кровь — яд. Моя кровь, — ее смех утих, и зазвенела тишина. — И я казню его ядом, — сказала Твайла. — Хотелось бы даже, чтобы королева увидела это. Думаю, ей понравилось бы.

— Не только твоя кровь, — быстро сказала Амара. — Твоя кровь — часть яда. Но не весь яд.

— Какой яд сработает на нем?

Я издала удивленный звук. От понимания.

— Похоже, я знаю, — сказала я. — Сайлас делал зелье — основу, которую используют все алхимики. В нем переставлены составляющие зелья, что усыпило Аурека. Его дети использовали остатки яда, чтобы разделить его. Они верили, что если его перевернуть, то они смогут его разбудить. Клин клином вышибают. Так в медицине, так и в алхимии, — я замолчала, приводя мысли в порядок. — Если мы развернем измененное зелье, то получим оригинал, которым его отравили.

— И нужно будет добавить мою кровь, — сказала Твайла, ее голос все еще был отстраненным.

Как тогда, когда Сайлас добавил свою кровь в Опус Магнум. Кровь Твайлы тоже вступит в реакцию, но не алхимическую. Убийственную.

— Мы сможем отравить его, — сказала я. — Добавить силы яду, что уже в нем.

— Ты можешь его сделать? — спросила Твайла, вдруг став решительной, как ястреб.

Я попыталась вспомнить увиденное.

— Думаю, да.

— Думаю, у Сестер есть план на такой случай с ядом, — сказала Амара.

— Нет, — покачала головой Твайла. — Я хочу, чтобы со мной работала Эррин. Не они. Амара отклонилась и скрестила руки. Я сглотнула.

— Конечно, — сказала я и повернулась к Амаре. — Я могу быть лучшим вариантом. Сайлас говорил, что алхимикам не хватает умений аптекаря. Они не нуждались в них. Они учились на каплях яда. Но, как по мне, разложение яда — пустяки. Я могу разложить Опус Магнум, если знаю, что в нем. Я могу воссоздать из него яд.

Амара кивнула, и я посмотрела на ее дочь.

— Мне потребуется помощь Сайласа с некоторыми пунктами, или других алхимиков. Я не помню всего. Но сделать смогу. Я смогу разложить зелье, и мы восстановим из него яд. Дадим ему. Наполним его ядом. И он одолеет эффект, оставшийся от Эликсира Аурелии.

Амара прервала нашу радость.

— У него может и не быть больше Эликсира, — она посмотрела на меня. — Тебе нужно держать Сайласа подальше от него. Он не должен знать, что зельеварщик еще жив.

Я не знала, откуда она знает о Сайласе, странный холод наполнил меня изнутри, и я судорожно выдохнула.

— Что такое? — спросила Амара.

Я отмахнулась.

— Просто холодно. Он там сражается, — сказала я. — Нужно увести его. Вы и он очень ценны. Нам нужно уходить отсюда. Должен быть выход, тайная дверь или что-то такое. Сайлас знает. Мы уйдем в Скаррон, — я повернулась к Твайле, а та уже стояла. — Он довольно далеко, мы сможем выиграть время.

Мы сделали не больше трех шагов, и гул раздался над нами. Камни и пыль полетели с потолка. Мы остановились и неуверенно побежали к Амаре. С левой стены сорвалась кость, упала на пол и разбилась.

Мы долго смотрели друг на друга. Гул раздался снова, был еще громче, упало больше пыли, обломки камней стали больше. Люстра задрожала, и мы взглянули на нее. Кости оглушительно трещали, и было что-то гипнотическое в их дрожи.

А потом все замерло на секунду спокойствия.

— Бегите, — сказала Амара, и нам не нужно было других слов. Мы помчались мимоскамеек к двери, а люстра сорвалась с потолка с оглушительным грохотом.

Глава 24:

Обломки костей летели на нас, жалили мою спину, когда я открыла дверь. Без нее стало слышно крики, что раздавались эхом, катились по всем коридорам Конклава и попадали сюда.

Два алхимика завернули за угол, они держали за края большой деревянный ящик, мы прижались к стене, чтобы они прошли в склеп. На их лицах застыл ужас. Я схватила Твайлу за руку, и мы побежали вслепую по коридорам, похожим на кроличьи норы, повторяя наш путь сюда, но в этот раз моя правая рука скользила по стене справа. За нами слышалось тяжелое дыхание Пожирательницы грехов, ее шаги были медленными и громкими, и я ощутила укол тревоги.

Когда мы добрались до широкого, хорошо освещенного коридора, я понадеялась, что из него мы до этого начали путь. Я начала отодвигать занавески, чтобы найти людей, оружие

или выход. Скрежет продолжался, напоминая гром под землей. Он преследовал нас, а я становилась все увереннее, что потолок обвалится на нас и убьет.

Перед нами появился силуэт.

— Сюда! — поманил он, и мы побежали и оказались в главном зале. Ниа и Сестра Надежда стояли у стола, вооруженные короткими мечами. Другая женщина с белыми волосами и яростным видом размахивала булавой.

— Вам нужно идти, — сказала Сестра Надежда, направляя нас к занавеске в другом конце. — Сайлас там. Он пойдет с вами.

Занавеску отодвинули, мы с Сестрой Надеждой поспешили туда, но Амара споткнулась. Ее лицо было красным, она прижимала руку к боку.

Твайла отвернулась от нее.

— Что происходит? — спросила она у Нии.

— Они внутри. Мы отослали всех детей и стариков через запасной выход, остальные ушли сражаться.

— Он здесь? — она не называла его по имени.

Ниа кивнула, и моя кровь похолодела.

— С големами. И с сыном. Он здесь, чтобы завоевать, как в Лортуне.

— Боги... — сказала Твайла, мой желудок сжался. — Нам нужно оружие.

— Вам нужно уходить! — приказала Сестра Надежда. — Ниа, уводи девочек.

— Я хочу сражаться, — возразила Ниа. — Это мой дом!

— А может стать твоей могилой, — Амара задыхалась, держалась ладонью за руку. — Уводи мою дочь и Эррин. И мальчика, если он успеет.

— Но...

— Нет времени спорить... — ее прервал огромный кусок камня, упавший на землю в трех футах от нас.

Пронзительный крик раздался недалеко от зала, мы повернулись на звук. Через миг Сайлас вбежал в комнату, его лицо было бледным, а на тунике виднелось темное пятно.

— Сайлас, — закричала я, подбежала к нему и обрадовалась, поняв, что это не его кровь.

— Они почти здесь, — сказал он маме, а потом посмотрел на меня, обвил рукой мою талию и заявил. — Тебе нужно уходить.

— Тебе тоже, — сказала я. — Если он схватит тебя, если увидит твою руку...

— Она права, — сказала Сестра Надежда, схватив его за правую руку. — Амара, и ты уходи. По змеиному лазу.

— Я не смогу, — сказала Амара. — Оставьте меня.

— Амара, нет...

— Я сказала, оставьте меня, — заявила она. Лицо ее исказилось, она тяжело дышала. Сайлас и его мать напряженно переглянулись. — Твайла, теперь ты все знаешь. Я передала тебе все. Дальше решать тебе. Так всегда было, — Амара смотрела на дочь.

Снаружи раздалось больше криков и воплей, звуки шагов, звон металла, но мы не двигались, мы застыли на этот миг.

— Я любила тебя, — сказала Амара. — Я пыталась.

Твайла смотрела на мать, и на ее лице не было эмоций.

Занавеска отодвинулась, и двое мужчин в черных камзолах вбежали в комнату с окровавленными мечами.

— Бегите! — крикнула Амара, и онемение разрушилось. Сайлас встал перед нами с мечом наперевес, я потянулась за ножом и поздно поняла, что у меня его нет, что я потеряла его в Тремейне.

Я принялась пятиться, толкая собой Твайлу. Сайлас стоял перед нами с мечом. Алхимик взмахнула своей булавой, опустила на череп одного из мужчин, мгновенно убив его. Сестра Надежда бросилась на его товарища, и они начали сражаться. Я застыла, глядя, как мама Сайласа взмахивает мечом лучше любого мужчины, сталь размывалась, ее мантия разлеталась за ней, когда она разворачивалась, парировала и бросалась. Когда она ударом закончила с мужчиной, Сайлас повернулся ко мне и гордо улыбнулся.

— Бегите! — проревела Сестра Надежда, еще больше людей попали в комнату. Она подняла меч и бросилась на них.

Мы отвернулись, я потянулась к Сайласу и Твайле. И тут занавеска, за которой был выход, путь к побегу, отодвинулась, и вошел человек, с ног до головы в сияющих доспехах. Мы замерли, и Сайлас задвинул нас с Твайлой за себя, закрывая нас от Серебряного рыцаря. Он выхватил меч и дерзко взмахнул им, я услышала выдох Твайлы:

— Нет.

Сайлас напрягся.

— Когда я вступлю в бой, бегите, — прошептал он.

— Нет...

— Я сразу за вами.

— Сай... — я не успела закончить, Серебряный рыцарь бросился, и Сайласу пришлось вскинуть меч, чтобы его не разрезало. Звон стали о сталь оглушал, отражался эхом от камней, слева упали сталактиты, чуть не попав по женщине-алхимику с булавой.

Я схватила Твайлу за руку, но мы не успели добраться до проема, Серебряный рыцарь понял, что я делаю, и бросился перекрыть нам путь. За нами Сестра Надежда. Ниа и ее жена как-то сдерживали других мужчин, отгоняли их к порогу, размахивая оружием — Сестра Надежда умело, а другие — как повезет.

Я отпустила руку Твайлы, подбежала к столу и схватилась за одну из лавочек. Твайла посмотрела на меня, как на безумную, что-то прокричала, но я не слышала ее в шуме. Я толкнула скамейку по полу изо всех сил. Она врезалась в ноги Серебряного рыцаря, и он отшатнулся к двери. Сайлас торжествующе закричал, его меч столкнулся с открытым участком на ведущей руке рыцаря.

— Бегите! — услышала я его вопль, схватила Твайлу за руку и застыла, когда в комнату ввалился голем, глиняные руки слепо потянулись к нам. Он был меньше того, что сломал меня, но все равно пугал пустым лицом. Спину закололо, я застыла на месте.

А из-за голема появилась еще одна фигура.

Он был в золотой броне, снял золотой шлем в форме дракона с головы, и белые волосы упали на его спину, улыбка появилась на его бескровном лице.

Спящий принц.

* * *

Он склонил голову так, как, похоже, делали все алхимики.

— Вот мы и встретились, — сказал он, глядя на меня, и я узнала голос из снов. Он посмотрел на Твайлу. — Дочь Пожирательницы грехов? — он кивнул себе и продолжил разглядывать нас, пока не увидел Амару. — Сама Пожирательница? Как повезло, — ленивая улыбка расплылась на его лице. Он бросился вперед, но его отогнал Сайлас.

— Бегите! — завопил Сайлас.

Я толкнула Твайлу мимо него, голем замахнулся огромной рукой на Сайласа. Мы тут же врезались в одного из людей в черной броне, склонившегося над телом. Я не знала, мужчина это или женщина, я видела лишь темную кровь на когда-то белых волосах. Мужчина поднял голову и ужасно улыбнулся, поднял меч, и я оттащила Твайлу прочь.

Он побежал за нами, а я взметнула руку и выхватила факел из скобы в стене, ударила им по лицу преследователя. Его крик был ужасен, он рухнул на землю, схватившись за голову. Вонь горящей плоти заполнила пещеру. Все еще сжимая факел, я взяла Твайлу за руку и побежала прочь от главного зала, горящего человека и Спящего принца.

Я не оглядывалась. Наши ноги стучали по камням, я старалась следить за стенами, отдергивала занавески, чтобы понять, узнаю ли я хоть что-то. Воздух становился холоднее, мы углублялись, но это было плохо. Нам нужно было на поверхность, чтобы сбежать.

— Стой, — сказала Твайла, задыхаясь, и звук был слишком громким в звенящей тишине туннелей. — Без помощи мы путь не найдем. Туннели здесь длинные. Мы просто потеряемся.

— Это лучше, чем быть пойманными, — сказала я.

Она открыла рот, чтобы возразить, но тут мы услышали это. Тяжелые шаги, щелканье металла. Броня. Кто-то шел к нам. Кровь отлила от моего лица. В этот раз она схватила меня за запястье и потащила. Я увидела дверь и поняла, что мы ошиблись, мы завели себя в сердце Конклава. Шаги все еще слышались позади.

— Нужно спрятаться, — прошептала она. — Мы должны.

Она была права, и я последовала за ней в храм.

Роскошь превратилась в сцену из кошмара. Люстра упала, и в комнате было мрачно, горели лишь факелы на стене. Пол был усеян сотнями разбитых черепов, пустые глазницы смотрели на нас, сломанные челюсти и зубы смешались с обломками лавочек. Я посмотрела на потолок, там теперь свободно свисали кости. Я не знала, что делал сверху Спящий принц, что обрушило потолок.

Мы бежали по костям к алтарю, поскользывались на острых обломках и щепках, облака пыли окружали наши сапоги, хрустели под ними кости. Мое сердце бешено колотилось. Мне было плохо от страха и предвкушения.

— Где мы спрячемся?

— Не знаю, — она озиралась. — Должно быть что-то. Какая-то пещера, трещина в камне, — она заглянула за ширму, я тоже искала, стараясь как можно тише отодвигать ногой обломки ребер.

Я услышала ее вскрик, подумала, что мы спасены, что она что-то нашла. Но она смотрела не за ширму, а на ряды лавочек.

На пороге стоял мой брат, закованный с ног до головы в серебряную броню, и смотрел на нее. Шлем был под его рукой, а правая висела плетью, броня была испачкана кровью.

Серебряным рыцарем был не Вестник. Это был Лиф.

Глава 25:

Он смотрел на нее, пока шел к лавочкам, не замечая кости под ногами. Между ними была зловещая связь, пока она стояла у алтаря в изорванном и пыльном платье, а он шел к ней по реке костей.

Он был жив.

Я была права, он не умер. Я знала, что он бы не умер. Но моя радость угасла так же быстро, как и появилась. Он был со Спящим принцем. Работал на него... с ним. Мой брат. Потому он не вернулся.

Я смотрела на него, отчасти надеясь, что он не настоящий, что у меня галлюцинации. Он улыбнулся, но я не помнила у него такую улыбку. Его губы растянулись и изогнулись, это больше напоминало гримасу.

— Привет, Твайла, — сказал он, остановившись в паре футов от нее и бросив шлем на лавочку.

— Привет, Лиф, — ответила она и улыбнулась в ответ.

Его лицо засияло, было больно смотреть на него, его чувства светились так же ярко, как и броня, и я поняла, что он любил ее и все еще любит, как бы она ни думала. Я повернулась к ней и увидела на ее лице такое же желание. Меня здесь словно не было. Только они.

Он мог быть очарован, потому не вернулся и не писал. Он не мог. Спящий принц очаровал его, а теперь Твайла разрушила это заклятье. Как в сказках, один поцелуй, и он будет свободен, и мы уйдем, заберем Сайласа и найдем способ одолеть Спящего принца.

И тут я поняла, что Лиф был здесь, а Сайласа не было. Лиф сражался с ним. Он должен был победить, чтобы прийти сюда...

Я схватилась за скамейку, рот раскрылся в беззвучном крике.

Я посмотрела на Твайлу. Любовь и желание на ее лице пропали.

— Ты снова это сделал, не так ли? — сказала она.

— Я могу объяснить.

— Мы снова будем об этом говорить? — прорычала она, и мы с Лифом отпрянули от нее. — Быть предателем — не выход, понимаешь? Как ты можешь быть в родстве с Эррин? Она рисковала жизнью за любимых людей. Ты предал всех, кто проявил к тебе доброту, и предаешь снова и снова для своей выгоды.

— Я и не ждал, что ты поймешь.

Она покачала головой и посмотрела на его меч.

— Это Мерека? — он не ответил, и она горько рассмеялась. — Конечно. Если это Мерека, то тебе именно это и нужно. Его дом, его меч, его невеста...

— Не помню, чтобы ты возражала, — холодно сказал Лиф, Твайла судорожно вдохнула. — Я не знал, что он убьет Мерека, — продолжил он, и ему было сложно сохранять голос ровным, мое сердце сжалось. Брат был там, когда убили короля. Он был там с самого начала. — Я думал, он возьмет его в плен. Я не хотел ему вреда.

— И ты называл меня наивной.

Он покачал головой.

— Твайла, я...

— Если скажешь, что все еще любишь меня, то, клянусь богами, я тебя убью, — прошипела она.

— Я не собирался, — сказал он, и честность в его голосе заставила ее притихнуть. — Я хотел попросить тебя спрятаться. Чтобы тебя не нашли.

— Ты помогаешь нам?

— Он хочет твою голову рядом с головой Мерека на воротах Лортуны, — сказал Лиф. — И хотя мы уже не... друзья, я не хочу этого видеть.

Твайла побелела, а во мне вскипел гнев.

— Лиф? — сказала я, и они вздрогнули и повернулись ко мне.

— Эррин, — Лиф попытался улыбнуться.

— Где ты был? Почему не вернулся? Почему не писал?

Он посмотрел на Твайлу, а потом на меня.

— Об этом мы можем поговорить позже.

— Ты — Серебряный рыцарь? Ты с ним?

Мой голос отразился эхом, Лиф оглянулся.

— Говори тише.

Я покачала головой.

— Где Сайлас? Ты... — я не смогла закончить. — Ты?

Он покачал головой.

— Он в порядке.

— Но теперь он у твоего господина, да? — процедила я, Лиф покраснел. — Из-за тебя. Тремейн разрушен! Наша деревня. Лиф. Разрушена. Пекарня, кузница. Моя аптека. Егс монстры сломали ее, разбили на куски все, что могли. Люди мертвы, Лиф. Жена пекаря. Кузнец. Может, Лирис. Те, кого мы знаем.

— Меня тут не было, когда это случилось...

— Я думала, что ты умер, — перебила я его, выдавливая слова. — Я хочу, чтобы так и было. Предатель.

Его взгляд метался между Твайлой и мной.

— Что она рассказала тебе? — спросил он.

Я покачала головой и отошла от него.

— Скажи, как нам отсюда выйти. Ты в долгу передо мной. И в еще большем долгу перед ней.

— Эррин, я.

Шаги.

— Лиф? — гладкий пугающий голос раздался в коридоре, и я застыла, как олень, заметивший охотника.

— Здесь, Ваша светлость, — отозвался он. — Прячься, — прошипел он Твайле. — Я не смогу защитить тебя. Прячься.

Она посмотрела на меня, и я кивнула. Оглядевшись, она беззвучно прошла к ширме, за которой мы сидели почти час назад, мне стало не по себе. Плохо дело. Так ее поймают.

Лиф вдруг подбежал ко мне и до боли сдавил мое плечо, заставляя меня опуститься на землю, напоминая лейтенанта на дороге. Я закричала и тут же затихла, когда он поднял меч и направил на меня.

— Играй, — прошипел он. — Ради нее. И Сайласа. И ради себя.

Краем глаза я увидела Спящего принца у порога, и Лиф впился пальцами в мое плечо.

— Где она? — требовал он ответа, я снова закричала. — Куда она ушла?

— Не знаю, — сказала я. Боль и страх были неподдельными.

— Врешь, — сказал Лиф и склонился. — Я знаю, когда ты врешь. Куда она ушла?

— Я же сказала, что не знаю, — слезы катились по моему лицу.

Лиф отпустил меня, и передо мной возник Спящий принц, присел, уперев руки в колени. Он оглядел меня, склонив голову.

— Она сказала, что не знает, Лиф, — прошептал он. — Это так, милая?

Я кивнула, проливая еще больше слез.

— Ну, ну, дитя, — он поднял меня за собой и обнял. Мое лицо прижалось к холодной броне, металлические руки удерживали меня. Я с ужасом думала о брате, стоящем за нами, о Твайле, прячущейся за ширмой. А он обнимал меня. Я ощутила, как его нос коснулся моих волос, услышала его вдох. — Мы так и не познакомились, — сказал он в мое ухо. — Я Аурек. Король Аурек. А ты Эррин.

Я отстранилась, и он отпустил меня, очаровательно улыбаясь. Его щеки вблизи были впавшими, кожа на них была тонкой и бесцветной. Его волосы были сухими и ломкими, у его рта и меж бровей пролегли морщины. Он старел. Быстро.

— Где Сайлас? — выпалила я, не подумав.

В этот раз он улыбнулся ярко, все его лицо озарила радость.

— Ах, Сайлас. Мой чудесный племянник. Какой дар, какая радость в темное время. Он в безопасности, конечно. Это мое сокровище. Как и ты, милая. Как и твой брат. Моя новая семья. Ты скоро увидишь его, если будешь хорошо себя вести. Хотя я не ожидаю от тебя проблем. Ты же была в моих снах.

Я вздрогнула. Я была такой глупой.

— Так это были вы...

— Одна из привилегий создателя. Шуточка от меня. Но ты не смеешься, — в этом было что-то детское. Он пожал плечами. — Я шутил. Оба раза.

— Что? Оба?

Он прижал длинный палец к моим губам, чтобы я притихла.

— Позже, моя сладкая, — он повернулся к Лифу. — Когда ты в последний раз видел предательницу?

— В главном зале, а потом они убежали. Я думал, что это она. Она покрасила волосы, и это меня смутило.

— И ты не знаешь, куда делась твоя подруга? — Спящий принц смотрел на меня, и мне стоило больших усилий выдержать его взгляд и не выдать укрытие Твайлы.

— Я сказала ей бежать.

— О, милая, — сказал Спящий принц. — Это было глупо, — он нахмурился и отвернулся, окинул комнату взглядом, мое сердце колотилось.

— Все в Тремейне мертвы? — выпалила я. — Ваши монстры убили их всех?

— А ты не очень вежлива, — он посмотрел на меня, на мое лицо. — Я король, Эррин. Ты должна мне поклониться. И не должна говорить со мной, пока я к тебе не обращусь.

— Скажите, что с ними случилось, и я решу, буду ли я кланяться вам.

Он оскалился, его губа изогнулась, гнев проступил на лице. Но он тут же исчез, вернулась механическая улыбка.

— Хватит вопросов, милая. У нас будет на них время, — он обхватил мое запястье, погладил его большим пальцем и улыбнулся, когда я вздрогнула.

Лиф стоял позади него со странным выражением лица. Он моргнул, словно вспомнил, где он, и заговорил:

— Ваша светлость, могу я осмелиться и послать големов искать ее? Наверху все должно уже закончиться, как и дело под землей.

— Дело, — я уставилась на брата. — Ты об убийстве?

— Нужно разрушить источник, чтобы не было угрозы, Эррин, — певуче сказал Спящий принц. — Мы и не ждали, что ты поймешь.

— Хорошо, потому что я не понимаю, — я отвернулась от него. Паника пронзила меня,

когда я оказалась спиной к нему, но я собралась с силами и посмотрела на брата. — А как же Лирис, Лиф? Она была в Тремейне. Ты знал, что они с Кирином помолвлены? А он? Он был солдатом, Лиф. Вы шли через Алмвик? Ты знал, что он был там? Его ты тоже убил?

Пальцы Лифа дрогнули, но лицо не изменилось.

— Если солдаты и умерли, то при исполнении долга. Они подписались защищать страну.

— Он был твоим лучшим другом! — всхлипнула я и снова оказалась в железных объятиях Спящего принца.

— Ну, ну, милая, — сказал Спящий принц, прильнув головой к моему плечу. — Все это делал я, это не вина твоего брата. Скажу даже, что он спас больше жизней, чем должен был. Я не убил и десятой доли людей, которых хотел убить, — я слышала улыбку в его голосе, и от этого было страшнее.

Я не слушала Спящего принца и обратилась к брату.

— И что теперь? Ты живешь в замке Лормеры как его комнатная собачка?

Позади раздалось цоканье языком.

— Это мой наследник, — сказал мне на ухо Спящий принц. — Пока я меня нет своих детей, твой брат — мой наследник. Если у меня появятся дети, он станет герцогом со своей землей, которую передаст своим детям. И больше никаких поклонов. Это моя благодарность ему за то, что он помог мне достичь. Если ты научишься следить за словами, то станешь герцогиней.

— Лучше умереть.

— Это может случиться, — прошептал он и продолжил громче. — Я в большом долгу перед твоим братом, Эррин. Его знания о планировке замка Лормеры, знания о географии и законах Трегеллана. Он бесценен для меня. И он сказал, что ваш прадедушка был капитаном королевской армии Трегеллана. Я вижу это в нем.

Я посмотрела на Лифа, ожидая, что он будет светиться от похвалы, но он лишь поклонился.

Спящий принц снова заговорил:

— Все просто, Эррин. Если поклянешься мне в верности, я тебя награжу. Я хочу процветающее королевство. Мои первые шаги могут тебя пугать, но это того стоит. Я объединю Трегеллан и Лормеру, и мы будем процветать. Ты примешь меня своим королем?

— Нет, — тут же сказала я.

Он сжал мое запястье, и я закричала. Лиф бросился, словно хотел помочь мне, но совладал с собой, лицо его было намеренно пустым.

— Лиф, дашь нам с твоей сестрой поговорить? Твое присутствие раззадорило ее. Я помню соперничество братьев и сестер. И поищи девушку. Возьми големов, Браха и его отряд. Она не могла уйти далеко.

Лиф поклонился, развернулся и пошел, хрустя, мимо лавочек, а потом отодвинул занавеску. Я была потрясена, что он оставил меня наедине со Спящим принцем. И Твайлу одну за ширмой.

Спящий принц развернул меня лицом к себе.

— Я скажу по-другому, Эррин, — радостно заявил он. — У меня твой брат. Сайлас. А через пару часов будет твоя мать. Если разозлишь меня, я им наврежу. Бросишь мне вызов, и я им наврежу. Эррин, твой брат просил только безопасности для тебя и твоей мамы. Он не просил о наградах, что я дам ему. Разве не благородно? Я мог дать ему все в мире, а он хотел,

чтобы его семья была в порядке. Чтобы мы вместе были счастливой семьей.

— Я сказала, что лучше умру.

— И я могу это устроить. Но, думаю, ты изменишь решение. Во снах я тебе нравился. да? — я покраснела, и он улыбнулся. — Да, я тебе понравился. Очень.

— Если бы я знала...

— Ах, да. Ты думала, что это Сайлас. И за этот дар я тоже в долгу у Вастелов. Мой потерянный племянник, зельеварщик. Не ты ли сказала мне во сне, где ты и с кем ты? Страшно подумать, что было бы без такого шанса.

— Нет. Нет. Это было во сне. Понарошку, — моя кровь похолодела. — Нет.

Он кошмарно улыбнулся.

— Я создатель. Я могу создавать жизнь, Эррин. Так я и сделал. Я использовал кровь твоего брата и сделал два маленьких подобия. Я сказал ему, что буду защищать их, и пока я делаю это, вы будете в порядке. Одну я назвал Эррин, а другую — Трина. Трина мне нравилась больше. Ей было просто играть. Такая податливая.

В ушах стоял высокий звон, все кусочки сложились. Кукла во сне. Он показывал ее мне. Сказал, что это я. Так и было. И... боги... Милая. Мама так называла меня, когда была под действием проклятия. Но это было не проклятие. Не было алого оборотня. Это был он. Он сделал ее такой. Он заставил ее поступать так со мной.

Он снова улыбнулся, следя, как я собираю осколки воедино.

— Мне нравилось играть ими. Даже поэтично было играть ими в полнолуние. Загадочно, как в сказках. Я не говорил Лифу, вряд ли он поддержал бы. Но мне было скучно.

Я повернула голову, слезы текли по лицу. Все разы, когда мама терзала меня словами. Это был он. И все мои сны. Он был в моей голове. Горечь подступила к моему горлу.

— Зачем? — тихо спросила я. Стоило обрадоваться, что мама не проклята, но это было даже хуже.

— Меня всего лишили, Эррин, — он погладил мое лицо большим пальцем, повернув меня к себе. — Моей жизни. Моего наследия. Все угасло, а мне едва исполнилось двадцать два. Я пятьсот лет спал. Я проснулся в развалинах. Наследие семьи, которое строили поколениями, стало пеплом, разлетевшимся по ветру. Мне обещали королевство, — прорычал он. — Величайшее королевство в мире. И я получу его. Даже если придется создать его на развалинах Лормеры и Трегеллана.

Он впился в меня взглядом, его глаза безумно пылали, и стало хуже, когда он рассмеялся.

— Тебе стоит поблагодарить меня. Из всех людей ты должна быть мне рада. Посмотри на себя, — он отодвинул меня на расстояние вытянутой руки, разглядывая меня. — У тебя ничего нет. Твоей жизнью распорядились наглые богачи, не уважающие традиции или историю, как и тяжелый труд. Они забрали твою маму и заперли. Вашу родню убивали, Лиф рассказывал мне. Твой прадедушка погиб от их рук. Ты могла всегда жить в замке. И я дам это тебе. Я сделаю все таким, каким оно должно быть.

Я уставилась на него.

— И каким оно должно быть?

— Моим, — хищно улыбнулся он. — Моим, под моим правлением и для моей радости. Мне пришлось расправиться с очагом, Эррин, — нежно сказал он. — Так поступают с заражением. Так нужно было сделать в Таллите, а не звать крысолова. Теперь я это понимаю. Сжечь источник.

— Чудовище, — прошептала я.

— Я король. Отец говорил, что король может править страхом или любовью. Еще пятьдесят лет, и люди меня полюбят. Они не запомнят это, а кто запомнит, посчитает это необходимой тьмой перед рассветом. Когда у них будет богатство и безопасность, будет свое место, они будут довольны и полюбят меня за это. А пока что я буду править страхом, если потребуется.

Он похотливо улыбнулся мне.

— Начнем заново. Я использую Сайласа и нескольких избранных, и мы создадим новых алхимиков. Я найду последнюю в роду Пожирательниц грехов, и ее голова будет над моим тронном, ее волосы я вплету в свою корону, а зубы сделаю своим ожерельем. А потом я буду в безопасности и сделаю эти земли прекрасными, Эррин. Как было в Таллите. И даже ты полюбишь меня за это. И будешь верна мне. Мы с тобой, а еще Сайлас и Лиф, и те, кого я посчитаю достойным, останутся со мной на этих землях, при дворе. Навеки.

Он поцеловал мой лоб, заправил волосы мне за уши. А потом притянул меня так близко, что наши носы соприкоснулись. Я ощущала его дыхание, отчасти металлическое и гниющее, так пахло и от его големов.

— Я спал пятьсот лет, если не считать моментов, когда я просыпался и ел сердца глупышек, похожих на тебя. Я съел сердце своего сына, чтобы у меня вновь была сила создавать големов. И если ты не замолчишь и не преклонишься передо мной, я съем сердце твоей матери, а потом и твоего брата. Я найду всех, кого ты знала: лучших друзей детства, первую любовь, всех, кто был добр к тебе. Я вырву сердца из них и съем у тебя на глазах.

Он опасно улыбнулся.

— И я заставлю Сайласа создавать Эликсир, пока он не сгниет. Я буду заставлять его и выливать зелье в окно у вас на глазах, а потом приказывать сделать новый. И чем больше ты будешь перечить, тем хуже будет всем.

— Что во мне важного? — сказала я, голос оборвался.

— Ничего.

— Тогда зачем вы это делаете?

— Потому что могу. Потому что проспал пятьсот лет, а теперь хочу развлечься, — он отпустил мои руки и выжидающе посмотрел на меня. — Выбирай.

Я не смотрела на ширму, за которой пряталась Твайла.

Я опустилась на колени.

Эпилог:

— Потанцуй со мной.

Многие мечтают стоять в объятиях красивого принца, улыбающегося вам. Его рука обхватила мою щеку, большой палец гладил скулу, пока мы танцевали. Музыка не было, но она и не была нам нужна, это был бал для нас двоих, личный и полный обещаний. Он был рад, я видела сияние в его глазах, его взгляд с моих глаз опустился на губы и вернулся. Его тело спрашивало, его пальцы прижались к моей коже, он притянул мое лицо к себе.

Между нами не оставалось пространства, и я закрыла глаза. А потом пронзила его горло ножом, украденным за завтраком. Нож был тупым, но я надавила всем телом.

Он отшатнулся, его глаза были огромными, и я сжала пальцы, как когти, глядя, как кровь стекает по его бархатному синему воротнику и пачкает рубашку.

Он вытащил нож из шеи и вонзил в мой живот. Я рухнула на пол, в теле вспыхнула боль. Нет. Нет.

Кровь текла на мои ладони, я схватилась за рукоять, инстинкт просил вытащить нож из живота, избавиться от того, что заставляло зрение темнеть по краям. Я умру, если вытащу его. Может, так даже лучше.

Я обхватила рукоять, а его рука впиалась в мою челюсть, заставила меня отклонить голову и раскрыть рот, куда он влил жидкость. Он закрыл мой рот.

— Глотай, — прошипел он, и я послушалась, закричав, когда он вытащил из меня нож.

Я опустила взгляд, а кровь уже не текла, рана закрылась. Я видела это в разрезе в красном бархатном платье. Я осела на землю, лежала на полу бального зала в луже нашей крови. Он опустился на землю рядом со мной.

— Пора это прекратить, — сказал он, приблизившись, как возлюбленный. — Почему ты не успокоишься? Я дал тебе все, ты живешь в замке. Я вернул твою маму, воссоединил вас с братом. Я кормлю тебя и одеваю. Я ничего от тебя не прошу, кроме твоего общества. Что ты хочешь от меня? Честно, Эррин, это становится скучным.

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

— Ах, но ты мне нравишься, — он улыбнулся мне.

— Потому что я ненавижу тебя.

— Нет, — тихо сказал он, лаская голосом. — Не можешь. Посмотри на меня, Эррин. Что ты видишь?

Я отвела взгляд, его пальцы обхватили мой подбородок и повернули мою голову. Я посмотрела на него. Его золотые ястребиные глаза, серебристо-белые волосы. Красивое ненавистное лицо.

— Ты презираешь меня, потому что у меня его лицо, — сказал он. — И хоть ты ненавидишь меня, но все же немного хочешь, потому что я выгляжу как он. Те же глаза, волосы. Такая же улыбка, — его губы растянулись в улыбку — той самой — и я знала, что проиграла снова. — Это убивает тебя. Каждый раз. Потому что я не могу тебя отпустить. Или ты научишься управлять собой, или я сам с этим справлюсь, — выражение его лица стало опасным, невинным, как у хищника, и все во мне сжалось. — Вымойся, — он встал и не предложил мне руку. — Думаю, мы пригласим твоего Сайласа отужинать с нами сегодня. Что скажешь, милая? — я молчала, сердце колотилось, я ждала подвоха. С Ауреком подвох был всегда. — Конечно, его придется принести. И покормить. Вид будет неприятным. Может, ты и не против. Так ведь? Ты ведь ухаживала за матерью, когда она хворала, тебе не привыкать. Конечно, у твоей мамы руки и ноги еще рабочие, хоть она и не может ими управлять. А у бедного Сайласа... выбора нет.

— Прекрати... — прошептала я, во рту появился странный привкус, вестник тошноты.

— Я бы хотел посмотреть, — его голос стал ниже, идея ему нравилась. — Ты режешь ему мясо, поднимаешь вилку к его рту. Ждешь, пока он разжует и проглотит. Вытираешь за него рот, — каждое слово вонзалось в меня иглой. — Не знаю, как далеко Нигредо распространилось на его ноги. В прошлый раз было ниже колена, но теперь... может дойти до бедер. Интересно, он решит стоять или сидеть остаток жизни? Что ты бы выбрала, Эррин? Сидеть или стоять?

Я не сдержалась, меня стошнило. Я содрогалась и кашляла, желудок опустошал себя на мое испорченное платье и на пол.

Он отпрянул на шаг, я услышала отвращение в его голосе.

— Какой бардак. Искупайся. Для ужина тебе принесут новое платье.

Его сапоги ушли, шаги прозвенели по залу. А потом скрипнули по деревянному полу, он повернулся ко мне.

— Ах, глупый я. Я не могу позвать его на ужин. У него нет времени. Ему придется сделать Эликсир, чтобы восполнить то, что я потратил на тебя. Но он не против, ведь зелье спасло тебе жизнь. Отведите ее в комнату, — приказал он скрытому человеку в углу зала.

Слуга безмолвно появился из теней, одетый в серый грубый камзол и подходящие брюки. Он встал надо мной, в темных глазах сияло сочувствие. Его волосы были обрезаны очень коротко, он стиснул зубы и протянул руку, чтобы помочь мне подняться. Я отбила ее. Я не хотела помощи от труса, что опустился на колени перед Спящим принцем, чтобы спасти свою шкуру.

Как сделала я.

— Простите, — сказал он и отошел, чтобы не мешать мне встать.

Я поднялась и разгладила платье. Не удивлюсь, если оно принадлежало когда-то Твайле. Я не знала, где она и как она. Я надеялась, что она убежала далеко отсюда. Я посмотрела на платье и смяла юбки кулаками. Может, она когда-то танцевала в этом зале.

Я медленно вышла из комнаты. Хотя я уже не была ранена, разум просил быть осторожной, говорил, что мне еще больно. Стражи у двери не взглянули на меня, когда я миновала их. Слуга плелся за мной, раздражая присутствием весь путь по коридору. Когда мы дошли до южной башни, он собрался идти за мной до спальни. Я попыталась закрыть дверь перед его лицом, но он сунулся в щель.

— Уйди, — приказала я, но он покачал головой, прижал палец к губам и указал на лестницу. — Я сказала: уйди, — сказала я громче, но слуга не сдавался, отказывался слушаться.

— Нужно поговорить, — прошептал он. — Прошу. У меня мало времени. Ты захочешь меня послушать.

Я взглянула на него, пожала плечами, отвернулась, а он закрыл дверь.

— Ну? — спросила я, оглянувшись на него.

— Твайла еще жива? — его глаза были огромными, он склонился ко мне из-за тяги узнать ответ. — Ты знаешь, где она? Прошу. Если ты знаешь...

— Будто я сказала бы предателю.

— Ты все еще друг для нее?

Я молчала и смотрела на него.

— Хорошо, ты на стороне Спящего принца?

Я опустила взгляд на испорченное платье.

Слуга кивнул, словно я ответила.

— Зачем ты ударила его? Это ведь его не убьет, ты знаешь.

— Так я лучше себя чувствую, — заявила я и тут же пожелала уметь управлять языком и собой.

Он словно угадал мои мысли, уголок его рта дрогнул, словно он сдерживал улыбку.

— Или потому, что ты собираешь его кровь?

— Что? — комната будто сжалась, я огляделась, пытаюсь понять, от кого защищаться.

— Я слышал о тебе. Ты аптекарь. Я знаю, что умеют делать трегеллианские аптекари. Знаю, они умеют разделять зелья, находить их составляющие.

— И что с того?

Он посмотрел мне в глаза.

— Ты всегда стараешься ранить его так, чтобы пошла кровь. Всегда. Думаю, ты хочешь проверить его кровь. Разложить ее. Найти способ остановить его. И я тебе помогу.

— Понятия не имею, о чем ты.

— А если я скажу, что знаю путь отсюда? А если пообещаю помочь тебе, принести все, что тебе нужно, а потом уйти отсюда? Это изменит что-то? Я могу забрать тебя отсюда, Эррин. Когда пожелаешь, — он замолчал и посмотрел на меня краем глаза, глубоко вдохнул. — Это был мой замок.

Я не сразу поняла смысл его слов, а потом посмотрела на его лицо. Да... Да, изгиб скул, линия подбородка. Волнистые волосы были обрезаны, а вещи стали простыми и потрепанными, но теперь я видела это. Это лицо смотрело на людей, когда он сидел на белом коне много месяцев назад.

— Мы думали, что вы мертвы.

— Я научился одному из случившегося с королевской семьей Трегеллана. Если близко те, кто желает зла, то есть два выбора. Бежать или умереть. Но мертвый король бесполезен.

— Для возвращения королевства?

— Если Спящий принц может проснуться, почему не может ожить король? — он улыбнулся, не двигая губами. Что-то в его взгляде говорило о широкой улыбке. Я улыбнулась в ответ.

— Почему бы и нет, Ваше величество?

— Зови меня Мерек, — сказал он. — Как и все мои друзья.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности:

Сложно поверить, что я опубликовала хоть одну книгу, а тут и вторая вышла через год, и меня поддержали и направили такие люди:

Мой агент Клэр Уилсон, выдержавшая все мои письма с «Клэр. Клэр. Помоги». И я не сошла с ума отчасти потому, что мне повезло иметь тебя рядом. Спасибо. И спасибо Лекси Хамблин, я буду скучать, и Розии Прай за многое...

Команда «Пожирательница грехов» в «Scholastic UK», особенно, прекрасных редакторов Дженевьеву Херр и Эмили Лэмм. Хорошо, когда есть один хороший редактор, а два — просто счастье. И мне повезло. Смешно, что в начале редакции они прислали мне письмо с предложениями исправлений, и я отказалась. От. Каждого. Пункта. И моя команда редакторов (включая Мэллори Касс в США) просто сказала: «Ладно. Мы тебе верим. Ты знаешь историю лучше. Если говоришь, что это не сработает, мы найдем другой вариант».

Каждое их предложение все же нашло место в книге тем или иным способом. Каждое предложение было правильным. Когда я редактировала историю, я думала, что знаю историю лучше, но это не так. Они смогли увидеть то, что не видела я. «Спящий принц» от этого стал лучше. Мне повезло с такими редакторами, они доверяли мне. И я никогда не смогу отблагодарить их в достаточной мере за это, я очень горжусь нашей работой.

Джейми Грегори снова сделал мне идеальную обложку, и мне стоит предложить ему душу. Джейми, я дала бы, если бы она у меня была. Рейчел Филипс сотворила чудо, она лучше всех в мире. Спасибо, что ты всегда невероятная.

Спасибо Дэвиду Сангеру, Фи Эванс, Сэму Сэлби Смиту и всем, кто тяжело работал дл

меня за кулисами. Когда-то я выучу все ваши имена и заполню страницы благодарностью вам.

Миллионы благодарностей Мэллори Касс, предложившую невероятную поддержку, о которой мечтал бы любой писатель, а еще дала переночевать в своей квартире в Нью-Йорке. И купила мне чизкейк. И вино. Спасибо. А еще Сарацее Феннелл, Бесс Брасвелл и всем, кто меня поддерживал не вином.

Отдельное спасибо следующим людям, что за этот год сделали для меня невероятное: семье Лионс, Олпортам, Софии Рейнольдс, Денису Штраусу, Эмме Джеррард, Лиззи Эванс Майки Беддарду, Бевину Робинсону, Стин Стьюленд, Нилу Берду, Франческе Шмидт, Кате Раммер, Джулии Блуэт-Грант, Романе Бичиковой, Джиму Дину, Люси Поури, Кейт Орманд Лей Бардуго, Нине Дуглас, Софии Сагир, Шелли Той, Лауре Хьюз, тете Пенни, дяде Эдди и всем-всем, тете Кэт и дяде Полу. Вы все волшебные.

И спасибо Джаверту. Я тебя не забыла. Я не забыла твое имя.